

на
боевом
посту

7'90

ЖУРНАЛ

ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ
МНЕНИЙ

ВАГОН, ИДУЩИЙ В НИКУДА

Шарль Эксбрюайя

«МЫ ЕЩЕ УВИДИМСЯ, ДЕТКА...»

Подполковник в отставке
П. СИДОРОВ:

— В 1926 году рассматривала полковая партиячейка мое заявление. И хоть я с 19-го в комсомоле, назначили два года кандидатского стажа, поскольку выходец из крестьян, а стало быть — собственников. Вот какой тогда был отбор в партию-то!

Капитан в отставке
Ф. ДЕНИСЕНКО:

— На войне говорили кратко: «Если погибну в бою — считайте коммунистом». Нас немного осталось в живых, вступивших в партию в октябре срок первого под Москвой.

**СЕЙЧАС
ЗАКЛАДЫВАЮТСЯ
ФОРМЫ ЖИЗНИ,
КОТОРЫЕ, ВОЗМОЖНО,
ОПРЕДЕЛЯТ
ЛИЦО ОБЩЕСТВА
НА ГОДЫ ВПЕРЕД.**

На боевом посту

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

ОРГАН ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД СССР

7'90

Издается с 1958 г.

Главный редактор
А. Г. ГОРЛОВ.

Редакционная
коллегия:

В. В. АСТАШИН,
 В. В. БАРСУКОВ,
 Б. Р. БОРУКАЕВ,
 В. И. БУСЫГИН
 (ответственный секретарь),
 Ю. В. ДУРНЕВ,
 Н. М. ЗАХАРЧЕНКО,
 А. П. КОТЛЯРОВ,
 И. Т. КОЗЛОВ,
 В. Ф. КУЗЬМЕНКО,
 Г. А. МАЛЮШКИН,
 Е. А. НЕЧАЕВ,
 Л. А. ПАНКРАТОВ,
 Л. Н. ПЕЧЕВОЙ,
 Ю. Л. РАЖЕВ
 (зам. главного редактора),
 А. С. СОКК,
 П. А. СТУДЕНИКИН,
 В. Н. УСКОВ
 (зам. главного редактора),
 В. А. ШОШИН.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ
 ОБЛОЖКИ: старший лейтенант Вадим Суворов. Он служит в подразделении специального назначения, выполнял боевые задачи в горячих точках, где проявил лучшие качества "краповых беретов" — смелость и самоотверженность, верность присяге и готовность прийти на помощь людям.

Читайте о нем в этом номере.

Фото А. АЛЕКСАНДРОВА.

Подполковник А. КУРКИН:

— Что бы сегодня ни говорили про Афганистан, я и мои товарищи шли туда с международной миссией, как и подобает коммунистам. И это не линия поведения — линия жизни.

Старший сержант
Ю. КОВЛЯШКИН:

— На заводе рекомендовали меня в партию, а здесь, в войсках, накануне съезда был я принят в нее. Вернусь домой, спросят, как служил. Расскажу про Коканд, Сухуми, Нагорный Карабах, Баку...

Сводки из За-
кавказья. Саднящие,
как открытая рана,
строки. Сколько уже
человеческих жизней
перемолола на своих
беспощадных жерно-
вах, сколько судеб пе-
рекроила затянувшаяся
межнациональная рас-
пря. Разум отказывает-
ся воспринимать это
как реальность, но фак-
ты остаются фактами.
Там, где бушуют стра-
сти, здравый смысл
бессилен.

НЕЗАЖИВАЮЩАЯ

РАНА

И все-таки мудрость должна восторжествовать. Ради этого находят в Закавказье внутренние войска. Не дать вспыхнувшему пожару разрастись до катастрофических масштабов, перекрыть дорогу, ведущую в никуда, остановить кровопролитие — такова их главная задача.

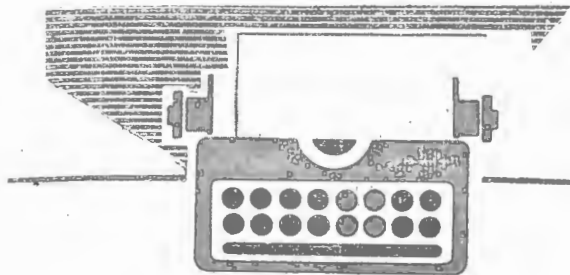
ФОТО
А. АЛЕКСАНДРОВА,
Б. БУЛГАКОВА.

В сложных условиях приходится действовать военнослужащим. О той опасности, которой они постоянно подвергаются, спасая ни в чем не повинных людей, свидетельствуют груды оружия, изъятого у одурманенных националистическим угаром боевиков.

Где предел страданиям народов, веками живших в добром соседстве друг с другом! Когда же наконец закроется эта незаживающая рана — конфликт в Закавказье! Непростые вопросы. Но время не прощает промедления в их решении.

ФОТО
А. АЛЕКСАНДРОВА.

Мы — не винтики

Эти строки писались накануне XXVIII съезда КПСС — съезда, от которого каждый из нас так много ждет.

Прежде всего мы ждем программный документ — Платформу партии. Он определит, насколько точно будет выверен курс стратегической перестройки внутрипартийной жизни: от диктата партаппарата и власти партийных масс. Ведь обновление КПСС не мыслится без раскрепощения снизу, без отказа от многочисленных регламентаций деятельности низовых организаций. Сейчас всем ясно: если первичные парторганизации не получат реальное право на выработку идеологии и политики, принятие партийных решений — КПСС не станет самоуправляющейся общественно-политической организацией единомышленников, где каждый является не только творцом, но и исполнителем партийной идеологии и практики.

Реальная власть партийных масс зиждется на принципе демократического централизма. Его основа — демократия как источник обновления общества. Партия строится снизу, основываясь на выборности, подотчетности и т. д. И централизм должен выражать только волю масс, обеспечивать выполнение всеми демократически принятых решений. Тот же «централизм», которым партия руководствовалась на протяжении десятилетий и который, по сути, еще не отторжен, ничего общего не имеет с ленинским принципом, объединяющим ряды коммунистов.

Возглас негодования «Хватит командовать!» отчетливо слышится не только на промышленных предприятиях, в колхозах,

кооперативах, комсомоле и т. д., но и среди партийных масс. Рядовые коммунисты (заметим, насколько неудачен этот штамп, ведь именно «рядовые» составляют основу партии — первичные организации) больше не желают быть винтиками скрипящей, несмазанной машины. Они хотят видеть КПСС деятельной, живой структурой, выражающей их интересы, а не интересы аппаратной элиты.

Это требование поставлено на повестку дня партийными массами, в том числе коммунистами внутренних войск. И реализация его, думается, должна стать первоочередной задачей среди тех, которые будет решать съезд партии. Причем косметическими мерами здесь не обойтись. Нужна реанимация.

И еще одна мысль. Возможно, спорная, потому что ее по-разному воспринимают «всрехи» и «низы». Читатели помнят, как накануне XIX Всесоюзной партконференции и в ходе ее шла острая дискуссия: проводить аттестацию коммунистов или подождать до лучших времен? Решили подождать. Так не подошли ли эти лучшие времена?

Не пора ли каждому коммунисту и партийному работнику отчитаться перед народом, честно посмотреть ему в глаза? Тогда бы, после аттестации (а может, чистки, подобной той, какие были при Ленине?), люди поняли, кто есть кто — кто является балластом, а кто действительно может идти в авангарде перестройки, и, глядишь, перестали бы связывать с делишками перерожденцев дела миллионов честных коммунистов.

На перекрестке МНЕНИЙ

СЛОВО —
КОММУНИСТАМ
ВОЙСК

1. ЧТО Я ЖДУ ОТ СЪЕЗДА

Пожалуй, как никогда, обостренно довелось почувствовать ответственность за судьбу КПСС в предсъездовские месяцы. Как помочь партии выйти из полосы выпавших на нашу долю испытаний? Как вернуть ей авторитет, растраниженный во времена тоталитаризма, волонтаризма, застоя? Что реально предложить, чтобы коммунисты первичных, парторганизаций не ощущали себя только взносоплательщиками, одобряющими все, что диктуется сверху, а действительно решали жизненно важные проблемы? Эти вопросы не давали покоя в ходе обсуждения предсъездовских документов КПСС, они тревожат меня и сейчас, поскольку конкретные предложения внесены, и хочется быть услышанным.

Что же подсказал мне двадцатилетний партстаж, опыт партработы, учебы в ВПШ? Вот некоторые моменты.

Выборы партийных руководителей любого ранга проводить прямым, тайным голосованием, оказывая доверие коммунистам, чей возраст не превышает пенсионный и состоящим в партии не менее 5 лет. Про-

вести переаттестацию членов КПСС, претворяя тем самым в жизнь ленинский завет: партия сильна не числом, а сознательностью своих членов. Ни в коем случае не отказываться от кандидатурого стажа. Более того, учитывая нынешнюю ситуацию, его стоило бы продлить, поскольку нельзя пускать на слом механизмы, защищающие КПСС от случайных людей. Вся деятельность партии должна определяться только Программой и Уставом, и никаких дополнительных инструкций, циркуляров. Армейские парторганизации должны быть правомочны наравне с другими партколлективами рекомендовать в состав центральных органов партии своих кандидатов. Звание «Ветеран КПСС» (с выдачей удостоверения и нагрудного знака) присваивать по достижении 30-летнего партстажа. Поскольку пенсия — не заработок, а прожиточный минимум по старости, взносы брать только с работающих коммунистов-пенсионеров.

Майор А. КАУРОВ,
секретарь парткома части,
народный депутат.

2. ХВАТИТ ЖИТЬ С ПРОТЯНУТОЙ РУКОЙ

Знаю, что многие парторганизации выступали за то, чтобы в новом Уставе КПСС узаконить ежемесячное оставление в первичке до половины членских взносов. Не успело это пожелание не то чтобы материализоваться, а мало-мальски оформиться в проекте, а уже начали раздаваться голоса: зачем первичной организации столько денег?

Прежде всего замечу, что первичка первичке рознь. В роте, где служат прапорщики-контр о л е р ы, возможно, и набегит приличная сумма. У нас же в строю девять коммунистов, и, как ни прикидывай, боль-

ше тридцатки в месяц не задержится. Немного, но, если расходовать и ее по уму, мы сможем оживить работу, активизировать людей.

Подтверждением тому — дела в комсомольской организации, возглавляемой коммунистом прапорщиком Иваном Николаевичем Прапорщиком. Всего в минувшем году у комсомольцев роты осталось 411 рублей. Этих денег им вполне хватило, чтобы и поощрить активно работающих товарищей, и приобрести необходимое для проведения интересных и полезных мероприятий.

Вот и мы, я уверен, сможем отметить хорошо справляющегося со своими обязанностями партийного секретаря; пригласить и послушать толкового лектора; оказать материальную помощь остро нуждающемуся; не с пустыми руками посетить заболевшего товарища. Словом, мы перестанем ходить с шапкой по кругу и чуть что кланяться политработнику частити, дескать, помогите приобрести за счет десятой статьи то-то и то-то.

Старший прапорщик
С. РАДИОНОВ,
заместитель секретаря
парторганизации.

3. СМОТРЮ И НЕДОУМЕВАЮ

Народ и армия, армия и народ—как бы ты ни повернул, это одно и то же. Славная армия — значит, славный народ, крепкая — значит, и народ крепок.

Русские люди, познавшие за свою историю не только победы, но и разрушительные набеги иноземцев, старались создать такой оплот, который любому неприятелю оказался бы не по зубам. И славился военный человек с того далекого времени. Менялись поколения, а любовь и уважение к нему оставались неизменными. А что же сейчас?

Вот стоят молодые люди, разговаривают. «Пока отсрочка, — говорит один из них. — Нагнал температуру, а врача записала — воспалительный процесс». «Молоток! — хлопает его по плечу другой. — Пусть они сами служат!»

Я смотрю на парней и недоумеваю. Кто же эти «сами»? Уж не мы ли, кому за 50 и у кого за плечами 3—4 года срочной? Ведь нынешним-то и всего предстоит стоять в строю два года, а они и тут ловчат. К тому же разве сравнить теперешнее питание, обмундирование с тем, что вы-

давали нам в 50-е, 60-е годы?

Мне сложно понять причину отлынивания от службы, но одно тут ясно как белый день: нет у многих юношей мужского достоинства, не развито у них чувство преемственности поколений. А недоработка здесь семьи и школы, колхоза и завода, наша общая недоработка.

Вспомним, как молоденькие гусары русской армии рвались в бой, поскольку защита Отечества считалась истинно мужским делом. Как уже в нашем веке сыны полков били фашистов. Да вот и мои сверстники порою, не дожидаясь призыва, сами приходили в военкомат, просились добровольно на службу. Да что там: девчонка гулять, бывало, не пойдет, если узнает, что ухажера в армию не берет. А теперь...

Конечно, большинство молодых людей правильно глядят на жизнь, службу, долг. Но ведь есть и другие, и, к великому сожалению, их немало, кто любимым способом, вплоть до нанесения вреда своему здоровью, увиливает от призыва. Какими же чувствами они руководствуются?

Мне стыдно за тех, кто, взращивая их на слишком удобренной земными благами почве, не привил им главного для всей их последующей жизни — чувства ответственности перед людьми и перед собой. Жаль их самих, жаль их родителей, иные из которых готовы горло перегрызть за свое чадо. Эти люди живут только для себя и только себя признают.

Стране нужны здоровые патриотические силы. Чтобы вырастить их и воспитать, мало одних слов. Требуются терпение, время, а главное — место, где можно организовать и занять ребят по-деловому, по-настоящему, привлекая для этого зрелую молодежь. А посмотрите вокруг — целые районы, где совершенно ничего не предусмотрено для подростков. Вот и разгуливают они сами по себе, трутся в подворотнях, подъездах, обмозговывая свои «патриотические» дела, от которых у самих потом мурашки бегают по спине. И ведь чем дальше, тем хуже. Вчера им не хотелось служить, сегодня не хочется учиться и работать. А ведь они — наше завтра. Если ничего не изменится, все наши потуги погрязнут в развалившейся экономике, в тупости людей, не способных самостоятельно мыслить и решать насущные жизненные проблемы.

Нужна ли нам военная реформа, о которой говорится в Платформе ЦК партии, необходима ли профессиональная армия? Со временем, наверное, это само собой решится. А вот то, что патриотическое воспитание нельзя отправлять в запас, ясно и сегодня. И чтобы каждый молодой человек почувствовал свою причастность к службе. Иначе никакая армия не защитит свой народ. Наемная — она всегда была и останется захватнической. Только любовь, и любовь настоящая, способна защищать то, что мы с детства называем Родиной.

А. ГРИБОВСКИЙ,
рядовой запаса.

г. Ленинград.

4. ПОПРОБУЙ РАЗБЕРИСЬ

Ни для кого не секрет, что наряду с КПСС у нас появились и другие идеологические течения, которые ищут поддержку в массах. Я глубоко убежден, что Коммунистическая партия, избавившись от всего застойного и обновив ряды, преодолет навалившиеся трудности. Но я также считаю: для того, чтобы аргументированно вести партийно-политическую работу, мы должны быть вооружены знаниями о тех, кто шагает в ногу с коммунистами, и особенно о тех, кто нас с этой ноги стремится сбить. Что это за нарождающиеся партии? На какой платформе стоят? Кто их возглавляет? Чьи интересы они выражают?

Из Казахстана я, разумеется, всего увидеть не могу. Печаль же, в зависимости от того, кто выступает, дает разные, порой диаметрально противоположные оценки. Самиздатской литературе тоже верить нельзя. Может быть, наш журнал «На боевом посту» придет на помощь!

Майор В. ЛЕОНТЬЕВ.

ПРИЕХАЛ недавно в нашу роту замести-
тель командира части по политической ча-
сти подполковник В. Политов.

— Скажите, а почему у вас так плохо
с приемом в КПСС?—строго спросил он,
зная, что за последние два года мы при-
няли всего двоих и те—командиры взво-
дов.

Несмотря на настойчивость замполита,
мы, собравшиеся на совещание коммуни-
сты, вежливо отмолчались. Хотя и было
что сказать. Например, у меня такие до-
воды. Если судить по старым меркам, то
мы действительно не проявили активности
в работе с достойными людьми. Впрочем,
таковыми и они являются благодаря тем
же меркам. Но можно ли сегодня при-
нимать в партию только за то, что канди-
дат чист в служебном и моральном плане?
Думается, нет. И нам давно пора менять
свой примерочный аршин.

В прошлом году мы уже приняли в
КПСС старшего прапорщика В. Дмитриева,
который указал в заявлении, что желает
быть активным борцом за дело перестрой-
ки. И что же? Прошло достаточно време-
ни, чтобы ему хоть как-то проявить себя,
хоть чем-то подтвердить обещания. Но
дальше уплаты взносов и выполнения от-
дельных поручений он не идет. Впрочем,
эта беда сегодня характерна для многих
из нас—рядовых коммунистов. Мы при-
выкли, чтоб нас по всякому поводу под-
талкивали да направляли сверху. А пере-
ломить себя теперь ой как непросто. Это
одна из причин того, что, душой стремясь
к переменам, мы по-прежнему «высовы-
ваемся» робко и с опаской. Но есть и дру-
гая.

Например, я по возможности всегда
стремлюсь выступать перед личным со-
ставом с разъяснением материалов плену-
мов ЦК КПСС, республиканской Компар-
тии, давать оценки различным новым яв-
лениям в общественной жизни. Но отдель-
ные моменты сам просто не в состоянии
осмыслить. А люди спрашивают как ком-
муниста, допустим, почему в Литве обра-
зовалось две Компартии? Какие у них плат-
формы? В чем существенные различия? Их
интересуют нюансы, а не общие рассу-
ждения. А где мне это почерпнуть? Инфор-
мация в партийной прессе кажется мне за-
частую скудной, а значит, и я бледно вы-
гляжу перед людьми, не много принимаю-
щими сегодня на веру.

«ИДИТЕ в массы»,—призывают нас, ком-
мунистов, буквально с каждой трибуны. А
с чем идти?

Я знаю, что коммунистов Е. Захарова,
В. Ема у нас слушают внимательно и с
интересом. А что могут сказать сослужив-
цам прапорщик А. Шукуров, сержант
сверхсрочной службы Э. Каршибаев, пра-
порщик Ш. Хакимов, которые тоже состо-
ят в нашей партийной организации и ко-
торым недосуг даже поинтересоваться, что
же происходит вокруг? Ведь они отличают-
ся от беспартийных только тем, что упла-
чивают партвзносы и регулярно присутст-
вуют на партсобраниях.

ПОРА

Но ведь принимали их в партию не мы
одни. И уж коль дело таково, почему бы
не прийти нам на помощь пропагандистам
части? Много ли дает партийным низам
предоставление инициативы, если она не
побуждает к действию?

У меня такое ощущение, будто про-
шедшие годы перестройки для нашей пер-
вичной партийной организации ничего но-
вого не внесли ни в стиль, ни в методы
работы. Так же, как и раньше, из месяца
в месяц обсуждаем итоги служебно-боевой
деятельности, состояние воинской дисцип-
лины личного состава, качество учебы и т. д.
и т. п. Все это, конечно же, важно, но...
Иногда, поверьте, самому себе хочется
крикнуть: «Ау! Не пора ли съезжать с
проторенной колеи?»

Мы живем словно на необитаемом ост-
рове. Или не вокруг нас происходят обла-
стные «революции», вспыхивают межнаци-
ональные конфликты, не прекращаются
нападки на партию... Неужели все это не
требует серьезнейшего осмысления и в
нашей войсковой партийной среде, выра-
ботки своей линии в борьбе за социали-
стические идеалы? Действуя же разроз-
ненно, отстраняясь от насущных проблем
современности, мы теряем доверие воен-
нослужащих.

Ведь как это непросто: на практике не-
сти свои убеждения в массы. Тут нужно
быть не только подкованным по любому
поводу, но и чувствовать, что всякий раз
ты рассуждаешь верно. А кто мне самому
поможет разобраться во всем? Политаппа-
рат полка? Если бы он был в силах, навер-
ное, давно бы уже сделал это.

А пока мы по-прежнему умеем лишь
исправно сидеть и ждать команды сверху:
«Ну-ка, товарищи коммунисты, обсудите
проект Платформы ЦК КПСС к XXVIII съез-
ду партии». И кто убедит меня, что это
обсуждение не будет носить формальный
характер, если годами, десятилетиями ни-
кто не считался с мнением рядового чле-
на партии. Чтобы поверить, что и от твоей
позиции зависит политика партии, нужно
время.

МЕНЯТЬ АРШИН

Пока же я все больше убеждаюсь: авторитет партии среди личного состава держится на авторитете коммунистов-руководителей да еще партийного актива. Беспартийному ведь, поверьте, все равно: коммунист я или нет. Он на меня смотрит как на командира взвода. И скажи я, что вот сегодня отменили шестую статью Конституции СССР, он только улыбнется: «Ну что ж, спецкормушек станет меньше. Авось мыло появится на прилавках без талонов».

Меня это задевает. Обидно, не слыша даже запаха спецъяств, отвечать за то, что кто-то там, наверху, извращал ленинские идеи, за наш счет ел и пил, воровал, доводя страну до застоя. Утешение у меня одно, что член партии М. Горбачев наравне со мной принимает нападки и справа, и слева, несмотря на то, что страну-то всколыхнул он.

НЕТ СОМНЕНИЙ: партии нужны сегодня свежие силы. Но сейчас, думаю, это должны быть люди такие, которые убежденно станут делить с нами заботы КПСС, добиваться ее авангардности не декларативно, а на деле. И мы, партийцы, должны быть поглазастее, поразборчивей.

Обратился ко мне прапорщик Н. Журав: «Дайте,—говорит,—рекомендацию для вступления в КПСС». Человек он немолодой, на службе не новичок. В целом особых претензий к нему нет. Семьянин. Но я-то знаю, отнюдь не за тем он решил связать сегодня свою судьбу с Компартией, что ей трудно и он готов подставить плечо.

Разговорились. Он и скрывать не стал, мол, скоро увольняться в запас, подыскиваю себе местечко, ну и партийность будет не лишним аргументом в его пользу при трудоустройстве.

Я объяснил, что времена изменились. Это раньше иной норовил вступить в КПСС не столько потому, что наша партия коммунистическая, сколько потому, что она правящая. Теперь—никаких привилегий, напротив, одни сложности. Гляжу, а проситель мой пошел на попятную: «Подумать надо тогда еще»,—говорит...

Недавно довелось участвовать в работе партийного собрания части. Речь шла о том, как же нам прибавлять в делах, опираясь на предсъездовские документы партии? Но в докладе все больше было о том, что в такой-то роте нет голковой ленинской комнаты; в таком-то карауле не созданы условия для нормального несения службы; такой-то офицер-коммунист слабо проводит политзанятия и т. д. Может, я и неправ, но сидел и думал, а чего бы вам не спросить в служебном порядке с конкретных виновников? С командира роты—за караульное помещение, с замполита—за ленинскую комнату, с этого старшего лейтенанта—за халатную подготовку к политзанятиям с группой. О том ли сегодня говорить?! Наш социалистический дом рушится, а мы все рассуждаем, какой формы вентили подобрать к кухонному крану.

На мой взгляд, сегодня работа коммуниста должна в первую очередь оцениваться его вкладом в идейное воспитание.

Да, поворачиваться лицом к нуждам людей необходимо. Но и это надо делать тоже с умом. Забота о подчиненных заложена в обязанности каждого командира, и надо ли парторганизации всякий раз по поводу и без повода дергать его, как это сейчас делается? Не лучше ли первичкам нашим подумать прежде всего, как привлечь каждого партийца к пропагандистской работе, как создать подходящую материально-техническую базу для этих целей с использованием, возможно, и части наших партвзносов.

Уже, видимо, не за горами появление в войсках представителей других партий и общественных организаций. Как перестроить работу нашей первички с учетом этого? Какие тут методы необходимы? Может, уже сейчас нужно обсудить в парторганизациях эти вопросы и, выработав определенное решение, передать его через делегатов съезду партии? Ведь проблем у нас, внизу, накопилось очень много. Кто понимает их лучше, чем мы с вами?

Старший прапорщик Ш. КАРИМБАЕВ.
УВВ по Средней Азии и Казахстану.

неб

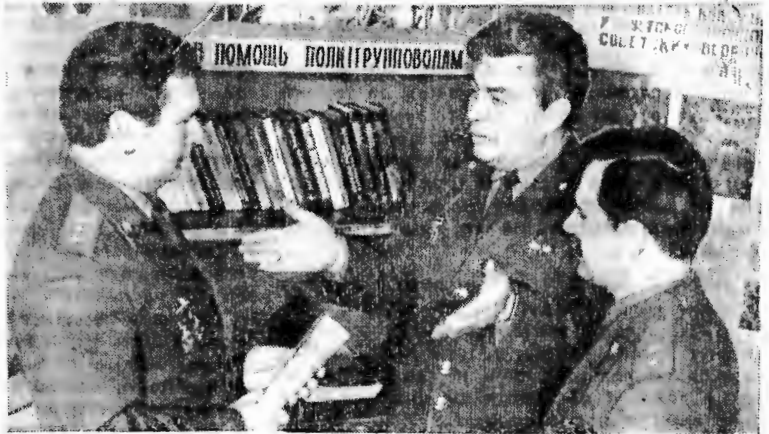
Секретарь первичной

Жизнь прожить — не поле перейти. Вот и Владимир Анатольевич Ноздреватых, прежде чем окончательно пустить корни в землю Курщины, отдал три года срочной морю Черному, потом личманскую пятилетку — Балтике.

Но повесил китель на гвоздь — определился на завод механиком цеха, вступил в партию и, откровенно говоря, не думал, что вновь позовет служба. А вышло именно так, и вот уже подходит к концу десятилетие, отданное войскам внутренним.

Фото В. СЕМЕНОВА

Начинал прапорщик Ноздреватых в ЛТП контролером, последнее время возглавлял войсковые наряды, а почитай весь нынешний год исполняет обязанности заместителя командира роты контролеров по политчасти.

Надо сказать, что и до этого и старшие, и младшие ценили Владимира Анатольевича как грамотного специалиста контролерского дела, зрелищного собеседника, умеющего поспорить, отстаивая собственную точку зрения. Непроста же он, как возглавил на втором году перестройки партийную организацию роты, уже в четвертый раз переизбран на этом посту. Но сегодня его слово и дело, его поведение — это своего рода барометр партийного обновления.

Ноздреватых понимает это и стремится вселить уверенность в сослуживцев, поднять их на добрые дела. Тон партийным секретарем выбран верный: об этом свидетельствует хотя бы то, что накануне партсъезда партийная организация роты пополнилась еще одним членом.

ХУЖЕ НЕКУДА

ЧЬИ ЖЕ МЫ?

Пока наша рота ИТК охраняла, мы, прапорщики, с горем пополам отоваривались в магазине колонии. Но вот сделали у нас в поселке ЛТП, и стали мы ничейные. Администрация профилактория от нас открещивается: вы, мол, в часть ступайте. А до части 80 километров. И когда туда попадешь, там уже ничего нет, а если и есть что, то по талонам. В райпо—все для участников и инвалидов войны, ветеранов труда, организаций и многодетных семей. А к какой же организации мы относимся? Чьи мы?—никак выяснить не можем.

Прапорщик М. АВДЕЮК и другие.
ОТ РЕДАКЦИИ. Нас тоже заинтересовало: чьи же они, эти люди, которые, принося несомненную пользу обществу, сами почему-то от общества элементарных средств и существованию получить не могут! Редакция направила запрос в управление внутренних войск по Западной Сибири. И вот получен ответ. Все поставленные в письме вопросы обсуждены на встрече личного состава с заместителем начальника ЛТП В. Кириенко и заместителем командира части по тылу офицером В. Новиком. Решено, что продовольствием прапорщики будут обеспечиваться наравне с сотрудниками ЛТП, промышленными товарами повышенного спроса — по месту жительства. Как сообщил генерал-майор В. Гафаров, начальнику ЛТП В. Дюбанову руководством УИД Новосибирского облисполкома дано распоряжение выделять автотранспорт для перевозки военнослужащих подразделения в выходные и праздничные дни.

СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ

Начиталась в прессе о порядках в солдатских коллективах—чего там только порой не напишут!—и не удержалась, приехала к сыну—солдату внутренних войск—в гости. Слов нет, служба здесь не из легких, но так, наверное, и должно быть. Главное—в части нет «дедовщины», личность солдата уважают и оберегают. Мой Дима скоро станет сержантом. Надеюсь, он будет так же относиться к своим подчиненным, как и его командиры—старший лейтенант В. Мехряков, капитан С. Вербицкий, подполковник А. Плешаков, подполковник Ю. Долгов.
А. ПОДЗЕМСКАЯ, мать солдата.

г. Москва.

КОГДА СЛУЖБА В ТЯГОСТЬ

ЗА МЕЧТОЙ— В «САМОВОЛКУ»?

Те товарищи, кто тяготеет службой, меня скорее всего не поймут: я хотел и хочу служить. Но...

После окончания учебного подразделения по подготовке младших командиров попал в строительную часть. Увы, ничего военного здесь, кроме разве что построений да формы солдатской, нет. С утра и до вечера—работа, работа и работа. Не подумайте, что боюсь ее. Парень я деревенский. На гражданке и не так вкалывать приходилось. Просто не могу смириться с мыслью: призвался во внутренние войска, а попал в «трудовую армию».

У нас в «конвой» злостных нарушителей переводят. Может, и мне какой проступок совершить—в «самоволку» сходить, что ли, подраться с кем-нибудь из товарищей. Может, и сбудется моя мечта?

**Младший сержант
В. ТУТЕРОВ.**

КАК ПОКОНЧИТЬ С УРАВНИЛОВКОЙ?

...Нужно ввести дифференцированную оплату труда военнослужащим — определить минимум и максимум в должностных окладах. Право кому сколько платить предоставить комиссии во главе с командиром части. Деньги для этого не обязательно просить у народа. Можно и у себя в войсках поискать. Сколько средств тратится только на обучение наших офицеров в академиях! А нужны ли нам «академики»? Сам прослужил двадцать лет без академического образования. Нет его и у нашего начальника политотдела. Среднее военное — у двух заместителей командиров соседних частей. Со своими обязанностями справляемся, и, поверьте, не хуже ученых товарищей.

Можно заменить военнослужащих-женщин — делопроизводителей служб, работников бюро пропусков, медработников и т. д. — вольнонаемными. Да мало ли еще есть скрытых резервов!

Подполковник Р. ДАМИРОВ,
командир батальона.

НЕ ТОЛЬКО СЛАВИТЬ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

...Солдатскому клубу повернуться лицом к «среднякам» и отстающим, видеть и отмечать их любой, даже частный успех.

...Не забывать о силе доброго слова и доброго отношения, побуждающих людей на добрые дела.

Старший сержант Е. ЗАСТАВНЮК,
начальник клуба.

ПЕРЕЙТИ В НАСТУПЛЕНИЕ

...Проводить сборы политработников, на которых выявлять наиболее способных агитаторов, комплектовать из них сильные команды для профилактической агитации среди молодежи в школах, техникумах, институтах и т. д.

Большие агитационные возможности у журнала «На боевом посту». Он может стать настоящей «пресс-бомбой» на прилавках киосков «Союзпечати». А наши многотиражные газеты? Их можно использовать в противовес «неформальным» листовкам.

На митингах, в аудиториях не лишними будут кино-передвижки и видеоаппаратура...

Нельзя забывать: идет борьба за умы и чувства людей и только активные действия приносят победу.

Старший лейтенант В. ФИРСОВ.

г. Москва.

ЧИТАТЕЛЬ СТАВИТ ВОПРОС

БЫТЬ ЛИ ДНЮ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК?

Почему нет в календаре Дня внутренних войск! Разве не заслужили мы, как десантники, пограничники, моряки, летчики и т. д., право иметь свой праздник! У нас есть все — и славная история, и боевые традиции. Служба наша не легче, чем в Вооруженных Силах. Она так же нужна обществу. И в народе наши войска пользуются заслуженным авторитетом. Так почему же такая дискриминация!

По поручению комсомольцев-спецназовцев
младший сержант Ю. ГРИГОРЕНКО.

В ОТПУСК ПОЕХАЛИ ВМЕСТЕ

Недавно побывали в гостях у сына, на слете солдатских матерей. Офицеры В. Погорелов и А. Алипов вложили в это мероприятие душу и сердце. Нам была предоставлена возможность своими глазами увидеть, как живут и служат наши ребята. Можно сказать, два дня мы «прослужили» вместе.

На торжественном собрании участников слета состоялось награждение военнослужащих, отличившихся при ликвидации последствий землетрясения в Армении. Медаль «За боевые заслуги» была вручена и нашему сыну — старшему сержанту Геннадию Тарасову. Ему также объявили отпуск за хорошую службу. Домой мы поехали вместе.

...На гражданке еще говорят о внутренних войсках как о самых «страшных». Теперь мы знаем, что это не так. Внутренние войска решают важные для общества задачи. И мы гордимся, что именно в них служат наши сыновья.

С уважением
А. ТАРАСОВА.

СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ...

Пример настоящего сотрудничества с нами, родителями, в воспитании молодых воинов показывают в части, где служит подполковник В. Козьярский. Офицеры подразделений сообщали нам об учебе наших сыновей, интересовались особенностями их характеров, пригласили на праздник принятия присяги.

Посетив часть, мы увидели своих сынов повзрослевшими, серьезными, уверенными в себе. Настоящие воины! Спасибо их командирам за чуткость, строгость, душевность.

С уважением
солдатские матери —
В. ДУДРОВА,
Г. МАЛЫШЕВА.

г. Ульяновск.

ПОЛУЧЕН
ОТВЕТ

«...И БРОСИЛ ПАРТИЙНЫЙ БИЛЕТ»

Так называлась корреспонденция майора Е. Артюхова в № 12, 1989 г. В редакцию пришло письмо за подписью секретаря первичной партийной организации старшего прапорщика В. Гуковича, в котором говорится, что выступление журнала обсуждено в партийном коллективе. С коммунистами проведено собеседование «Член КПСС и партийное поручение», а с секретарями цеховых парторганизаций — семинар «Отчет коммуниста и подготовка к нему».

К сожалению, в письме не сообщается, по какой причине уволен из войск прапорщик В. Гарвардт, а это, признаемся, было для нас неожиданным.

Что же касается его партийной принадлежности, то, судя по всему, никаких выводов для себя Владимир Эрвинович не сделал. «На партучет в городской партийной организации Анжеро-Судженска Кемеровской области встать отказался. Первичная парторганизация батальона исключила его из партии по параграфу 8 Устава КПСС. Это решение утверждено партийной комиссией части».

Благодаря В. Гуковича за полученную информацию, остается добавить, что мы бы хотели получить ее и от тех партийных руководителей, к кому адресовались вопросы корреспонденции «...И бросил партийный билет».

«ПРАВО НА... БЕСПРАВИЕ» (1990, № 4)

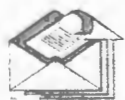
Командир соединения сообщил, что вопросы, изложенные в корреспонденции капитана В. Некрасова, изучены группой офицеров с выездом на место. Сделан вывод: несмотря на тяжелые условия, в которые в силу объективных и субъективных причин были поставлены подчиненные Некрасова, они обеспечили сохранность боевой и другой техники, ее грамотное обслуживание и своевременный ремонт.

Установлено, что в минувшем году капитан В. Некрасов по указанию командира части подполковника Н. Шаповала неоднократно выделял в сторонние организации личный состав для выполнения хозяйственных работ. Подтвердились факты бездушного отношения командования, в том числе бывших начальника политотдела подполковника И. Железко и начальника штаба майора А. Черникова, к справедливым нуждам и запросам военнослужащих. Так, за ротой даже не закрепили автомашину, в то же время обзав личный состав присутствовать на различных меропр-

ятиях при управлении части, находящемся на удалении пяти километров. Можно понять недовольство людей, вынужденных в условиях суровой зимы после просмотра кино, других мероприятий преодолевать это расстояние. Ныне автомобиль выделен.

Командование части, мало заботясь о подлинном обучении и воспитании офицерского состава, пошло по пути администрирования. Конкретная и действительно необходимая помощь подменялась нескончаемыми проверками и разносами. Подполковнику Н. Шаповалу неоднократно указывалось на порочность подобной практики, он привлекался и к дисциплинарной ответственности, но, увы, соответствующих выводов не сделал, о чем убедительно свидетельствуют факты: уже в текущем году из-за неудовлетворительного руководства служебно-боевой деятельностью в части имели место преступления. Проводится расследование, виновные будут наказаны.

Наш адрес: 111250, г. Москва, Е-250,
РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «НА БОЕВОМ ПОСТУ»

— ДИАЛОГ С НАРОДНЫМ ДЕПУТАТОМ —

В Высшем политическом училище имени 60-летия ВЛКСМ МВД СССР, пожалуй, не найти сегодня человека, который бы не знал его биографии, основных положений предвыборной платформы и, конечно же, перипетий борьбы за мандат в Российский парламент.

Кандидату исторических наук, заместителю начальника кафедры истории КПСС полковнику Сергею Вадимовичу СТЕПАШИНУ поистине выпало вновь сдать кандидатский минимум. На этот раз перед своими избирателями.

«КАНДИДАТСКИЙ МИНИМУМ»

— И какие же вопросы вам чаще всего доводилось слышать!

— Почему так плохо работают народные депутаты СССР? Не грозит ли такая же опасность новому составу Верховного Совета РСФСР? Как обеспечить реальную власть Советам? Когда мы будем жить, как люди? Куда все исчезло с прилавков? Будут ли наконец-то в стране соблюдать законы? Что ждет партию? Каково будущее Вооруженных Сил? Чрезвычайно беспокоят людей события в Закавказье, и особенно — почему там гибнут невинные люди?

— А каким был для вас самый неприятный!

— Тут скорее не вопрос, а прямой расчет выбить меня из колеи: мол, товарищ Степашин, не родственник ли вы Чурбанова, Щелокова и т. п. Причем эти расспросы преследовали меня долго, пока я не стал отшучиваться: «Я не родственник Чурбанова, Щелокова, Берии, Ежова, Малюты Скуратова».

— Расскажите о конкретной программе, которую теперь осуществляете. Каковы ее основные направления!

— В экономической области — преодоление бесхозяйственности в республике. По Ленинграду — полная экономическая самостоятельность городу. В политической — реальное обеспечение власти Советов в административных границах их деятельности. К тому же — вся власть Советам в борьбе с бюрократией! В правовых вопросах — обеспечение судебно-правовой защищенности, чести и достоинства советского человека. В области образования и культуры — воссоздание культурных ценностей и традиций народов России, формирование высококультурной, эрудированной, всесторонне образованной личности.

«Поначалу нам, членам группы поддержки кандидата, часто приходилось слышать: «Знаем ваших! Выбрали уже одного военного, Сычева, хватит!» Но после выступлений Сергея Вадимовича пе-

ред избирателями эти разговорчики стали исчезать.

Что нас отличало от команды Басова — основного соперника, поддержанного Ленинградским народным фронтом? Те редко шли к людям, ограничивались листовками. А мы, например, 8 Марта с курсантом Досяком взяли баян и пели на улице песни — знаете, как были довольны бабушки и мамы!»

Курсант А. ВОСТРЕЦОВ.

— Сергей Вадимович, как специалиста-обществоведа не могу не спросить вас вот о чем. Вы наверняка задумывались, почему сейчас происходит столь крутая переоценка исторических событий, многое переосмысливается. Иные даже говорят, что истории как науки у нас и вообще нет.

— Что ж, одно время она действительно фальсифицировалась и была скорее не историей как таковой, а освещением событий в том виде, который был выгоден тем или иным руководителям. Показывать же надо все, без утайки и лакировки. Сейчас у нас появилась новая крайность: разоблачая сталинизм, период застоя, мы забываем о простых и честных людях, которые самоотверженно трудились, создавая огромный экономический потенциал страны. Забываем о тех, кто в течение послевоенных лет не только восстановил разрушенное войной хозяйство, но и обеспечил стратегический паритет. Эти люди искренне верили, что строят подлинный социализм, и его идеям были верны до конца. Не их вина, а наша общая беда, что их по сути предало сталинское и брежневское руководство. Нам пора уяснить: люди, забывающие свою историю, повторяют, как правило, те же ошибки, что допускались ранее.

— Сергей Вадимович, чем вызвано ваше решение стать народным депутатом РСФСР?

— Во-первых, инициатива принадлежала не мне, а курсантам, в основном 3-го курса. Но я ее поддержал, потому что счи-

таю, нам, обществоведам, настало время не только с преподавательской кафедры доказывать, что у социализма есть будущее. Во-вторых, меня не совсем удовлетворяет как состав, так, особенно, практическая направленность работы предыдущего Верховного Совета РСФСР. Есть ряд конкретных предложений, и, честно говоря, хотелось бы воплотить их в жизнь.

— Говоря о практической направленности работы парламентариев, вы имеете в виду механизм «обратной связи», делающей депутата действительно народным!

— Да, но механизма такого пока нет. Его предстоит создавать. В последнее время появилась интересная форма общения — клуб избирателей. По всей видимости, следует придать ему официальный статус. Но самое главное здесь все-таки механизм реализации наказов избирателей. Пока требования, запросы народного депутата не станут в обязательном порядке, и причем в жестко установленный законом срок, выполняться исполкомами, вся его работа опять сведется к пустой говорильне.

Посмотрела теледебаты кандидатов в народные депутаты РСФСР по 112 территориальному избирательному округу и окончательно определилась, за кого буду голосовать: за Степанина! Конечно, у всех кандидатов интересные программы, добрые намерения. Но все же искренность, честность, умение нестандартно мыслить, четкая и ясная позиция по всем вопросам, смелость суждений дают серьезные основания считать, что именно Сергей Вадимович оправдает наши надежды, будет достойно представлять Ленинградцев.

А. ПАНОВА, инвалид Великой Отечественной войны.

— Теневая экономика, рэкет, высокий уровень преступности — такова сегодняшняя действительность. Вы же, Сергей Вадимович, депутат от военно-политического училища МВД. Есть ли у вас программа борьбы с преступностью!

— Действительность убеждает, что в стране действует организованная, коррумпированная на уровне аппарата управления так называемая маргинальная группа. По сути дела сформирован новый класс со своими средствами производства, интересами, огромным влиянием на нашу экономическую жизнь. Именно его представителями организован экономической саботажа в стране. Мы же пока продолжаем главную причину кризисных явлений видеть в половинчатости осуществляемых экономических реформ.

Необходима прежде всего борьба с этой группой и органов народовластия, и трудовых коллективов, и, безусловно, правоохранительных органов.

Далее. Я поддерживаю идею создания муниципальной милиции, выступаю за изменение системы ИТУ: главными критериями здесь должны считаться состояние социалистической законности и уровень ре-

цидивной преступности, а не производственно-экономические показатели. Буду добиваться улучшения материально-технического оснащения правоохранительных органов.

— Что не удовлетворяет вас в проводимой правовой реформе!

— По-моему, мы допустили крен не в ту сторону. Что я имею в виду? Изменения уголовного законодательства, в частности, допуск адвоката к обвиняемому до начала следствия и т. д., направлены на защиту обвиняемого. Но в условиях вспышки преступности, образования организованных, отлично оснащенных, экономически независимых мафиозных групп это приведет к тому, что крупные дельцы будут уходить от ответственности, а большинство советских граждан останутся беззащитными. Поэтому я считаю, что наше законодательство в первую очередь должно быть направлено на защиту потерпевшего, а не наоборот. И еще. Гуманизируя уголовное законодательство, необходимо, на мой взгляд, сопровождать этот процесс повышением прав и правовой защищенности сотрудников органов и наших войск.

— Сергей Вадимович, кажется, самый раз перейти к наиболее близким нам проблемам офицерской службы. Хотелось бы знать, что вы о них думаете, какими видите пути их решения!

— Есть силы, которые пытаются сегодня противопоставить армию народу. К большому сожалению, делают они это далеко не безуспешно. И основной удар в этой кампании наносится по офицерскому корпусу. Нас все время пытаются заставить каяться перед народом за свой низкий «моральный облик».

Я прослужил в войсках более 20 лет и никогда раньше не чувствовал себя так неуютно в форме советского офицера. И это не где-то в Ереване, Баку, Сухуми. В своем родном городе — Ленинграде! Нет дня, чтобы не увидел неприятно обжигающего взгляда, не услышал гнусной реплики.

Да, наша воинская жизнь неотделима от общества, и застой не обошел ее. Есть и среди офицеров люди, которые позорят строй. Немало стоит проблем и перед нашими военными вузами в плане коренного изменения подготовки квалифицированных, высококультурных офицерских кадров.

Но есть и другая сторона офицерской жизни. 12—14-часовой рабочий день, служба, как правило, без выходных. Ответственность за судьбы десятков, сотен, а то и тысяч подчиненных, «беспризорные» дети и «безработные» жены. Невысокая по нынешним меркам зарплата, долгое ожидание жилья. Прибавьте нагнетаемое средствами массовой информации и даже некоторыми народными депутатами психологическое давление на армию. Выдержать это дано не каждому.

Как следствие — резкое падение престижа офицерского труда, сокращение количества поступающих в военные училища,

рапорты об увольнении молодых офицеров. Хочется спросить: разве перестройка преследовала такие цели?

«Это было совсем не просто — сломить откровенно предвзятое отношение к нам части населения. Оно изо дня в день формировалось неформальной прессой, добровольными агитаторами из ЛНФ. Вот, например, что услышали курсанты, проводившие опрос общественного мнения у станции метро «Проспект Ветеранов», от токаря А. Мостова:

— За кого голосовать? Сначала вычеркну аппаратчиков, затем — военных, потом членов КПСС. Ну а дальше? Кто приглянется!

И все же ежедневной разъяснительной работой группа поддержки подполковника Степашина сумела привлечь на свою сторону большинство избирателей, не запачкаться в потоках грязи, выливаемых оптом на военнослужащих, на коммунистов их «некорректными» соперниками. Наши заставили пришедших на выборы задуматься и не опускать свои бюллетени поспешно за того, кто больше наобещал».

Курсант А. РАСЬКО.

— Видимо, пробил час, когда и армию, войска надо защищать. Но как?

— В связи с этим — ряд соображений. Необходимо кардинально пересмотреть положение о прохождении офицерской службы, предусмотреть положение об увольнении в запас по инициативе самого офицера, скажем, через 5—10 лет после окончания училища. Следует наделить Офицерские собрания самыми широкими полномочиями. Настало время более внимательно посмотреть на жизнь, быт и подготовку наших будущих офицеров в училищах. Я думаю, что народные депутаты должны больше проявлять заботы о стимулировании труда офицеров. Получать больше должен тот, кто непосредственно работает с людьми в подразделениях, а не офицеры управлений. Пришла пора «дать отставку» уравниловке в оплате труда плохо и хорошо работающих офицеров, предоставив право регулировать этот вопрос опять-таки Офицерскому собранию.

— И последний вопрос. Что связываете вы с XXVIII съездом КПСС?

— Партия переживает сегодня не лучшее время. Происходящие в стране глубокие перемены, острота возникших проблем придадут съезду особое значение. Мы, коммунисты, прекрасно видим: народ устал от обещаний и заверений. Кредит доверия, можно сказать, исчерпан. Ни 6-я статья Конституции, ни резолюции наших собраний, пленумов и форумов, ни постоянные напоминания, что именно партия явилась инициатором перестройки, а наши конкретные дела должны доказать, что КПСС является ведущей политической силой советского общества. На эти дела со всей решимостью нас и поднимет XXVIII съезд.

**Вел беседу
капитан В. ШЕВЧЕНКО.**

В Совете МВД СССР

На заседании Совета МВД СССР, состоявшемся 30 мая, с докладом «О состоянии и мерах усиления борьбы с преступностью в стране» выступил Министр внутренних дел СССР генерал-лейтенант В. В. Бакатин. Докладчик проанализировал причины, сдерживающие перестроечные процессы в структурах министерства, и эффективность их работы. Определен круг проблем, разрешение которых должно стать во главу деятельности министерств союзных и автономных республик, главков, всех органов внутренних дел.

Касааясь практики работы непосредственно Совета МВД, тов. Бакатин высказал настойчивое пожелание, чтобы этот орган в первую очередь решал перспективные вопросы и первоочередные задачи.

С содокладом «Об улучшении взаимодействия с населением и общественностью в обеспечении охраны общественного порядка и борьбе с преступностью» выступил начальник Управления профилактической службы МВД СССР генерал-майор милиции Б. В. Воронов. Второй содоклад «О проекте Закона СССР об оперативной розыскной деятельности органов внутренних дел» сделал начальник Отдела правового обеспечения деятельности органов внутренних дел МВД СССР полковник милиции В. В. Сергеев.

В прениях выступили министры союзных и автономных республик, руководители и сотрудники краевых, областных, городских, районных органов внутренних дел, представители взаимодействующих органов, общественности. Среди поднятых ими — вопросы о трудностях в комплектовании милиции; о договорах с местными Советами народных депутатов по оплате дополнительных сил патрульно-постовой службы; о повышении мобильности и профессионализации милицейских подразделений; о перерождении функций и изменении структуры политорганов; об обеспечении безопасности сотрудников органов и военнослужащих внутренних войск; о разграничении сфер деятельности союзного и республиканских министерств, искоренении параллелизма в работе между ними и другие.

Участники заседания высказали немало мыслей, как повысить эффективность борьбы с преступностью, вовлечь широкий круг общественности в правоохранительную работу. В частности, предложили местным органам внутренних дел создать советы, аналогичные Совету МВД СССР, которые служили бы укреплению связи с населением.

НЕФОРМАЛЬНОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ

«ПАТРИОТЫ» И «ДЕМОКРАТЫ»: КТО ЕСТЬ КТО?

«В стране действуют тысячи неформальных политизированных организаций, — пишет нам полкработник батальона капитан И. Егюшкин. — Многие из них метят на роль политических партий, ведут борьбу за власть, пытаются распространить свое влияние на армию, внутренние войска. Не опаздываем ли мы и на этот раз, оставляя без разъяснения, без оценки их суть, цели и методы?»

Стремясь ответить на этот и другие вопросы, содержащиеся в письмах читателей, предлагаем вашему вниманию статью молодых московских ученых, отразившую одно из существующих на этот счет мнений, которое далеко не бесспорно и не во всем разделяется редакцией.

ОТСУТСТВИЕ дефицита и даже перепроизводство очевидно сегодня только на одном «рынке» — политическом. Обилие политизированных самодеятельных формирований — заметная черта «перестроечного» времени. Их существует великое множество, с самыми пестрыми и экзотическими программами: от анархистов до монархистов. Что это — досуговые объединения любителей политики? Но роль их в общественной жизни день ото дня неуклонно повышается, порой скачкообразно. В Прибалтике «народные», по сути — национальные, фронты практически полностью подчинили себе государственные структуры, на юге страны они принимают самое деятельное участие в разжигании кровавых межнациональных конфликтов. Так что внимания «неформалы» заслуживают особого пристального.

Поначалу ориентироваться в мире «неформалов» представляется чрезвычайно сложным: за два-три года только по Москве возникло около полутора тысяч разных движений, организаций, союзов и т. п. Но общую классификацию облегчила сама жизнь. К концу прошлого года произошла поляризация «неформалов». Внутреннее противостояние политических сил в обществе, в Верховном Совете, в ЦК КПСС и его Политбюро отразилось в их среде как противостояние так называемых «демократов» («Демократическая Россия») и блока Общественно-патриотических сил России. Нужно отметить, что продолжается сопровождающаяся противоборством активная консолидация и тех и других по вертикали и по горизонтали, поиск материально-тех-

нической базы, массовой опоры, могущественных сторонников и покровителей «наверху».

Противостояние на различных общественных уровнях выглядит примерно следующим образом. В Верховном Совете, среди народных депутатов СССР: яркие «демократы» — члены Межрегиональной депутатской группы — Б. Н. Ельцин, Г. Х. Попов, Н. П. Шмелев, А. А. Собчак и в противоположность им известные «патриоты» В. А. Ярин, В. И. Белов, В. Г. Распутин плюс баллотировавшиеся в народные депутаты России — Р. И. Косолапов, А. А. Сергеев, И. С. Глазунов. Печать, телевидение разделяются так: с одной стороны «Огонек», «Литературная газета», «Московские новости», тележурнал «Взгляд», с другой — «Советская Россия», «Молодая гвардия», «Наш современник», «Литературная Россия». Спектр неформальных организаций: на стороне «демократов» — Межрегиональная ассоциация демократических организаций (МАДО), состоящая из Российского и Московского Народных фронтов (РНФ, МНФ), «Демократического Союза» (ДС), «Мемориала», «Объединения избирателей» (МОИ), «Анархо-синдикалистов» (КАС); к «патриотам» относятся — Объединение «Народное согласие» (Объединенный Совет России, ОСР), включая «Объединенный Фронт Трудящихся» (ОФТ), «Единство», «За ленинизм и коммунистические идеалы», «Отечество», «Всероссийский фонд культуры», Товарищество русских художников, Фонд восстановления храма Христа Спасителя, Союз духовного возрождения России и проч.

Контрастна и социальная ориентация «демократов» и «патриотов». Первые выражают интересы «прогрессивно мыслящих» руководителей, кооператоров, творческой интеллигенции, части студенчества, «фермеров». Вторые в основном обращаются к рабочим, крестьянам, несановной интеллигенции: врачам, учителям, военным служащим, инженерно-техническим работникам.

Нужно смотреть правде в глаза: мы живем во все более социально дифференцирующемся обществе, идет процесс активного образования классов. Политизированные неформальные объединения как раз являются зародышами политических партий нарождающихся классов. Сегодня они своими программами и действиями косвенно указывают на представляемые ими социальные силы. Завтра с учетом новых демократических путей формирования власти, после окончательных выборов кто-то из них окажется в Совете, парламенте. А кто-то уже находится там. Как же разобраться: кто есть кто среди «неформалов»?

В МОСКВЕ «неформалы» пока служат зеркалом, в котором можно наблюдать глубинное многообразие разнонаправленных течений политической жизни, пока еще явно не выравнившихся на поверхность. Эти формирования выпукло, рельефно и наглядно, доступными массам средствами выражают интересы различных групп в обществе: их взгляды на мир, программы общественного переустройства.

Главная черта «демократов» — более или менее резкая критика 70-летней истории СССР, марксизма-ленинизма, Компартии, полное отрицание каких-либо достижений страны до апреля 1985 г. Причиной всех неудач, в том числе и новых, «перестроечных», они считают исключительно «наследие сталинизма», «сопротивление административно-командной системы», консерватизм и недостаток культуры у советского народа, его леность и бесхозяйственность. Основным ориентиром «демократы» видят высокоразвитые индустриальные капиталистические страны (США, ФРГ, Швецию, Японию и др.). «Лекарством» же от всех бед полагают распродажу общественной собственности всем желающим, последовательное внедрение рыночных отношений, включающих механизмы инфляции, безработицы. Акцент «демократы» делают на узком слое «предпринимчивых индивидов», которые должны сконцентрировать в своих руках значительные богатства на правах частной собственности и стать новыми «хозяевами жизни». Для них предлагается создавать особые условия благоприятства: сеть коммерческих магазинов, аукционы предметов роскоши, спецсети платного образования, медобслуживания и т. п.

О том, что «демократам» предоставляют «зеленую улицу» в большой политике, сви-

детельствуют уже принятые под их давлением законы о земле, аренде, собственности, кооперации.

«Демократы» возникли раньше своих соперников на год-два. Срок немалый по нынешнему быстротекущему времени. Сегодня их взгляды широко рекламируются, их точку зрения выражает подавляющее большинство средств массовой информации и пропаганды. Осознать свои взгляды и сплотиться «демократам» помогает их собственная «самиздатовская» пресса: примерно три сотни изданий, многие из которых продаются в подземном переходе на Пушкинской площади. Характеризуя исторические корни идеологии «демократов», приходит на ламять такое слово, как «дисидентство» — термин, ныне немодный, но наиболее точно отражающий суть явления.

Социальной базой «демократических» движений являются люди, уже много выигравшие от перестройки, и поддерживающие их, зачастую не обремененные особой заботой о хлебе насущном кооператоры, представители научной и творческой интеллигентской элиты, журналисты, работники совместных предприятий, люди, имеющие возможность часто совершать поездки за рубеж, и т. п. Свое прямое представительство «демократы» относят к Межрегиональной депутатской группе (МДГ).

Голубой мечтой «демократического» актива является прямое участие в управлении государством, приглашение их правительством за круглый стол переговоров, переход в ранг профессиональных политиков. «Восточноевропейский вариант», по их мнению, — наилучший сценарий развития событий. Патологически не симпатизируя Советской Армии, органам госбезопасности, МВД, «демократические» идеологи тем не менее, предполагая возможность подчинения им этих институтов, декларируют порою со страниц газет необходимость для успешного проведения предлагаемого ими варианта перестройки некоего подобия «железной руки», ВЧК, «демократической диктатуры».

«Демократы» активно сотрудничают с западными агентствами печати и радиовещания, стремятся к проведению «массовых» кампаний: сборов подписей под обращениями подчас сомнительного содержания, организации митингов, шествий, пикетов, демонстраций, распространения листовок. За последнее время их активность приобретает все более «официальный» характер: движения мало-помалу регистрируются, открывают счета в банке и даже обрывают своим «аппаратом», деловыми контактами.

К сожалению или к счастью для «демократов», их «оппозиционность» иллюзорна: все или почти все их общественно-политические идеи и проекты лишь ненадолго опережают официальную политику. Кажется, что они просто сбрасывают «пробный камень» для общественного мнения.

Дико, страшно неприемлемо воспринимались год назад идеи «ДС» о необходимости плюрализма собственности и частной собственности в СССР, об отстранении КПСС от политической власти, многопартийности, о «преступном» и «тоталитарном» характере социализма, но кого сейчас может удивить открытое высказывание этих «идей» со страниц самых массовых изданий, с трибуны Верховного Совета или пленума ЦК КПСС? Из оппозиционеров «демократические» неформалы все больше превращаются в легкий авангард официальной политики. И не случится ли, что «Убей коммуниста!»—один из лозунгов так называемого «Демократического Союза» [см. газету «Правда», 1989, 12 марта]—станет завтра узаконенной политикой!

КАК РЕАКЦИЯ на такой «демократический» ход перестройки, как результат растущего недовольства значительной части населения страны появились самостоятельные формирования, объединившиеся в блок Общественно-патриотических организаций России. Дата их возникновения—лето 1989 года. Прежде всего объединились организации, декларировавшие приверженность социалистическим и патриотическим идеалам. Эти организации, как более «молодые», значительно уступают своим противникам организационно, материально-технически, но все же нужно признать их решительность и настойчивость, оптимизм.

«Демократы» очень ревниво, на удивление недоброжелательно отнеслись к конкурентам, нарушившим их монополию на арене «неформальных» движений. Они не поспешили на самые разные предположения: об «аппаратном» происхождении неприятеля, его связи с «экстремистами» из «Памяти» и т. п. Но ни один из этих слухов и мифов не подтвердился—и шум проходит сам собой.

Указывая на российские, отечественные демократические традиции, «патриоты» отвергают упреки в «консерватизме» и проповеди «национальной исключительности» как направленные не по адресу.

Считая необходимым заимствовать лучшие достижения Запада, «патриоты» указывают на подлинные, по их убеждению, причины появления там высокоразвитого «общества потребления»: высочайший уровень развития дисциплины внутримонopolного планирования, преодоление стихии рынка посредством раздела его на секторы и сегменты долгосрочными договорами.

Весьма критически оценивают идеологи общественно-патриотического блока идею «рыночного социализма»: он нацелен не в завтрашнее индустриально совершенное общество XXI века, а в позавчерашний домонополистический капитализм века XIX. Ведь широко рекламируемый у нас облик «свободного рынка» остался на земном шаре лишь в самых нищих и отсталых стра-

нах «третьего мира», а настоящий современный капитализм не имеет с реакционной утопией «свободной торговли» ничего общего.

По мнению «патриотов», тиражируемые «демократами» иллюзии о том, что сверхдержавы капитализма кровно заинтересованы в появлении на мировом рынке СССР в качестве «мощного» суперконкурента, небезопасны. Ведь так громко воспеваемая «социализация» капитала основана во многом на ограблении, искусственно поддерживаемой отсталости «третьего мира», а главным стимулом трансформации всего капиталистического сообщества стал итог второй мировой войны, когда весь мир мог оценить преимущества социализма СССР как в социальном, так и в экономическом аспекте.

Сегодня политизированные неформальные объединения своими программами и действиями косвенно указывают на представляемые ими социальные силы.

Завтра — кого-то из них мы увидим в Советах, парламенте.

Так же специфически критикуют «застой» «патриоты». Основные причины «бюрократизации» и отчуждения «собственности» видятся им в мелкобуржуазной ревизии социализма. Если к концу пятидесятых мир говорил о «русском чуде» стремительного экономического развития, если народное образование и здравоохранение тех лет было на уровне тогдашних «европейских стандартов», если государственные деятели США паниковали по поводу «непреодолимого отставания в освоении космоса от русских», то в середине 60-х были заложены все социальные и экономические предпосылки застоя и разложения построенных основ социализма. Да и к чему иному могли привести попытки «скрестить» социалистическое хозяйствование с рынком, как не к ориентации экономики на производство прибыли (т. е. на дефицит, дисбалансы, замораживание зарплат и проч.), как не к появлению привилегированных прослоек, подпольной «советской буржуазии», как не к превращению представительств рядовых тружеников в выборных органах партии и государства в «фасадное», формальное?!

«Патриоты», исследуя причины застоя, придерживаются классового точки зрения. По их мнению, подмена диктатуры проле-

тариата фикцией «общенародного государства» обусловила деполитизацию и деидеологизацию трудящихся. При отчуждении их от управления страной стал возможен процесс социальной дифференциации, развивающийся по нарастающей, фактическиго возрождения класса «советской буржуазии».

Важно отметить и такой нюанс: если прежде была успешно решена задача выхода экономики Страны Советов на передовые позиции по экстенсивному развитию экономики (энерговыворотке, ресурсодобыче и т. п.), то совершенно была проигнорирована главная задача мировой экономики 1960-х: переход к перманентной научно-технической революции, к энергоресурсосбережению, экономии труда.

«Неформальное» противостояние — временно. Это форма социальной борьбы, явление, целиком принадлежащее «переходному периоду».

Экономисты-«патриоты» разработали альтернативную концепцию перестройки: замалчиваемый «экономистами-монополистами» средств массовой информации плановый противозатратный хозяйственный механизм. Основной его принцип — соединение посредством плана революционных научно-технических разработок на государственном уровне с интересом каждого рабочего их внедрять: через последовательную оплату по труду, без всяких «потолков».

Экономисты-«патриоты» резко выступают против экономического принуждения к труду: безработицы, инфляции, уничтожения права на гарантированный отдых; они считают главным стимулом экономического поощрения стимулирование эффективного высокопроизводительного труда. И антиинфляционной мерой выступают в этом случае не антирабочие законы о фактическом замораживании роста фонда заработной платы, а простая постановка его роста в прямую зависимость от снижения цен на выпускаемую продукцию, повышения ее качества (срок службы потребителю и т. п.).

Экономисты-«патриоты» считают, что не рыночная стихия, а плановое начало должно ставить производителя перед дилеммой: или внедрять новшества, снижая цены на продукцию, повышая ее качество, или разоряться, живи на пол-, треть зарплаты. Именно подобные «прозападные» принципы планирования, на деле же — социалистические, позволяя, на деле же — социалистические, позволяя кровно заинтересовать ра-

бочего, итэровца в плановом «товарообеспеченном» удешевлении продукции, повышении оплаты труда и даже — в сокращении рабочего дня, увеличении отпусков и т. п.

В политической сфере общественно-патриотические организации отстаивают необходимость прямого представительства (минимум 50 процентов) рабочих, крестьян, несановных интеллигентов в выборных органах партии и государства «на основе тайных альтернативных выборов, сохранение права на труд, отдых, бесплатное образование и медобслуживание; настаивают на проведении обмена денег с представлением декларации о доходах (с целью конфискации «награбленных у народа миллиардов»); считают политическим вопросом ориентацию не на распродажу национального достояния иностранцам, а на обеспечение каждому труженику возможности получать по своему труду на госпредприятии.

В КУЛЬТУРЕ писатели, поддерживающие блок общественно-патриотических организаций, нетерпимо относятся к «пропаганде насилия и бесстыдства», стараются возрождать патриотические чувства людей, воспитывая на примерах героического прошлого, национальной истории, на шедеврах культуры, народного искусства. Русский вопрос, судьба народов, населяющих многонациональную Российскую Федерацию, — в центре их внимания. Возродить собственные государственные и общественные структуры России (ЦК Российской Компартии, Академию наук России, гимн, системы управления социально-экономическими процессами), прекратить «порочную практику бесконтрольной передачи от РСФСР в госбюджет ежегодно 70 млрд. рублей безвозмездно, взять под защиту всех выходцев из России, живущих в других республиках, создать издательства и другие культурно-просветительные учреждения в областных центрах — таковы пункты программы национального возрождения России.

Представители «патриотической» оппозиции в больших претензиях к гласности, особенно в экономической науке: считают экстренно необходимой организацию дискуссии с «правительственными» экономистами, трансляцию ее на самую широкую аудиторию. По их мнению, это разрушит устоявшийся стереотип общественного сознания о «безальтернативности» рыночного пути развития и «непобедимости» его идеологов.

ОСОБЕННО ярко противостояние «демократов» и «патриотов» просматривается и в их отношении к КПСС. «Демократы» вышли на политическую арену уже в самом начале перестройки. И соответственно и здесь опередили своих оппонентов.

«Демократическая платформа» КПСС возникла в преддверии XXVIII съезда партия

Ее идейное содержание напрямую связано с неформальным «демократическим» крылом. В основе лежат партийный парламентаризм, отказ от диктатуры пролетариата и классовой борьбы, рыночный социализм, утверждение первенства интересов личности перед общественными интересами, национальных чувств—перед интернациональными, провозглашается отказ от территориально-производственного партийного строительства, что ведет в итоге к деидеологизации рабочего класса, армии; отстаивается и свобода фракций в партии.

«Патриоты» критикуют «Демократическую платформу» как ликвидаторскую (а официальную, одобренную февральским (1990 г.) Пленумом ЦК КПСС,—как «правую социал-демократическую»). По их мнению, «Демократическая платформа» нацелена на идейное и организационное разложение КПСС, отстранение ее от власти, превращение в одну из парламентских партий.

Благодаря большой поддержке средств массовой информации «демократы» сумели бросить влияние и на проект Платформы ЦК КПСС к XXVIII съезду, где не фигурируют такие основополагающие положения, как авангардная роль рабочего класса и коммунизм. Само название «К гуманному, демократическому социализму» подчеркивает близость Платформы ЦК социал-демократическому характеру (термин «демократический социализм» — продукт Социинтерна, который в 1951 году декларировал все свои положения согласно идеологии социал-демократии: социализм мыслится только как реформированный капитализм с многопартийностью и частной собственностью). Этим принципам неукоснительно следует ныне все «неформально-демократическое», навязывая их и КПСС.

Позиция «патриотов» распространена пока в основном на «самиздатском» уровне. Главные тезисы: «увеличение числа рабочих в составе ЦК, введение их в Политбюро (к рабочим, по мнению «патриотов», следует приравнять и колхозников, и не занимающую высоких постов интеллигенцию); выборы делегатов на альтернативной основе; восстановление Центральной Контрольной Комиссии; неукоснительное соблюдение принципа свободы обсуждения до принятия решения и обязательность его выполнения после всеми членами партии, включая и тех, кто не согласен. «Патриоты» считают необходимой чистку партии от «балласта» и лиц, выражающих антикоммунистические взгляды, требуют введения партаксимиума.

Говоря о позиции «патриотов», нельзя не отметить, что она более последовательна, чем обнародованная в педдверии XXVIII съезда «Марксистская платформа в

КПСС»—центристская по сути, отличающаяся от проекта Платформы ЦК лишь критикой буржуазных тенденций в перестройке и провозглашением приверженности социальным гарантиям, внутрипартийной и общественной демократии.

Если «демократические» представители усматривают «корень зла» в коммунистической идеологии, то «патриотический» альянс опирается на современную платформу научного коммунизма. Компартия, созданная Лениным, по их мнению, способна на великие свершения, но только в том случае, если будет представлять интересы исключительно трудящихся. И запросы последних отождествляются именно со скорейшим построением социализма как первой фазы коммунистического общества.

Ситуация такова: «демократический» блок активно участвует в деструктивном процессе, разрушая общественные связи и в профсоюзном, и в партийном движении, делая попытки создавать «параллельные структуры», например, «соцпроф» или «Щит»—в армии, не говоря уж об информационной «самиздатской» системе и «неформальной» партийности. «Патриоты» всеми возможными силами пытаются предотвратить распад внутренних связей, который неминуемо приведет к утрате завоеваний социализма. Они ратуют за очищение нашей социальной и экономической жизни от пробуржуазной «пены», поэтому их позиция основывается на тесном сотрудничестве и взаимодействии как со здоровыми силами в партии и профдвижении, так и с представителями государственной власти. Может быть, чтобы отбросить сомнения о националистической основе «патриотов», нужно заметить и то, что ими разрабатывается проект возрождения Коминтерна.

Как выборы депутатов в Советы, так и определение делегатов на XXVIII съезд КПСС являлось полем протывоборства; «демократы» и «патриоты» представляют немалую силу, и их спор на съезде выразится в том пути, которым выйдет идти Стране Советов.

«Неформальное» противостояние — временно, при полном проявлении «лица» различных социальных группировок и сил оно изживет себя и будет отброшено (как и «самиздат»). Это форма социальной борьбы, явление, целиком принадлежащее «переходному периоду». Итогом станет завершение формирования классов, оформление и регистрация их партий, открытая политическая борьба. Маски спадают! Мы увидим лица всех, кто претендует на господство, на право определять, каким быть нашему обществу, какой «вид» демократии будет проводить правящая сила.

С. БЕНДИН,
П. БЫЛЕВСКИЙ.

Пик кровавых событий, происшедших в начале этого года в Азербайджане, был освещен буквально всеми средствами массовой информации. И хотя бикфордов шнур погашен, но еще не вынут из заряда. Потому острая боль не отпускает сердце: потухнет он навсегда или вновь воспламенится! Большая беда никого не обошла стороной. Какие же думы обуревают сейчас коренное население республики, беженцев, называемых здесь ерезами (ереванскими азербайджанцами), жителей армянских полублокированных поселений, русскоязычных людей, военнослужащих Советской Армии, внутренних и пограничных войск!

ГОРОД ХАНЛАР. По ночам здесь уже не стреляют. Хотя есть чем и из чего: много оружия и боеприпасов жители хранят до «лучших времен». Полковник В. Лапшин, возглавлявший в тот период формирование внутренних войск, и политработник полковник Л. Вакулич демонстрируют образцы «невывстреленной смерти»: боеголовки снарядов, снаряженные пулеметные ленты, патроны от различных систем автоматического оружия, самодельные гранаты и мины. Впрочем, самодельными их можно назвать относительно: отлитые из чугуна корпуса, выточенные на токарных и фрезерных станках скрепляющие части — их не сделать в домашних условиях, они родились в заводских цехах или хорошо оснащенных мастерских. Есть, правда, и полкустарные образцы гранат: алюминиевый аэрозольный баллончик заполняют чугунными осколками, заливают разогретым взрывчатым веществом, вставляют детонатор с коротким бикфордовым шнуром — и остается только найти «противника».

— Вначале противником были армяне, затем — наш брат, — невесело говорит Вакулич. — Кто будет следующим? Ведь лидеры Народного фронта уже набили руку на создании образа врага, опробовали свою военную организацию в деле.

Да, боевики уже почувствовали вкус крови и горелого человеческого мяса. К сожалению, местные власти оказались неспособными противостоять разнузданным молодчикам и подчас потакали им, срачивались с ними на националистической платформе. «Мы не раз вели переговоры с местным НФА, — вспоминает Лапшин. — Убеждали сдать оружие, прекратить вооруженный разгул, но до тех пор, пока мотострелковые части Советской Армии не протаранили танками заслоны из грузинских «КамАЗов», диалога не получалось. И только тогда, когда многотысячная армия боевиков рассеялась по домам, мы начали искать контакты с руководителями Советов. А как их найдешь, если среди них оказались те же лидеры из НФА, которые в

самый напряженный период пытались диктовать нам свои условия? Не-ет, это не интернационалисты, а двурушники. Их заботы — в личном обогащении, а народ для них — лишь громкий лозунг».

И Лалшин, и Вакулич, и другие офицеры хорошо поняли, что даже к боевикам требуется не один вариант подхода — ведь среди них и так называемые еразы, покинувшие свои очаги в Армении, и опьяненная националистическими лозунгами молодежь, и бывшие уголовники-громилы, и просто запуганные люди. Потому убеждать их сдать оружие, взяться за возрождение разрушенного приходится по-разному. Время лечит раны, и здесь оно постепенно остужает националистический угар: все больше людей начинает задумываться, почему НФА, объявивший себя фронтом в защиту перестройки, лишь ухудшил их жизнь, вовлек в погромы, привел, по сути, на грань национальной катастрофы? Думайте, люди!

...В эти тяжелые для республики дни есть люди, которые делают все возможное, чтобы посеять рознь между азербайджанцами и представителями других народов... Эти подстрекатели, независимо от национальной принадлежности, являются врагами наших народов.

Из обращения республиканского совета аксакалов к азербайджанцам, русским, евреям и представителям других народов.

СЕЛА КАМО И АЗАД. Они — соседи. Когда въезжаешь в них, они кажутся безлюдными. Наконец осторожно приоткрывается одна калитка, вторая. Убедившись, что от приехавших не надо ожидать опасности, к нам подходят колхозники. Почти все — преклонного возраста. Объяснение простое: до январских погромов здесь жило более тысячи армян, сейчас... около восьмидесяти человек.

— У меня девять детей, — плачет в головной платок женщина. — Все ушли после той беды. Где они теперь, не знаю. У меня кровь горькой стала.

— Случались ли прежде ссоры между вами и азербайджанцами? — спрашиваем старика.

— Нет, — отвечает он, но, помолчав минуту, добавляет: — Было, правда, очень давно, в двадцатом году. Но пришли в Баку большевики, и резни не стало. Сталинский закон крепкий, мы жили в мире... Понимаем, что нам мстят за тех азербайджанцев, которых выгнали из Армении. Но мы-то тут при чем? Наше дело — эту землю пахать, землю отцов и дедов наших.

Мужчина лет 35—40 представился Юрием Джагаряном (кстати замечу: далеко не все, с кем встречался в командировке, называли фамилии и имена — смутно наше время...). Горячо-гортанно звучали его слова:

— Если бы не они, — кивнул он в сторону солдат внутренних войск, чьи заслоны стояли в селе, — нас давно бы изгнали отсюда... Не простые азербайджанцы настроены против нас, а местное руководство. Простые, как и мы, боятся боевиков: у них полно нарезного оружия, а нас заставили сдать даже ружья. Что делается кругом, не понятно, — и он добавил по-армянски несколько, мягко говоря, неслесных слов по адресу первых лиц Центра.

Участник Великой Отечественной И. Петросян говорил хотя и взвешеннее своего односельчанина, однако и его голос дрожал от негодования: он с боями прошел до Австрии, но всегда был спокоен за семью, да и письма из дома получал регулярно. «А сейчас, — горестно вздохнул ветеран, — семья уехала неизвестно куда — идут месяцы, но письма в село не приходят, пенсии даже не получаем».

Много, ох много горьких слов высказали жители сел Камо и Азад. Не могут понять колхозники, какая сила развязала кровавый террор и почему, кроме военнослужащих, их по-настоящему никто не хочет защитить.

Слушая их, я с грустью рассматривал арку, где крупными буквами краснела надпись «Совхоз им. В. И. Ленина», а чуть ниже, по-русски и по-армянски — «Добро пожаловать!». Как все это не увязывалось со сложными подле арки штабелями из мешков с речным песком — укрытием воинского заслона!

Отстав от группы, с которой приехал в армянские селения, я рассматривал пулевые пробоины в дверях, окнах, железных воротах — это поработал БТР, захваченный боевиками у военнослужащих. Подошел пожилой мужчина с палкой-костылем. Представился: Саркис Н. Поведав о своей беде — сын с внуком еще в январе эвакуировался, — он признался, что уже понял: дом и хозяйство все равно не спасти, надо уезжать и самому.

— И что же?

И тут услышал новое, потрясшее меня признание: теперь уже армянские боевики препятствуют последним жителям покидать остывающие очаги — дескать, пусть хоть стариками да инвалидами, но армянская территория здесь обозначится.

— А может, все обойдется? — с надеждой спрашиваю я.

— Вай, вай! — не слушая меня, повторяет он, грузно опершись на палку. Потом рассуждает о том, что не вечно же здесь будут стоять солдаты, а без них армян выживут — не мытьем, так катаньем их отсюда выслет.

Эти горькие слова оказались пророческими. Вскоре оставшиеся жители Азада и Камо на совместном собрании решили «продать индивидуальные дома совместно с их строениями, а также фруктовыми насаждениями и выехать на новое постоянное место жительства. Поскольку международный вопрос достиг такого накала, что дальнейшее проживание в такой напряженной обстановке невозможно...»

Передавая это решение представителям внутренних войск, председатель Азадского сельсовета П. Арушяни одновременно высказал просьбу: обеспечить безопасность жителей от лиц, проникающих в села и мешающих переговорам о купле-продаже, а также семей, отъезжающих в другие районы.

Впоследствии все было сделано именно так. Более того, переговоры о купле и продаже домов происходили только в присутствии представителей поселковых Советов, старейшин сел и руководства Ханларского района во главе с представителем исполкома Р. Мамедовым. Уточним и такую деталь: ни один военнослужащий внутренних войск при этом не присутствовал. Воины выполняли иную, чисто служебную задачу — по обращениям местной власти и личным просьбам жителей обеспечивали безопасность людей при переездах.

Умышленно детализирую степень участия войск в тех событиях, ибо выходящая в Ереване республиканская газета «Коммунист» 12 марта опубликовала в корне противоположную трактовку:

«По свидетельству жителей этих районов, несмотря на действующий комендантский час, под угрозой физического уничтожения армян при содействии подразделений внутренних войск МВД СССР (выделено мной. — В. У.) их вынуждают на оформление купли-продажи домов, допуская при этом фальсификацию документов.

...Руководство МВД Армянской ССР и жители села Геташен 7 марта с. г. обратились к руководству Ханларского района Азербайджанской ССР и начальнику внутренних войск МВД СССР генерал-полковнику Ю. В. Шаталину с просьбой, во избежание столкновений, не вселять в названные села азербайджанцев до разбора прокуратурой СССР имеющихся жалоб.

Однако 8 марта, на следующий день после данного тов. Шаталиным заверения, село Камо заселено азербайджанцами с насильственным выдворением войсками оставшихся там армянских семей...»

Не буду дальше цитировать публикацию, имеющую высокий официальный ранг — «Обращение Президиума Верховного Совета Армянской ССР к Президиуму Верховного Совета СССР», — поскольку рождена она в далеких от тех мест кабинетах и никак не отражает истинных событий. Приходится только искренне сожалеть, что готовили ее люди, не знающие, что воины рисковали своей жизнью, спасая жителей села Камо от погромов, что именно здесь, в бою с экстремистами, потерялись здесь четырех военнослужащих во главе с капитаном С. Осетровым, что... Впрочем, можно привести еще немало других доводов,

но главным останется мнение жителей Камо: солдаты спасли их.

Что же касается обвинений в адрес генерал-полковника Шаталина, то он направил в Президиум Верховного Совета Армении и газету «Коммунист» письмо. В нем, например, говорится: «7 марта текущего года по поручению Министра внутренних дел СССР т. В. Бакатина я лично в селе Азад организовал встречу министров внутренних дел Армении и Азербайджана тт. У. Арутюняна и А. Мамедова, в которой присутствовали представители республиканских, местных советских и партийных органов, центральных средств массовой информации. В частности, со стороны Армении здесь находились ответственные работники Верховного Совета и Совмина республики тт. Р. Казарян и Г. Оганесян.

О состоявшемся разговоре имеются соответствующие записи, которые подтверждают, что обещаний того характера, который подчеркнут в вашем Обращении, я не давал, а речь шла только об обеспечении стабильности в регионе, гарантиях безопасности населения и охране граждан. Ни о какой «депортации» коренных жителей вопрос никто не поднимал. Никаких вселений и выселений кого бы то ни было народами внутренних войск не проводилось...»

Кажется, генерал все поставил на свои места. Приходится лишь сожалеть, что широкая общественность вводится в заблуждение явно тенденциозными заявлениями, где ответственность за нагнетание обстановки в Закавказье кое-кто пытается возложить на центральные власти страны. И еще: разве не усматривается здесь прототип «тбилисского варианта», когда всю вину за трагические события пробовали возвалить не на их организаторов, а на военнослужащих?

СЕЛО РУССКИЕ БОРИСЫ. Более полутора веков назад, шагая за телегами с крестьянским скарбом, пришли сюда выходцы из Тамбовщины и Орловщины. Русские люди, хотя для всех местных они просто молокане, осели здесь крепко и, как полагали, навсегда. Потому дома строили просторные, обзаводились скотом и птицей, сеяли пшеницу, сажали (впервые в здешних местах) картофель и капусту. Кстати, квашеная капуста из Русских Борисов идет нарахват на рынках Баку и Кировабада (ныне Гянджа).

Больше двухсот дворов в селе. Есть школа — одиннадцатилетка, детсад, Дом культуры, магазин. Есть, как и положено верующим, свой молебельный дом. Нравственность, возвращенная на религии, вошла в плоть каждого. Поэтому-то люди убережены от судов и тюрем, святым делом считают подать бескорыстную руку помощи человеку.

Здесь всегда дружно жили и с азербайджанцами, и с армянами. Не отказывали ни тем, ни другим в помощи, скажем, убирать урожай, засеять поле. Сами же пользовались в округе уважением за великое трудолюбие, за честность в большом и малом. А сейчас?

— Сейчас,—рассказывает директор школы Людмила Николаевна Шубина, — мир словно в одно мгновение перевернулся. Хотели мы приобрести удобрения для полей у азербайджанцев — армяне упрекают нас: вы христиане, а поддерживаете связи с мусульманами. Пробовали мы что-то решать с райцентром Шаумяновским, населенным армянами, — слышим недовольства с другой стороны: вы, мол, дружите с людьми, отнявшими наши земли.

В разговор включаются учителя — встреча проходила в школе. Конфликт между азербайджанским и армянским населением нарушил и их ритм жизни: перебои с продуктами и подачей электроэнергии, с почтой и топливом. Даже ученические тетрадки, как в годы минувшей войны, школьники шивают из более или менее подходящей для письма бумаги.

Интересное соображение высказали педагоги на счет средств массовой информации. Уже в первые дни после того, как прекратились телепередачи из Баку и перестала работать почта, по селу поползли самые противоречивые слухи. Незнание ситуации породило сначала неуверенность, затем — страх. Нет, не зря экстремисты срывают выпуск газет, выводят из строя Бакинский телецентр — знали, как посеять среди многонационального населения зерна подозрительности друг к другу, чтобы в тревожной обстановке собрать урожай вандалистских погромов. Видимо, и правоохранительным органам, внутренним войскам надо извлечь урок на будущее: во взрывоопасное время упреждать действия экстремистов против средств массовой информации.

...В прошлом веке, гонимые официальной церковью России, в безлюдном горном распадке Азербайджана осели молokane — одна из сект духовных христиан. Она отвергает священников и церковные храмы, не позволяет своим единоверцам креститься — словом, образно говоря, предполагает общение верующего с Богом напрямую — без церкви, икон и т. п. Терпеливые, упорные в достижении своих целей, молokane построили большое село — Русские Борсы. Со временем от него отпочковалось несколько семей, построивших деревни в других районах.

Никогда молokane не порывали связей с Россией: переписывались с делеками родственниками, получали центральные газеты и журналы, собирали библиотеку, грамзаписи русских певцов, воевали на фронтах Великой Отечественной. О неразрывности с Русью говорят даже названия, укоренившиеся в окрестностях, — Антонова балка, Захаров бугор, Казачьи кручи, Святой бугор.

И вдруг — злое пламя национальной распри между азербайджанцами и армянами опалило традиционные связи между народами, населяющими этот край. То, что скреплялось десятилетиями и веками, стало разрываться. И новая дума овладела русскими сельчанами: как сохранить свой уклад среди распри и блокад? Отдельные молодые семьи уже выехали в Ставрополье, чтобы осмотреться там, создать за-

дел на тот случай, если и остальные двинутся за ними. Другие обращают взоры на Центральночерноземный район: может, там попытать счастья?

Какой же слепой и страшной должна быть сила, которая заставляет людей сниматься с родных мест, бросать еще не остывшие очаги? Сельчане понимают, что впереди их ждут непростые испытания, что ничем не восполнишь великие труды, вложенные в эту землю. И вспоминаются мне строки азербайджанского поэта Мирза-Шафи, прозвучавшие в прошлом веке:

...Счастье не передается,
И только то, за что прольется пот,
Для человека счастьем обернется
И почести и радость принесет.

Жаль, что к этой мысли остались глухими, по чьей вине поднялась волна насилий.

Надо смести прочь экстремистов-провокаторов, одержимых жестокой националистической страстью, время от времени сеющих рознь между нами под разными предложениями.

Мирза ИБРАГИМОВ,
народный депутат СССР,
народный писатель Азербайджана,
академик АН республики,
Герой Социалистического Труда.

ГОРОД ДЖУЛЬФА занимает особое географическое и экономическое положение в Нахичеванской АССР — это железнодорожный узел на пути в Иран. Приграничье накладывает свой отпечаток на жизнь районного центра — точнее, накладывало, ибо в один день рухнули привычные отношения к Государственной границе СССР.

Вот что рассказывают офицеры пограничного КПП, комендантуры...

Утром 31 декабря прошлого года около военного городка пограничников собралось примерно две сотни местных жителей. Несколько человек, представившихся как руководители городского НФА, потребовали разрезать систему инженерно-технических сооружений, чтобы пройти на старое кладбище.

Комендант майор Б. Захаров, его заместитель по политчасти майор А. Храбров резонно возразили: «Зачем разрушить систе-

му — мы откроем ворота». В ответ прозвучало ультимативное: «Нет, только снести систему — это решение НФА, и оно осуществляется сейчас по всей границе республики».

Тут же в руках собравшихся появились кусачки, топоры, ломы, и началось такое... «Для нас граница — святое понятие, и вдруг — погром, — вспоминал майор Захаров. — А что мы, хотя и вооруженные, могли сделать с толпой, где в первых рядах стояли женщины, ребятишки?»

Люди все прибывали. Рубили столбы, рвали проволоку и кабели, крушили приемные устройства, начиненные электроникой. Рвались к Араксу, разделяющему своим фарватером две державы. Наиболее осатаневшие перебрались по мелководью на иранский остров. С него, через бурлящий поток, перебрасывали иранцам монеты, какие-то безделушки, кричали в надежде отыскать среди тамошних азербайджанцев родственников.

Ваханалия продолжалась до глубокой ночи. К тому времени подогнали два трактора — система уничтожалась напрочь.

Даже сейчас, спустя несколько месяцев, пограничники не могут спокойно рассказывать о минувших событиях.

— Обидно, что и к самым оголтелым не могли применить силу — законную силу! — возмущается старший сержант Владимир Смирнов. — Каких только слов мы не слышали в свой адрес! Не обошли боевики также партийное руководство страны — обещали на месте КСП проложить проспект имени Горбачева. Вы видели, как выглядит граница с нашей стороны? За державу обидно!

Действительно, стыд берет, когда стоишь на берегу Аракса и взираешь на автомобильный мост, перекинутый через реку. Ровно до середины, где установлены решетчатые ворота, он не имеет перил, настил прогнул, туда и человеку ступить опасно, не то что автомашине въехать. Это — советская половина. Зато иранская — полная противоположность: ее поддерживают в прекрасном состоянии.

Неподалеку — железнодорожный мост, воздвигнутый еще до революции русскими инженерами. Стройный, даже изящный в своих металлических ажурных пролетах, он до сего дня пропускает международные поезда. Но долго ли простоит! Дело в том, что Аракс в периоды разливов норовит изменить русло, подмыть берега. Чтобы избежать этого, сопредельные страны решили заключить участок реки в железобетонную стенку. Иранцы свое дело сделали исправно — по ниточке уложили многотонные кубы. Мы же — видимо, из-за неуемного желания перекрывать сроки — хаотично раскидали их по берегу. Конечно, поручи самим пограничникам заниматься строительством инженерных сооружений и эксплуатацией коммуникаций — подобного не было бы, а пока это остается в ведении местных властей.

— Мы, — рассуждает сержант Игорь Овчинников, — понимаем, что слишком сложны проблемы, которые годами не решались, что многие жители громили наши системы из-за страха перед боевиками, и

все же в голове никак не укладывается — разве нормальный человек станет осквернять могилы!

...Это кладбище давно не действует, расположено в нейтральной полосе. Впрочем, после погрома его трудно назвать кладбищем в обыденном, людском понимании. — перевернутые бульдозером надгробия, опрокинутые кресты. На одной половине — рассматриваю надписи на армянском языке, на другой — на русском. Вот здесь — прах хорунжего 1-го Полтавского полка Георгия Рышкова, умершего в 13-м году. Подле — лейтенанта Коротика (имя на плите разбито), погибшего на боевом посту в 45-м. А вот фамилии на солдатской пирамидке, увенчанной звездочкой, не мог разобрать — сожгли надгробие...

Чья рука могла подняться на могилы этих ратников, положивших свои головы на южном форпосте государства? Кто таким образом захотел уничтожить память о них? Наверняка тот, кто понимает, что беспамятные люди — жестокосердные, кто хочет вытравить из молодых душ «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам».

Азербайджанский народ интернационален, он жил, живет и будет жить в дружбе со всеми народами нашей страны. Только такая решимость азербайджанского народа обеспечит могучее противодействие тем силам, где бы они ни были, которые пытаются противопоставить ему другие народы, прежде всего русский народ, чтобы осуществить свой коварный замысел против нашей республики.

Из обращения Азербайджанского совета ветеранов партии, войны, труда, Вооруженных Сил СССР к трудящимся республики.

Впрочем, впечатлений, потрясающих и изумляющих жестокостью, подчас изуверством, не вписывающихся ни в Коран, ни в Библию, где однотипны основы человеческих законов (не убий, не причини боль ближнему и т. д. и т. п.), — было предостаточно. И они все четче формировали, выкристаллизовывали мысль: верхи ведут организованную борьбу за власть. В нее, в борьбу, народные массы вовлекаются лишь для ширмы, для прикрытия истинных творцов смуты. В подтверждение сказанного приведу всего два примера.

Когда начали громить границу в Джульфе, офицеры-пограничники подметили, что лидер местного НФА в какие-то периоды исчезал из толпы — спешил позвонить кому-то, скорее всего руководящему центру, как проходит «операция». После таких переговоров отряды боевиков получали

15

уточняющие приказы, которые с завидной синхронностью поступали и на соседние участки границы.

Второй многозначный штрих был отмечен чуть позже и в другой республике — Таджикистане. Там на пленуме ЦК Компартии республики были вскрыты действия верхов по образованию временного правительства и захвату власти. Для этого искусственно подогревались страсти вокруг национального вопроса, острой жилищной проблемы, безработицы, коррупции: в мутной воде, известно, легче ловить рыбу.

Ну а что мог приобрести трудовой люд, скажем, тех же приграничных азербайджанских районов в результате спровоцированных массовых выступлений? Начальник войск Закавказского пограничного округа генерал-лейтенант И. Петровас при встрече с московскими литераторами подробно ответил на этот вопрос.

В период погромов на участке Пришибского погранотряда (Пушкинский и Джагилабадский районы) более ста тысяч советских граждан, перейдя речушку Болгарчай, побывало в Иране. Цели оказались разными: посмотреть, как живут их родственники, погреть руки на контрабанде, скрыться — были и такие — от правосудия или «отмыть» мафиозные деньги. С сопредельной стороны у нас «погостило» несколько десятков тысяч иранцев.

За считанные дни иранцы буквально опустошили прилавки магазинов. Скупали электроприборы, бытовую химию, металлические изделия — от кастрюль до гвоздей. Немало приобрели и продовольственных товаров. Понять нежданных покупателей можно: в пересчете на наши деньги электролампочка стоит «там» 10—15 рублей, килограмм мяса — 20.

А вот большинство советских азербайджанцев разочаровалось в закордонной жизни — далеко не рай в Иране, куда беднее, чем полагали, живут в нем люди. Конечно, кое-кто оказался в барыше — прежде всего контрабандисты, приобретаю по низким ценам электронные часы, золото, парфюмерию, магнитофоны. Словом, выиграли лишь перекупщики, темные дельцы. И люди уже начинают понимать, какие цели ставил перед собой НФА, организовав уничтожение пограничных заграждений. Кстати, лидер джагилабадского отделения НФА М. Байрамов, предварительно содрав с земляков три миллиона рублей «на объединение народов», бежал в Иран, прихватив с собой деньги. Какой здесь нужен комментарий!

«Народ нельзя долго обманывать», — эти слова в той или иной интерпретации часто слышал я и от азербайджанцев, и от армян, и от русских, и от воинов, гасивших очаги межнациональных пожаров. Никто, за исключением коррумпированных верхов, не выиграл в тех страшных событиях, напротив — ни у одной нации жизнь ни на гран не стала лучше. И потому прозрение, убежден, непременно придет. Только жаль, что за него заплачена такая дорогая цена.

Подполковник В. УСКОВ.

С коллегии МВД СССР

Очередное заседание коллегии МВД СССР состоялось 31 мая 1990 г. под председательством Министра внутренних дел СССР генерал-лейтенанта В. В. Бакатина.

Критические выступления прозвучали в прениях по докладу «О состоянии аварийности на автомобильном транспорте и ходе перестройки деятельности государственной автомобильной инспекции», который сделал начальник ГУГАИ МВД СССР генерал-майор милиции Б. А. Коряковцев. Отмечалось, что никакие причины слабой работы подразделений ГАИ не могут быть приняты в расчет, если не снижается гибель людей на дорогах, растут аварийность и травматизм. Указывалось на низкую организующую роль самого ГУГАИ, его участие бумаготворчеством, на неудовлетворительную деятельность по подбору, обучению и воспитанию кадров.

Не менее острой критике было подвергнуто сообщение начальника ГУООП МВД СССР генерал-майора милиции В. В. Максимова о состоянии охраны общественного порядка в стране. Подчеркивалось, что главк плохо решает центральную задачу — сосредоточить основные силы и средства на улицах, поднять профессиональную подготовку сотрудников, а в итоге выполнить свое предназначение и требование советского народа — поставить надежный заслон перед правонарушителями.

Активно и конструктивно обсуждался доклад начальника ГУУР МВД СССР генерал-майора милиции Н. П. Хромова «О работе органов внутренних дел по предупреждению и раскрытию преступных посягательств на жизнь и здоровье граждан».

ФЕРГАНСКОЕ ЭХО В ПАРКЕНТЕ

О ТРАГИЧЕСКИХ СОБЫТИЯХ В УЗБЕКИСТАНЕ, КОТОРЫЕ В ОЧЕРЕДНОЙ РАЗ ВЫЗВАЛИ КЛЕВЕТНИЧЕСКИЕ НАПАДКИ НА ВНУТРЕННИЕ ВОЙСКА

3 марта в райцентре Паркент Ташкентской области произошли групповые беспорядки. Экстремистски настроенная толпа, выступившая с требованием немедленно выселения турок-месхетинцев, игнорируя разъярения партийных, советских, правоохранительных органов, предприняла нападение на здания районного комитета партии, райисполкома, районного отделения внутренних дел, подожгла несколько автомашин, других транспортных средств.

Органами милиции и внутренних войск приняты предусмотренные законом меры по пресечению беспорядков и поджогов. Имеются жертвы и раненые со стороны как нападавших, так и правоохранительных органов.

Обстановка в Паркентском и соседних районах контролируется. По фактам нарушений общественного порядка ведется расследование.

(Из сообщения УзТАГ).

РАССЛЕДОВАНИЕ, надо сказать, ведется широким фронтом: работает следственная бригада прокуратуры Узбекской ССР и военной прокуратуры ТуркВО, создана специальная комиссия Верховного Совета республики, ищут виновных в происшедших событиях паркентцы, образовавшие «временный комитет управления». А «скорострельные» «Московские новости» уже в апреле опубликовали «расследование» писателя Тимура Пулатова с «убийственным» анонсом на первой странице — «Кто и почему стрелял в безоружных людей в Паркенте?» и подзаголовком, заканчивающимся провокационными словами — «Опять русские, опять Москва». Как пытается убедить автор, в Паркентском районе царили тишь да гладь, а «военная операция» якобы была организована и проведена из желания «напугать страху на всю республику».

Те же домыслы, но в еще более категоричной форме содержались и в обращении «Делегатам XXI съезда ВЛКСМ от комсомольцев и комиссии от народа Паркентского района Ташкентской области Узбекской ССР»: «В феврале этого года, после букинских событий [Ташкентская обл., Уз. ССР], в наш мирный Паркентский район завезли около 600 турок-месхетинцев и заселили на турбазе «Кумышкан» в 18 км от райцентра. Они прибыли у нас 10 дней. За эти дни в отношении турок-месхетинцев не было совершено ни одного противоправного действия. Наоборот, паркентцы оказывали им посильную моральную и материальную помощь. Комсомольцы района взяли над ними шефство и установили круглосуточное дежурство дружинников-комсомольцев...

Если верить прессе, то как будто 3 марта в Паркенте собралось около 4—5 тысяч людей с обрезамми, которые совершили нападение на административные органы. Это чистойшей ложь, обман. Издевательство над народом. Нарушение прав человека, подписанных нашим государством международных правовых документов. Да и никакого митинга у нас и в помине не было. В райцентре Паркента народ, проснувшись 3 марта, увидел войска МВД, усиленный наряд милиции и БТР. Удивленные люди подходили посмотреть на усиленный наряд МВД и их снаряжение (каска, дубинки, щиты и автоматы).

Против безвинного народа было применено огнестрельное оружие. Войскам МВД на каждом углу, в каждом доме каждый живой человек мерещился как «экстремист»...

Так что же все-таки произошло в Паркенте?

«ИЗ МОСКВЫ!» — переспрашивали меня при знакомстве. И на какое-то время повисало гнетущее молчание, а в глазах собеседников появлялась настороженность. Узбеки и русские, не сговариваясь, повторяли: «Вы через неделю улетите в Москву, а нам здесь жить!» Это была просьба не называть должностей и фамилий, дабы, не дай бог, не увидели в этих русских и узбеках «наместников Москвы». Я это обещал и поэтому изменил некоторые имена и фамилии.

Мне говорили: корни паркентских событий надо искать в прошлогодней Фергане. Но непосредственно им предшествовали поджоги и погромы в Буке, которые произошли за несколько дней до трагедии в Паркенте. Известно, что в Паркенте турки-

месхетинцы не проживали. И все осложнения начались, когда сюда были эвакуированы беженцы из Букинского района, хотя и были они размещены на турбазе «Кумышкан» — в нескольких километрах от райцентра под охраной милиции.

Беженцев доставили сюда 21 февраля, а 23 февраля появилась первая листовка с призывом собраться на митинг у райкома партии:

«Уважаемые горожане, товарищи!

После прибытия турок жители района за пределами нашей территории унижаются, избиваются, на их головы падают всякие тяжести. Может, все это правильно, потому что прибывшие турки нарушили покой жителей нашего района — узбеков. Они пролили кровь узбеков, и за это узбеки приютили на своей территории турок-месхетинцев. Люди! Сохраним уважение к Паркенту и жителям Паркента, чтобы наши горожане нас не проклинали всю жизнь, чтобы не пролить зря кровь паркентского народа. Все, кто считает себя мужчиной, обращаемся 3 марта в 11 часов возле здания райкома. Будем бороться за покой народа, района. Или же, как женщины, будем носить платки.

Бирлика.

К этому времени уже в открытую муссировались слухи, что турки якобы ведут себя нагло, что им передаются дефицитные товары из резерва района, что их появление угрожает порядку и спокойствию...

Нельзя сказать, что с этими слухами никто не пытался бороться. Органы внутренних дел проводили превентивную работу: начальник РОВД на сессии районного Совета народных депутатов просил местного муллу обратиться к верующим с призывом о соблюдении порядка, были проведены соответствующие беседы с представителями махаллинских комитетов... Обстановка, однако, продолжала нагнетаться. Стало совершенно очевидным, что букинские события могут повториться и в Паркенте. Называлась даже точная дата — 3 марта. Поэтому вечером 2 марта в «Кумышкан» для защиты турок-месхетинцев прибыло дополнительно 80 сотрудников милиции, а в семи километрах от Паркента, в СПТУ, разместилось подразделение внутренних войск в количестве ста человек, с бронетранспортером. Позже на сессии Верховного Совета Узбекской ССР прозвучал вопрос народного депутата из Паркента А. Хаджиматова: «Кто ввел в Паркент внутренние войска?» По утверждению писателя Т. Пулатова, депутат тогда не получил вразумительного ответа. Странно, конечно, потому что решение о направлении в Паркент дополнительных сил принималось именно республиканским руководством, а все дальнейшие действия предпринимались не «самостоятельно и стихийно», как это пытаются представить теперь нам, а под непосредственным руководством старших оперативных начальников из УВД Ташоблисполкома и МВД Узбекской ССР.

Более того, именно для предотвращения возможных трагических событий Президиум Верховного Совета Узбекской ССР принял Указ «Об упорядочении организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций в Узбекской ССР», в котором четко и недвусмысленно сказано:

«В соответствии с заявлением Верховного Совета СССР от 20 февраля 1990 года, а также требованиями трудящихся о наведении твердого общественного порядка и укреплении дисциплины и учитывая, что в демонстрациях и шествиях могут присоединиться экстремисты и преступные элементы, что в свою очередь может привести к антидемократическим действиям, погромам, поджогам, фактам насилия и грубого нажима на людей, их запугивания, Президиум Верховного Совета Узбекской ССР постановляет:

1. Временно, до стабилизации общественно-политической обстановки в республике, не разрешать уличные шествия и демонстрации, а санкционированные митинги и собрания проводить в установленном порядке и только в закрытых помещениях...»

А КАК РАЗВИВАЛИСЬ события 3 марта в Паркенте?

Утром со всех сторон городка к центру стали стекаться группы мужчин. Сюда же подъезжали автобусы. Вскоре перед зданием райкома партии собралась огромная толпа. На требование сотрудников милиции разойтись никто не реагировал. Более того — их оскорбляли, а потом стали избивать.

В 9 часов подразделение внутренних войск получило задачу выдвинуться к райкому партии. К этому времени толпа достигла полутора тысяч человек. На военных служащих посыпался град камней... Но давайте предоставим слово непосредственным участникам событий.

Рассказывает рядовой Андрей РЕЙТЕРОВИЧ:

«Перед нами была большая толпа. Град камней усилился, и нам была дана команда выстроиться в «Черепашу», то есть занять круговую оборону. Потом мы стали отходить к зданию райкома. Почувствовал страшный удар в спину, боль в позвоночнике и все. Сковало все тело. Больше ничего не помню...»

Андрея выхватили из строя экстремисты (здесь это слово можно употреблять без всяких оговорок), стали пинать ногами, пытались добить камнями. Тяжелый бронжилет спас от переломов ребер. Рискую жизнью, к Андрею обратились товарищи, подхватили на руки. Офицеры дали вверх предупредительные выстрелы. Но это были не первые выстрелы — на двух солдатских касках уже появились вмятины от пуль.

У здания РОВД запылали автобусы с личным имуществом подразделения, штабной УАЗ.

Рассказывает рядовой Бахадур ИСЛАМОВ:

«Я остался охранять машины и вещи наши. Смотрю — вокруг автобуса крутятся четверо. Потом трое вошли в автобус, стали расспрашивать, откуда мы, зачем приехали. Говорили мы по-узбекски, я сам из Самарканда. Вдруг сзади хватают за автомат. Я вырвался, дал очередь. Они убежали. Потом уже почувствовал, что по руке течет кровь — ножом полоснули... Укрылся в здании милиции».

А рядом товарищи вырвали из рук разъяренной толпы водителя УАЗа рядового Владимира Крейса. Промедли солдаты мгновение — сгорел бы парень заживо вместе со своей новенькой машиной.

Единственным надежным укрытием казалось здание РОВД — там оружие, решетки, связь. Это понимали и экстремисты: они решили блокировать РОВД горящими машинами (всего в тот день было сожжено тринадцать единиц автотранспорта). В узкой улочке на солдат пустили задним ходом автофургон — тактика, известная еще по Фергане. Известно, и как действовать в ответ — стрелять по колесам.

К зданию РОВД с трудом, но пробрались. А из его окон уже вырывались дым и пламя. Солдаты укрылись в строящемся рядом с РОВД здании универмага с его мощными бетонными стенами и круговым обзором. Оно на несколько часов стало неприступной крепостью. А в здании РОВД уже вовсю хозяйничали громилы, отыскивая «предателей народа» — узбекских милиционеров, представителей местных властей, прокуратуры. Толпа ревела: «Живьем отсюда никто не выйдет!»

Несколько милиционеров укрылись в комнате для хранения оружия и оказались заблокированными в горящем помещении, словно в мышеловке. Пробиваться по фронту, значит, идти на верную смерть — толпа жаждала расправы. Одно спасение — во двор. Там стояла командно-штабная машина с радиостанцией. Сержант Юрий Макаров и рядовой Ариф Кахаров подцепили тросом решетку, дернули. Часть заложников выбралась из горящего здания. Вынесли и укрыли в БТРе восемнадцать пистолетов и карабин. Часть спецсредств экстремисты уже успели захватить и пустили в ход против милиции.

Рассказывает офицер Дмитрий ХЛЕБНИКОВ:

«Я был в БТРе. С трудом, но заняли выгодную позицию между зданием РОВД, прямо на въезде во дворик, и стройкой, где укрылись наши ребята. На броню успели бросить бутылку с бензином, благо поджечь не сумели. Зато триплексы побили. Орут: «Живым не выйдешь!» Но нас на испуг не возьмешь — я предупредил: «Не

шлите, мужики, у меня в БТРе полный боекомплект. Кажется, дошло. Мы под броней двух женщин прятали, из РОВД. Их успокаиваем, дескать, не бойтесь, вырвемся в случае чего. Один из мужчин этот разговор услышал, просит, чтобы и его вывезли, секретарем райкома представился...»

Противостояние продолжалось. Толпа жаждала расправы. Солдаты не желали кровопролития, выжидали в обороне. Милиция была в шоке и растерянности — пряталась в подвале, на втором этаже. Попытки офицера Хлебникова наладить взаимодействие успехом не увенчались.

ПОМОЩЬ готовилась. К 13 часам на пост ГАИ при въезде в Паркент, где сосредоточилось все руководство, прибыл с группой связи начальник штаба соединения внутренних войск. Но и теперь военные никаких самостоятельных действий не предпринимали. Не из-за боязни ответственности, нерешительности или растерянности. Имелся опыт действий в экстремальных ситуациях горячих точек. Т. Пулатову возразим категорично — никогда солдатами и офицерами внутренних войск не двигала слепая ярость, ни в Фергане, ни в Баку, ни в Паркенте. Внимать голосу разума и солдаты, и офицеры приучены — на то они и называются войсками правопорядка.

В четырнадцать часов был образован штаб руководства операцией по деблокированию военнослужащих и сотрудников милиции, захваченных толпой. Вместе с представителем войск в него вошли: Председатель Совета Министров Узбекской ССР Мирахмат Миркасымович Миркасымов, первый заместитель министра внутренних дел Узбекской ССР полковник милиции Виктор Гаврилович Гусев и заместитель прокурора Узбекской ССР Ибрагим Романович Читаков. Их подписи имеются на решении о проведении специальной операции по освобождению заложников.

Это подчеркнем особо для тех распаленных умов, которые упорно ищут в паркентских событиях «руку Москвы» и в поисках этого доходят до крайностей, поражающих своим неприкрытым цинизмом.

На брифинге в МВД республики, который проводил первый заместитель министра, писатель Исфандияр настойчиво попытался: «Кто стрелял? Войска или милиция? Знаете, почему я задаю этот вопрос? Потому что внутренние войска — это люди, которые пришли к нам и уйдут. Милиция — это те люди, которые живут здесь и останутся. Значит, те, кто останутся, всегда подумают, прежде чем использовать оружие. Дальше. Кто дал приказ стрелять? Если это наши (выделено мною. — Б. К.) товарищи, как вот здесь идут разговоры, и я лично слышал — Волков, Ведерников... Волков — это наш, замминистра МВД, так? (Задающего вопрос поправляют — «Замес-

титель начальника УВД). Но Ведерников — я его тоже очень хорошо знаю, — это товарищ приезжий, значит, в любом случае, еврейской национальности, значит, они думают, что у них всегда есть возможность уехать, понимаете?.. Если бы этот приказ отдал человек местной национальности (Шум в зале и отчетливые возгласы: «Это провокация!») ...Минутку! Я отвечаю за свои слова — это не провокация. (Снова шум в зале, возмущенные голоса). Поэтому всегда есть возможность преподнести так и так. Поэтому я говорю: «Кто дал приказ?»

Отвечает первый заместитель министра внутренних дел Узбекской ССР полковник милиции В. Гусев:

— Во-первых, Ведерников не работает там уже четыре месяца. Волков является местным жителем, он не «приданный», не «прибывший» сюда, прекрасно владеет языком. Внутренние войска всегда подчинялись министру внутренних дел. В фильме (имеется в виду лента оперативной съемки) местный работник скажет, что и они применяли оружие. Что касается тех, кому здесь жить, — вот они и пострадали, все наши узбеки. Поэтому сводить на какую-то национальную основу, я думаю, не следует, это ошибочно.

Ошибочно — слишком мягко сказано. Ну, да бог с ними, писателями, бросающими семена раздора в людские души вместо того, чтобы сеять разумное, доброе, вечное. Вообще мне показалось странным то обстоятельство, что подробной информации о брифинге в МВД республики газеты не дали.

Квалифицированные ответы первого заместителя министра положили бы конец многим кривотолкам, будоражившим республику. Так, члены созданной комиссии упорно задавали каждому солдату и офицеру один и тот же вопрос — «Кто дал приказ стрелять?» То, что знает каждый солдат внутренних войск, приходилось снова и снова повторять ученым мужам: такого приказа никто не отдавал и отдавать не мог. Решение о применении оружия принимает каждый военнослужащий внутренних войск и сотрудник милиции в соответствии с положениями Устава внутренних войск, Устава патрульно-постовой службы советской милиции и, наконец, принятого недавно Закона «Об обязанностях и правах внутренних войск Министерства внутренних дел СССР при охране общественного порядка». Закон, что называется, свежий, наверняка в нем учтен опыт последних событий в горячих точках. Он предусматривает применение оружия в определенных случаях, в частности для «отражения нападения на личный состав внутренних войск, работников милиции, народных дружинников и иных лиц, выполняющих служебные обязанности или общественный долг по охране общественного порядка и борьбе с преступностью, когда их жизнь подвергается непосредственной опасности».

Был ли такой случай в Паркенте?

Держу в руках каску рядового Ануфриева. Стальной шлем этот именуется юристами как «вещдок» — вещественное доказательство. Не надо быть экспертом по баллистике, чтобы сделать вывод относительно идеально круглой глубокой вмятины справа, в височной части. Это не камень, не дробь — стреляли наверняка из нарезного оружия. О помятых и даже пробитых насквозь металлических щитах я уже не говорю.

Рассказывая о событиях в Паркенте, мы забыли о турках-месхетинцах, о «Кумышкане». Похоже, забывают о турках и те, кто винит в происшедшем военных, русских, Москву. А те шестьсот человек в страхе и отчаянии ждали решения своей участи. И хотя милиция с солдатами приняла на себя основной удар, предназначавшийся туркам, силы были слишком неравны — толпа множилась и не на шутку грозила «Кумышкану».

ИЗ СЛУЖЕБНЫХ ДОНЕСЕНИЙ:

13 час. 31 мин.: Поступил анонимный звонок, что если за три часа не вывезут турок из лагеря, то будет расправа. Наблюдается концентрация конных всадников.

13 час. 41 мин.: Поступают угрозы по телефону с требованиями вывоза турок.

14 час. 24 мин.: По дороге наблюдаем группы, и постоянно звонят и требуют, чтобы «Кумышкан» взорвали с разных сторон. Поэтому пусть там будут бдительны.

Рассказывает заместитель начальника УВД Ташкентского горисполкома полковник милиции У. АБДУГАНИЕВ:

«Угроза нападения была реальной. Когда мы начали двигаться, прямо в «Кумышкане» человек 500 на нас напали. Наверху стояли пюды и бросали камни, все что угодно бросали. Окна побили в автобусах, автомашинах. Смотрю — дело плохо. Я вывел всех милиционеров и разогнал народ. Принял решение — скорость высочайшая, за аварию я несу ответственность. По всему пути, пока не выбрались мы из Паркентского района, на нас нападали, бросали камни, побили почти все на автобусах, почти все окна легковых автомашин. Что плохо, каждые двести метров они поджигали резину и бросали на машины. Я сам получил три удара камнем, потому что, где было плохо, сам выходил из машины. Эти пять часов для меня были равносильны целой жизни».

В ПАРКЕНТЕ же события разворачивались более жестоко и драматично. Никакие увещевания, переговоры на толпу не действовали. Пришел муфтий. Увидел раненых и обожженных, воззвал к милосердию и благоумию. Тщетно. Из толпы рокотало: «Ур!» («Бей!»). То же самое слышали в свой адрес и турки.

Колонна с войсками была уже у Паркента. Колонна с турками стояла готовой к выезде из «Кумышкана». Высокое руководство совещалось, как спасти блокированных солдат и милиционеров, как эвакуировать в безопасное место турок.

Солдат просили для помощи милиции в Паркенте, солдаты охраняли колонну турок из «Кумышкана». Это не в первый раз: как тучи сгущаются — выручай, солдат. Все из числа блокированных, с кем довелось беседовать, утверждали одно: страха за свою жизнь не было. Имелось оружие, боеприпасы, спецсредства, и выйти своими силами труда бы не составило. Но возможные были новые жертвы. А этого солдаты не хотели.

В 16 час. 07 мин. в эфире прозвучало: «Толпа скоро разорвет их, ждут помощи». В это время министр внутренних дел республики генерал-майор милиции В. Камалов сообщил, что принято решение о разблокировании осажденных. Подразделения оперативной части вводились в Паркент. О подписях, поставленных на листе с тем решением, мы уже сказали выше.

В тот трагический день в Паркенте погибли трое местных жителей и старший лейтенант милиции. Военным не раз задавали официальные и неофициальные «расследователи» вопрос, поразительный по своему цинизму: «Почему никто из военных не погиб?» Спрашивали так, словно удивленно сожалели о таком «раскладе».

И с турками в этот раз обошлось нормально, если считать нормальной судьбу изгоев на советской земле. Но хорошо хоть все целы остались.

Солдаты же, вытаскивавшие их из огня в Фергане, охранявшие в Буке и Янгйабаде, искренне считали, что сделали в очередной раз доброе дело, приняв предназначенный туркам удар в Паркенте. Ан нет! На солдат шишки еще и вдогонку.

В части в дни моего пребывания работали сразу две следственные группы — из Душанбе (там ведь тоже пришлось стрелять) и Ташкента. Не исключено, что придут из Баку. Все поголовно — от солдата до командира — допрашиваются, вызываются на комиссию.

Складывается порочная практика, об этом говорили мне многие офицеры, ветераны, которую сломать могут лишь власть предержащие. Солдат внутренних войск бросают в самое пекло межнациональной вражды, в очаги преступной вакханалии и всякого рода природных и человеческих катастроф. Солдаты рискуют жизнью, получают раны, недосыпают, недоедают... А потом вместо того, чтобы взять своих правонарушителей под надежную и гарантированную защиту, государство оставляет их пресловутыми стрелочниками, отдает на заклятие всякого рода комиссиям, неформалам, выступающим якобы от имени народа.

Устали от всего этого бойцы горячих точек. Присутствия духа, правда, стараются

не терять. Недавно выпустили сатирическую стенгазету, где смех — сквозь слезы: на дорожном указателе надписи «Фергана — Баку — Бука — Паркент» и подпись — «Куда летим? Опять жить в птичнике и на птичьих правах?» Точнее не скажешь. Жаль только, что юмор этот солдатский, казарменный, дальше казармы не выходит. Не мешало бы этот крик души услышать и местным властям, и выше.

Зато тысячи людей, да еще по всему белу свету, прочитают «расследование» Тимура Пулатова в «дальнебойных» «Московских новостях», и сложится у них мнение — пришли внутренние войска в очередной раз, постреляли, «нагнали страху» и ушли разрабатывать новую «военную операцию» против мирного населения.

Нужны ли наши войска? Этот вопрос я задал в телефонном разговоре первому заместителю председателя Ташкентского облисполкома Олегу Григорьевичу АЙДАКОВУ.

— Я считаю, что мы все-таки должны иметь такие войска... А вот это выступление Пулатова, оно однобокое, предвзятое, необъективное — мое такое мнение.

Мнению авторитетного официального лица (а товарищ Айдаков сам занимался проблемами турок-мехетинцев) можно доверять. Да и убедиться, что обстановка в Узбекистане далека от нормальной, совсем не сложно. Взять хотя бы бесчинства 2 мая в Андижане уже после Паркента, где было сожжено и разгромлено 127 объектов, в том числе здание прокуратуры города, 79 киосков, магазинов, мастерских, 36 частных жилых домов. Повреждено 14 автомашин, из которых 5 — милицейских. В сообщении подчеркивается, что милиция проявила «завидное хладнокровие». Вроде бы гордится этим. И рядом цифры — пострадало 13 военнослужащих внутренних войск, 10 работников милиции...

Подобные бесчинства чуть раньше случились в Касансае. И снова была дана команда войскам: «Вперед!» Они в очередной раз пошли жиденькой цепочкой на тысячеголовую, но при всем при том безумную толпу, чтобы остановить ее на пути разнузданности и разбоя. Кто остановит, если не солдат?

А кто остановит тех, кто ведет бессовестную травлю людей в военной, милицейской форме, честно выполняющих свой долг по охране конституционных прав граждан? Средств «борцы за демократию» не выбирают. Одному из наших офицеров накинута на шею удавку — ему удалось вырваться из рук бандитов. Другим звонят по телефону — угрожают. Находят листовки, оскорбляющие русских. Представители вездесущего «бирлика» покушаются даже на святые чувства верующих мусульман. Так, в дни нашего пребывания в Ташкенте было организовано, одна за другой, несколько расписанных по сценарию провокаций. На Дальнем Востоке умер от гепатита солдат-узбек. Привезли его

тело, чтобы предать родной земле. Из рук скорбящих родственников носилки с усопшим бирликовцы, несмотря на протесты, выхватили и понесли к зданию ЦК Компартии республики, Верховному Совету с истеричными воплями: «Убили! Опять узбека убили!» Та же история произошла с солдатом, погибшим от несчастного случая в строительной части.

Бесчестно обливать грязью мундир солдата—защитника Отечества. Вдвойне подло делать его разменной картой в политических спекуляциях. Вот с легкой (легкой ли?) руки писателя Т. Пулатова заговорили о новом синдроме—«паркентском»—как особой неприязни к людям в форме.

В Паркенте уже оштукатурили заново обгоревшие стены РОВД, возвели новые стропила. С представителями следственной бригады прокуратуры республики мы объезжали места недавних кровавых схваток. Был день поминовения усопших—молились старики, на женской половине в доме одного из погибших раздавался рвущий душу плач. Увы, погибших на здешних улицах не вернуть. Дай бог, чтобы впредь такого не произошло.

Паркентской милиции «временный комитет» поначалу выразил недоверие, решил взять на себя правоохранительные функции. В первый же месяц преступность резко возросла. Сменились местные руководители. Что дальше?

МЫ УЛЕТАЛИ из Ташкента солнечным утром. Казалось, все неприятное позади—в руках билеты и нарядные букеты цветов щедрой узбекской земли. Осталось, как принято говорить, занять места согласно купленным билетам... Но это классическое правило на сей раз было нарушено—стюардессы впопыхах рассаживали пассажиров куда придется. сосед мой справедливо возмутился: «Как ташкентский рейс, так беспорядки! Почему я должен садиться на чужое место?!» Стюардесса за словом в карман не полезла: «Подумаешь, ташкентский рейс ему не нравится! А в Москве у вас лучше? Рыба с головы гниет—не знаете разве?!»

Как писатель Т. Пулатов, ничтоже сумняшеся, бросил по ветру опасным эхом «опять русские, опять Москва», так и представительница легкокрылого аэрофлотского племени запросто свалила все с большой головы на здоровую.

Вот тут-то и испытал я на себе «синдром Паркента», хотя летел в штатском. Я, русский, из Москвы, летел 30 апреля в многолюдном аэробусе рейса 664, который выполнял экипаж Узбекского управления гражданской авиации, командир корабля Давыдов.

Полет прошел нормально. Но осталась боль в сердце. Боль после Паркента.

Подполковник Б. КАРПОВ,
наш спецкор.

ПОРТРЕТ НА ОБЛОЖКЕ

ПРОДОЛЖАЕТ ДИНАСТИЮ

Старший лейтенант Вадим Суворов—офицер спецназа. Это о таких, как он, поют ныне солдаты в горах Закавказья, Средней Азии, в других горячих точках: «Словно выстрелы, строни приказа, Эхо долгое, словно в горах. И уходят ребята «спецназа» В раскаленный враждой Карабах...»

Не мальчишеские мечты о романтике заставили его выбрать профессию военного—познавал ее с детства в гарнизонах, где проходил службу отец, подполковник Валерий Викторович Суворов. И училище он выбрал «отцовское»—Саратовское высшее военное командное Краснознаменное имени

З. Дзержинского училище МВД СССР. Окончив его, принял нештатный

взвод специального назначения. Навыки рукопашного боя, знание тактики действий при массовых беспорядках пригодились—дважды приходилось утихомиривать погромщиков в ИТК.

Второй год пошел, как старший лейтенант Суворов носит краповый берет. Тбилиси, Баку, Карабах—адреса горячих командировок. На судьбу молодой офицер не ропщет—сам выбирал.

Переживает за мужа Вера. И верит, что исчезнет такое понятие—«горячие точки». Верой и надеждой живет.

В постоянной тревоге и ожидании растит сына. Кем станет Владислав—увидим. Сослуживцы, правда, уже предсказывают: «Суворов? Да еще З. В.—наш человек!»

Б. ДУДИНСКИЙ.

Капитан В. САЛОМАТИН

ПРИЗНАНИЕ

К отеческим старым крестам
Влечет нас отнюдь не безделье.
Я знаю, что реквием нам
Не все еще пули пропели.
И кланяться рано косе,
Покуда туманятся дали
И милую землю не все
Печали еще миновали.
Поэтому ведом нам дух
И мощь боевого металла.
И в сердце огонь не потух
Любови к священным началам.
Мир, Родина, всяем твоим!
Поклон вам, погосты родные!
Развеется горе, как дым,
Но будет, как прежде, Россия.
Я все превзойду и приму,
Хоть век и грозитя смертями.
Мне есть что любить и к чему
Припасть напоследок устами.

Рядовой М. ЛАРИНА

УЛИЦА

Улица, прими меня вчерашнюю,
С голубыми ясными глазами,
Всюду так беспечно опоздавшую,
С вечно отстающими часами.
Ты прими меня еще любимую,
Времени веселую транжиру,
Словно бы за стайей голубиною
Налегке бегущую по миру.
Закружи в круговороте лиц меня,
Ослепи неожиданною метелью,

Чтоб за улетающими птицами
Горестные думы отлетели.
Чтобы снова сердце отболевшее
Привело туда, где синей ранью
Тополя, от снега поседевшие,
Навевают мне воспоминанья.

Подполковник С. ЛАПИЧ

ИЮЛЬ-89 В СУХУМИ

Нервозность...
посты...
автоматы...
Приезжих почти не осталось.
И даже на пальмах косматых
Какая-то боль и усталость.
И толпы прохожих все реже,
Закрыты все пункты проката.
А на золотом побережье —
Солдаты, солдаты, солдаты...

Прапорщик Н. НЕТЛЕВСКАЯ

РОДИНЕ

Все дороги, что будут пройдены,
Я закончу дорогой к тебе...
Есть священное чувство Родины
В каждом сердце
и в каждой судьбе.
С самым первым
пришло мгновением,
С первым вздохом
и взглядом на свет,
С материнским благословением,
Что не раз сохраняло от бед.
Я, Отчизна, скупа на признания,
Но твоим повелось народом
И врагу не хотеть пожеланья
Позабывать, откуда он родом.

С РЕСПУБЛИКАНСКИМИ ПРАВАМИ

ВОЗВРАТИЛСЯ ВОЙСКОВОЙ КОМСОМОЛ С МОЛОДЕЖНОГО ФОРУМА

НАВЕРНЯКА каждому коммунисту и комсомольцу известна дискуссия между Лениным и Мартовым по первому параграфу партийного Устава: обязан ли член партии лично работать в одной из организаций или достаточно признавать Программу, Устав и уплачивать членские взносы? Казалось бы, жизнь доказала правоту Ленина окончательно, бесповоротно, и кто мог подумать, что почти через столетие по тому же поводу будут спорить делегаты XXI съезда ВЛКСМ?

Говорят, история повторяется. Наблюдая на экране установленного в пресс-центре монитора бесконечные прения по процедуре и регламенту, я успел основательно проштудировать протоколы I съезда РКСМ, зато потом, когда делегаты начали обсуждать Декларацию, Программу и Устав молодежного союза, без труда находил прототипы многих выступлений. Это объяснимо: и на первом, и на двадцать первом съезде решалось, каким быть комсомолу. Не таким, как вчера,—пожалуй, лишь в этом делегаты были единодушны. По данным опроса общественного мнения, проведенного накануне съезда, две трети молодых москвичей не верили в способность комсомола избежать раскола, а то и вообще ждали решения о роспуске ВЛКСМ.

Какое же будущее у комсомола?

Тридцать восемь авторских проектов Устава, поступивших в ЦК ВЛКСМ до съезда, были основаны на более чем 17 тысячах конкретных предложений. Суть концепции обновления сводилась к тому, что ВЛКСМ — молодежная организация с четкой политической программой и высоким уровнем внутрисоюзной демократии. Ее структура должна учитывать специфику государственного и общественного устройства. Иначе говоря, в условиях появления новых партий и молодежных движений главная задача ВЛКСМ — стать организацией, действительно нужной молодому человеку.

Легко сказать! Неформалы, к слову, появившиеся в пику узаконенному ВЛКСМ, изначально группировались исключительно по интересам: молодежь получала удовольствие от общения с единомышленниками, не связывая себя ни уставом, ни дисциплиной, ни какими бы то ни было обязательствами друг перед другом. И вот, если верить Андрею Разину, руководителю

студии «Ласковый май», у этой группы ныне около шестнадцати миллионов поклонников. Полкомсомола! Факт остается фактом: «стр-радания» о неразделенной, несчастной любви, небрежно зарифмованные и озвученные на пошленький, с надрывом, мотивчик, могут с успехом заменить собой идеалы целому поколению подростков. Комсомольская романтика сабельных атак, дальних перелетов и походов, «строек века» и просто нужных стране дел осталась в прошлом, гордый блеск шести честно заработанных орденов сегодня незаслуженно затенен. А что завтра?

Новая Программа ВЛКСМ нацелена на создание общества демократического, гуманного социализма, на решение сегодняшних проблем молодежи. Квартира в молодежном жилищном комплексе или льготная ссуда на жилищное строительство к двадцати пяти, а не к сорока—пятидесяти годам; гарантия занятости, а в ее отсутствие—пособие по безработице в условиях рыночной экономики—вот реальные ориентиры, способные возродить сильную, сплоченную организацию. Правда, такие обещания легче давать, чем потом держать слово, но у ВЛКСМ куда больше возможностей добиться намеченного, чем у любого нового молодежного объединения или движения (есть свои депутаты в Верховном Совете СССР, республиканских и местных органах власти, есть опыт, научная база и даже вполне приличные средства).

Трудно найти делегата, который не хотел бы раскрутить все еще такой неповоротливый маховик молодежных инициатив. Но, к сожалению, чтобы определить, как впредь называться обновленной молодежной организации, съезд потратил гораздо больше времени, чем на поиск путей воплощения программных целей. Делегат А. Бек демонстративно требовал вычеркнуть из названия союза «Ленинский» и «Коммунистический». Аплодисменты показали, что среди делегатов есть сторонники и столь «радикальных» перемен в комсомоле.

В ПЕРЕРЫВЕ между заседаниями съезда услышал украинскую речь. Захотелось подойти, поговорить с земляками, но остановился, не веря своим глазам: там, где у всех делегатов алели комсомольские знач-

ки, у этих поблескивали маленькие синезеленые флажки. Вспомнилось: под таким флагом украинские буржуазные националисты вешали комсомольцев, а сегодня этим символом украсили себя делегаты комсомольского съезда. «Плюрализм»? Возможно. Но что держит в комсомоле людей, почитающих как минимум символику националистической организации? Нет, не зря критиковали ЦК ВЛКСМ за беспринципность и на IX Пленуме, и на XXI съезде!

Делегат от внутренних войск, секретарь комитета комсомола части капитан Вадим Кудрявцев убежден, что рыхлая, во многом деполитизированная, живущая местными интересами структура себя исчерпала—она небоеспособна.

«Комсомол бездействует, потому что объединяет в себе различные, часто противостоящие силы. Съезд захлебывается в дискуссиях по мелочам, частным вопросам, потому что даже мы, делегаты, не соизумлены единомышленников, а срез общества. Пора бы понять: без консолидации на идейных позициях ни одной проблемы не решить, по любому вопросу всегда будет особое мнение,—говорил Вадим, пытаюсь повернуть съезд лицом к жизни.—Сколько проблем—столько и особых мнений. Поэтому либо мы найдем в себе силы и смелость признать наличие в комсомоле разных идейных платформ и посоветуем всем, кому не нравятся Ленинский Коммунистический Союз, самоопределиться вплоть до ухода из всесоюзной организации, либо, сохраняя внешнюю видимость единства, никогда не придем к единому мнению ни по одному из актуальных вопросов, а значит, не решим ни одной проблемы. И если для такого размежевания необходим раздел комсомольского имущества, давайте его разделим!»

Действительно, по мнению многих делегатов и журналистов, работавших в пресс-центре съезда, представители некоторых платформ давно вышли бы из комсомола, не будь у них желания заполучить кусочек поланомей при дележе комсомольского «пирога».

И все же раскола удалось избежать. Итоги съезда я попросил прокомментировать майора Владимира Клочкова, избранного в Бюро ЦК ВЛКСМ.

— На мой взгляд, делегаты справились с разгулом эмоций и нашли разумный выход из сложной ситуации. Федерация коммунистических союзов молодежи, объединяющая молодых людей коммунистического и социалистического выбора,—та модель, которая, с одной стороны, предоставляет региональным организациям — субъектам федерации — значительную свободу, а с другой — сохраняет идейное и организационное единство всесоюзного комсомола. Это достаточно гибкий и оперативный механизм реализации выработанной съездом молодежной политики.

Для комсомольской организации внутренних войск МВД СССР XXI съезд ВЛКСМ — съезд исторический. Ей предоставлен статус республиканской, и, значит,

теперь мы вправе создавать свои нормативные документы: Программу и Устав (они, разумеется, не должны противоречить принятым XXI съездом Программе и Уставу ВЛКСМ), определять структуру комсомольских организаций с учетом войсковой специфики, размер и порядок уплаты членских взносов. Кстати, 90 процентов собранных денег будут оставаться в нашем распоряжении.

Съезд избрал Центральный Комитет ВЛКСМ, Центральную контрольную комиссию ВЛКСМ.

На альтернативной основе первым секретарем ЦК ВЛКСМ избран Владимир ЗЮКИН, председателем Центральной контрольной комиссии — Валерий ПАРФЕНОВ.

Кроме того, от организации внутренних войск, как от республиканской, в состав ЦК ВЛКСМ избраны еще два наших представителя — политработники капитан Олег Ромашка и майор Александр Непорада. Членом Центральной контрольной комиссии ВЛКСМ стал помощник начальника политотдела части по комсомольской работе старший лейтенант Андрей Хала.

— Не приведет ли такая самостоятельность к обособленности, замкнутости войскового комсомола? Ведь он по сути будет «брать напрокат» на два года членов других молодежных союзов—российского, украинского, белорусского... Согласятся ли работать в войсковой организации те, кто вступал в республиканский и, боюсь, национальный комсомол?—спрашиваю Владимира.

— Действительно,—отвечает он,—отдельные высказывали идею деполитизации Вооруженных Сил, внутренних и пограничных войск, требовали приостанавливать членство в союзе молодежи на время действительной службы, но абсолютное большинство делегатов съезда их не поддержало.

— И последнее. «Меньшевистская» формулировка членства в комсомоле способна развить ряды работающих болтающими. На примере съезда у нас была возможность убедиться, насколько опасен болтун с правом решающего голоса...

— Думаю, что съезд секретарей комсомольских организаций внутренних войск вернется к этому вопросу, и в Уставе войскового комсомола будет закреплён ленинский принцип.

...История и вправду повторяется. И от нас зависит, чтобы очередной ее виток не обернулся трагедией или фарсом.

**Капитан В. ГЕРАЩЕНКО,
наш спецкор на XXI съезде ВЛКСМ.**

ВЕРЮ В КОМСОМОЛ!

О XXI съезде комсомола и говорили по-разному. Одни откровенно ругали — благо, обстановка гласности позволяет, — дескать, много шума из ничего, в очередной раз утопили доброе дело в высокопарных фразах. Другие, и в их числе представители войсковой комсомольи, которых вы видите на снимках, не кипятились понапрасну, не пороли горячку, а восприняли форум как своеобразную школу.

В интересных встречах, жарких дискуссиях, деловых беседах недостатка не было: перенимали крупницы положительного опыта, сравнивали, анализировали. Словом, учились — и тому, как надо работать сегодня, и тому, как работать не следует: чужие ошибки и недостатки для людей небезразличных, творческих — тоже наука полезная. Хочется верить, постигли ее.

Как трудно повторять живую красоту
Твоих воздушных очертаний;
Где силы у меня схватить их на лету
Средь непрерывных колебаний!

Когда из-под ресниц пушистых на меня
Блеснут глаза с просветом ласки,
Где кистью трепетной я наберу огня!
Где я возьму небесной краски!

А. А. ФЕТ.

ТВОЯ ЛАСКА

ВАГОН, ИДУЩИЙ В НИКУДА...

ПЬЕСА
«СТОЛЫПИНСКИЙ
ВАГОН» В ПЕРЕВОДЕ
НА ЯЗЫК
ПОЛИТИЧЕСКИХ
РЕАЛЬНОСТЕЙ
ЛИТВЫ

Образ мчащегося поезда чрезвычайно популярен в среде радикально настроенной литовской интеллигенции. «СССР — поезд, идущий в никуда!», «Комсомол Мацайтиса хочет «независимого» литовского купе в вагоне СССР!». Когда же в Москве было обнародовано решение о предоставлении ряду республик хозяйственной самостоятельности, газеты запестрели шапками «Прибалтийский экспресс тронулся!». Еще больше эмоций выплеснулось, когда Литва начала без оглядки рубить союзные связи.

ИЗ ТОЙ ЖЕ обоймы образов и пьеса «Столыпинский вагон», или, как говорит подзаголовок: сутки путешествия в советском спецэкспрессе.

Воспользуемся и мы таким образом. Карлаулы спецвагонов знают, да и другим это небезынтересно узнать, как уголовники иногда проявляют свою готовность к крайним мерам. Повинуясь команде вожака, они начинают раскачивать вагон на полном ходу состава. Резонанс делает свое дело — еще немного — и вагон может сойти с рельсов. Что это значит для состава на полном ходу, догадаться нетрудно. Правда, у уголовников хватает ума остановиться.

Пьеса «Столыпинский вагон» — одно из тех явлений, которые сейчас вгоняют всю республику в антисоветские, антиармейские расклевывания.

Я смотрел на сцену, на орущих и гримасничающих актеров, старавшихся выглядеть как можно страшнее и неприятнее, и ловил себя на мысли: что же это напоминает? Один герой пьесы выделяется обезьяньими повадками, другой — непроходимый тупица, третий — просто идиот, четвертый... Впрочем, перечисление пороков ничего не добавит нового. Все они жутко матерятся, стаканами глотают водку.

Что же, что же это?

И потом вспомнил: батюшки, так это же копия американских комиксов времена «холодной войны», бывших в ходу до недавнего времени. Звездно-полосатый герой, обязательный и патриотичный, преодолевающий массу препятствий, спасает страну от кровожадных и диких казаков в краснозвездных шапках, которых не стоит жалеть хотя бы потому, что они воплощают все мы-

слимые пороки. Все они, будь то казаки, советские солдаты или агенты КГБ — при всяком удобном случае пьют, нечленораздельно и по-гангстерски выражаются, демонстрируя отсутствие даже зачатков культуры.

Времена меняются. Американцы меняют свое отношение ко всему русскому, советскому. Специалисты, кормившиеся долгие годы производством сомнительной пропаганды, вынуждены отбросить старые клише.

Под влиянием каких же сил сложилась траектория, по которой протухшие стереотипы вдруг взяли да хлопнулись на подмостки Каунасского молодежного театра-студии, воплотившись в пьесе с названием «Столыпинский вагон»? В том, что эти силы имеют четко очерченную политическую физиономию, сомневаться не приходится.

Для примера приведу лозунги и плакаты, бытовавшие на митингах под крылышком «Саюдиса»: «Империя СССР — вон из Литвы!», «Наша цель — Литва без оккупантов и колонизаторов!», «Красная Армия — убирайся домой!», «Подразделение убийц — вон из Литвы!», «Литовцы! Бойкотлируем призыв в оккупационную армию СССР».

Впрочем, как говорят, пора к столу — вскипело!

И ТАК, «Столыпинский вагон». Подозреваю, что лучше автора сценария никто не продемонстрирует типичности подхода к вопросу. Слово — Гедиминасу Янкусу:

— Уверен, что система службы в армии основывается на принципах нивелирования личности, бесчеловечности, примитивного

идеологизма, слепом повиновении, самоунижении, культе силы, психологии раба — такова реальность. Доктрина защиты требует по всем вопросам подготовить массы безропотно повинующихся, не думающих, видящих везде и всегда «классового врага!» Тяжело приспособляться к таким условиям существования чувствительным личностям. Только списки наших земляков, погибших, зверски убитых во время службы, каждый день дополняются новыми фамилиями. В мирное время погибают наши парни. Это и трагедия А. Сакалаускаса, которая мне придала силы для «Столыпинского вагона». Хотел показать типичную ситуацию для сотен наших призывников. Жестокая и абсурдная ситуация, как жесток и абсурден сам порядок в армии. А этот порядок и взаимоотношения в нем соответствуют истинному порядку в самом тоталитарном государстве.

Браво, мазстро! Самое главное — избирательно отключить память. О совести разговор особый, тем более, эта тонкая материя вообще, оказывается, не имеет значения, если затрагиваются интересы нации. Чтобы «созреть» для таких выводов, надо, например, забыть, что литовскому народу повелением фюрера было предназначено полное уничтожение, как низшей расе. Что нынешний уровень жизни и национальной культуры в Литве достигнут не вопреки, а именно благодаря помощи других народов. Да что мы, право, все о политике да о политике!

Театр принадлежит культуре. Написал это и вспомнил ошарашенные выражения лиц зрителей во время антракта. Люди избегали встречаться взглядами, не было слышно разговоров. Да и я, откровенно говоря, не подозревал, что литовский язык содержит столько крепких выражений. Наиболее чувствительные из зрителей с пылающими лицами потянулись в гардероб.

А ведь с каким жадным интересом они шли сюда, на премьеру! Реклама была блестящей: билеты распространялись сложными путями, через предприятия, для особо доверенных. Перед началом спектакля перед рампой прохаживалась живая достопримечательность, звезда уголовно-политического небосклона — Альгимантас Андрейка. Всякий читающий неформальную прессу Литвы человек знает, как много сил положил он на сопротивление закону и его представителям. Правда, серьезные политики по каким-то своим соображениям в верхние сферы его не допустили, и А. Андрейка теперь пробавляется тем, что поджигает чучела на митингах. Именно он первым бросил спичку на облитую бензином солдатскую форму в Нагорном парке. Но в театре он был, что называется, в масть.

А там шла вариация на тему безвинности Сакалаускаса, из приверженности к гуманизму убившего восьмерых человек.

ПЬЕСА навязывает мысль: герой пьесы Андрияускас — жертва потому, что исповедует только гуманные принципы, а все остальные — терпеть не могут его за то, что он литовец, а значит, выше всех, тоньше и т. п.

В самом начале я говорил, что спектакль напоминает комиксы времен «холодной войны». И имеет такую национальную окраску, что, покажи этот спектакль где-нибудь в республиках Средней Азии, он был бы воспринят как оскорбление чести и достоинства всех живущих там народов. Косноязычный Тамарохоним, жестокосердные Худайбердыев и Шехатмурадов вызывают лишь омерзение у свято верящей автору публики.

Вообще-то полагается приводить доказательства. Но это затруднено из-за исключительной непечатности отдельных мест. Однако попробуем:

Худайбердыев: Вот ты какой, приятель! Настоящий хуим (кличка, изобретенная автором пьесы. — Прим. В. К.). Забыл уже, как поил тебя на прошлом этапе, гнида ты. Ну погоди, я...

Тамарохоним: Зачем сердиться? Вот житуха была! Водки — хоть купайся! Тамарохоним дружелюбный. Он теперь тебя угощать...

Эту сцену сопровождают гримасы, угрожающие жесты и ужасный акцент. Чтобы до зрителя совсем дошла сущность солдат, Тамарохоним время от времени по-обезьяньи прыгает на клетку, рычит зверем.

Естественно, что на благообразного Миндаугаса Андрияускаса выпадает все, что только можно себе представить.

Служивцы Андрияускаса на фоне биологической тупости тем не менее проявляют удивительную сообразительность по части знания истории Литвы и ее языка, изобретательны в оскорблении национального достоинства в пределах воображения автора пьесы, намерения которого очевидны — как можно больше уязвить зрителя.

Андрияускаса зовут не Миндаугасом, а Пиндусом, шешоликом. Первая кличка из арсенала литовской уголовной культуры, по этическим соображениям переводить ее не стану. Вторая же нуждается в комментарии. Некогда существовала шестнадцатая национальная дивизия. Многие кадровые военные из нее стали сотрудничать с гитлеровцами, а позднее образовали костяк антисоветского, антинародного подполья. Шестнадцать по-литовски — шешолика...

Издаются над литовским солдатом все, кто оказывается рядом. Выбивают из рук оружие, плюют, мимоходом награждают тумачами и пинками, не дают спать, есть, пить, придираются к каждому слову. Все без исключения. При общей агрессивности они не устраивают свалку только между собой. Здесь у них отношения самые джентльменские.

Не удивительно, что, оставшись по воле автора один на сцене, Андрияускас начинает под душещипательную музыку вспоминать о родной Литве, в которой все так хорошо, где кругом сплывшая культура и одни деликатности. И зритель, ведомый монологом, увлажняет глаза слезой и забывает о некоторых неприятностях, вроде роста преступности в Литве, зверств каунасской и шяуляйской мафии,

о фашиствующих молодчиках, открыто готовящихся к террору.

Особого разговора заслуживает изображение на сцене командиров. Нетрудно догадаться — симпатий они не вызывают. Начальник караула лейтенант Надкерничкин — сексуально озбоченная личность, подполковник Адольф Немлихер, замполит — вымогатель, довольны своей жизнью и наперебой воспевают «дедовщину». Делают они это в перерывах между обильными возлияниями.

И совсем уж сладкой мести предаваясь, представлен режиссером Рубиновым образ московского проверяющего — полковника Ивана Модестовича Дурнева. В программке напротив его роли стоит прочерк. А на сцену выкатывают акустическую колонку, облаченную в полковничий китель. Звучат только слова.

Многие знают: есть и реальное лицо — полковник Ю. Дурнев, который выступил в печати со статьей «Правда о расстрелянном карауле». В ней разоблачены спекуляции на случае с Сакалаускасом, что, конечно, не по нутру тем, кто наживал на шуме политические дивиденды. Вот почему запущен в дело старый прием — любыми способами скомпрометировать автора.

ЗДЕСЬ следует остановиться на особенностях пьесы и ее восприимчивости. Человеку, который не живет в Прибалтике, непросто понять систему изменений, созданную ультралибералами. Ими приложены все силы, чтобы перевернуть смысл многих понятий. Уместно привести образцы «перевертышей». Итак, советский, советское — это то, что плохо, истинному литовцу только вредит. Военный — оккупант, все гуманное ему чуждо. Хороший человек тот, кто жаждет получить паспорт литовского гражданина и свято верит, что завербованные гитлеровцами бандиты борются за свободу Литвы.

К чему все эти тонкости? Да к тому, что иначе не понять смысла происходящего на сцене. Голос Дурнева говорит об интернационализме, о воинском долге. Правильные слова. Но зритель видит на сцене прямо противоположное.

И все-таки кульминацией, по мысли автора, должна была стать сцена с участием настоящего зверя. Вот как это происходит.

Шумно вваливается прапорщик Бедалянец с караульной «собакой» — могучего телосложения личностью в униформе цвета хаки без отличительных знаков и в каске. Бедалянец поклялся скормить «шешолика» своей собаке по кличке Курант — отрекомендованной в пьесе, как пес специально выведенной московской породы.

По команде «Фас» Курант готов разорвать кого угодно. Но «находки» на этом не кончаются. Оказывается, «московская специальная» еще и умеет орудовать саперной лопаткой. Вонзив ее в пол, Курант от завывания и лая переходит к чтению того, что должно, по мысли автора, напоминать присягу:

— Я всегда готов по приказу выступить в защиту чести и достоинства моего ко-

мандира и, как член службы образцовых караульных собак, защищать его умело, с честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагом.

Лихо закручено. Режиссер Рубинов организовал мизансцену так, чтобы у зрителя не возникло сомнений — перед нами слепое орудие Москвы, инструмент насилия над Литвой.

И ОПЯТЬ нам придется возвращаться к политике, к тому, как трактуют и оценивают события 40-х годов в Прибалтике. Если не вдаваться в подробности, суть требований отдельных деятелей ясна: поскольку, мол, пакт Риббентропа — Молотова был незаконным, то и нынешнее положение Литвы не что иное, как продолжение оккупации, якобы совершенной Красной Армией. Никакие доводы историков в расчет не принимаются. И не только советских — даже зарубежные авторитеты, утверждающие, что с началом войны пакт был аннулирован, что в Европе сложилась новая реальность, с которой считается все международное сообщество, — на упрямец впечатления не производят.

Ситуация, мягко говоря, безнадежная. Да, в результате исторических процессов возникла новая Литва. Да, этот путь не был безошибочным и безболезненным для всего Союза. В такой обстановке предьявлять счета к народам, которые сами пострадали от тех же несправедливостей и которые сами уже не те, по меньшей мере безнравственно. Риску утверждать, что с помощью таких вот ложных посылок и формируют образ врага.

Финал пьесы действительно ужасен. Мастерски сработали актеры и режиссер, чтобы убедить зрителя в безысходности положения, в котором находится Андрияускас. Монолог солдата, сопровождаемый литовскими песнями, насыщенными образами родины, дорогой для всякого литовца, эмоциональность захлестывают зал. У зрителя нет сомнений — перед ним сама Литва.

И здесь авторы до предела обнажают свою мысль. Дикое насилие, творимое на сцене, прямо дает образ врага, направляет агрессивные эмоции в нужное русло.

Расстрела в пьесе нет. Зритель должен его домыслить сам. Домыслить и свыкнуться? А может, принять за единственный выход?

Не будем лукавить. Пропаганда ненависти — дело нешуточное. Да, можно привести высказывания зрителей, довольно резкие по существу. Можно сослаться на культуру литовского зрителя, из-за естественной брезгливости вынужденного покинуть зал. В конце концов напомнить о судьбе аналогичного «произведения искусства» — фильме «Караул». Он даже в Литве из-за отсутствия зрителей уходит из проката.

Все это — слабое утешение: Хуже другое — вагон, который во имя ложных целей на ходу раскачивает театральная труппа, рискует попасть в никуда.

Майор В. КУЛИКОВ.

**ЛИТВА:
ОБСТАНОВКА
НЕСТАБИЛЬНАЯ**

**ФОТО НАШЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
КОРРЕСПОНДЕНТА
В. СЕМЕНОВА.**

«Весть о том, что типография... на улице Майрониса захвачена солдатами, мгновенно облетела Вильнюс. Люди кинулись к месту происшествия. Что же они увидели? За воротами издательства выстроились захватчики... Против безоружных печатников и журналистов они ринулись в атаку с автоматами наперевес, с кинжалами и пистолетами» — так независимая вечерняя газета столицы Литвы рассказала о действиях подразделения внутренних войск, которое, дабы предотвратить оче-

реднюю провокацию, взяло под охрану типографию издательства ЦК КП Литвы.

Очевидцем происшедшего был наш фотокорреспондент. «Ни штурма, ни стрельбы, ни насилия со стороны солдат не было. Зато были заранее написанные плакаты и группы людей, собравшиеся быстро и организованно, словно по предварительному приглашению», — рассказал он. Таковы реалии сегодняшней ситуации в республике. Кому-то очень выгодно накалять страсти.

ПО КОНТРАКТУ?

На сессии Верховного Совета СССР в марте 1990 года был принят Закон Союза ССР «Об обязанностях и правах внутренних войск Министерства внутренних дел СССР при охране общественного порядка». Наши читатели продолжают делиться мнениями о проблемах профессионализации внутренних войск.

НЫНЕ ОЧЕНЬ АКТУАЛЕН ВОПРОС: какими быть внутренним войскам и каковы перспективы их перехода к комплектованию личного состава по принципу добровольности?

Добровольческий принцип комплектования, как и набор по найму, в частности, подразделений военизированной охраны ИТУ вплоть до середины 50-х годов, не выдержал проверку временем. Причин тому несколько. Это и определенное снижение престижа службы во внутренних войсках, и невысокие оклады «профессионалов», принятых по найму, и ухудшение результатов по службе, и ряд других.

Говоря о перспективах перехода внутренних войск на новый принцип комплектования, мы обязаны предвидеть проблемы, которые встретятся на этом пути.

НАИБОЛЕЕ РЕАЛЬНЫМИ представляются трудности, связанные с укомплектованием добровольцами подразделений, предназначенных для охраны ИТУ, особенно в малонаселенных районах ввиду низкого уровня условий жизни и службы, а также тех частей войск, которые в силу специфики выполняемых задач подолгу находятся в отрыве от мест постоянной дислокации. Уже сегодня количество вакантных должностей прапорщиков и военнослужащих сверхсрочной службы в этих частях и подразделениях нередко превышает тридцать процентов от их общей численности.

Не менее сложной и трудноразрешимой выглядит вероятность эволюции воинских частей в территориальные и в значительной мере национальные формирования, поскольку они будут комплектоваться по найму в основном из числа местных жителей.

Опыт функционирования подобных формирований во внутренних войсках в середине двадцатых годов свидетельствует, что это были малоподвижные, «оседлые» части, прочно связанные через личный состав с местным населением родственными и национальными узами. Эти обстоятельства в наши дни затрудняют привлечение таких частей для оказания содействия органам внутренних дел в поддержании общественного порядка как по месту дислокации, так и с выездом в регионы со сложной оперативной обстановкой.

МОЖНО ПРЕДВИДЕТЬ, что замена порядка комплектования войск обусловит коренную перестройку всей системы подготовки и переподготовки кадров, перепрофилирования и наращивания сети специализированных учебных центров, существенной модернизации учебно-материальной базы высших военных училищ МВД СССР, всего комплекса обучения и воспитания личного состава.

Наряду с этим предстоит внимательно изучить вопрос о нормах денежного довольствия военнослужащих, которые будут поступать в войска по найму, ибо существующий уровень среднемесячного денежного содержания, к примеру, прапорщиков — 220 р. — вряд ли покажется привлекательным для потенциальных добровольцев на фоне средней заработной платы рабочих и служащих ведущих отраслей народного хозяйства в 290 р. и кооператоров — свыше 400 р. в месяц.

Серьезные проблемы возникнут в обеспечении профессионалов жильем, так как большинство из них, вероятно, будут семейными людьми. Уже сегодня в войсках значительное количество семей офицеров, прапорщиков и военнослужащих сверхсрочной службы не имеют квартир.

Имеющийся казарменный фонд нуждается в капитальной реконструкции, причем, как показывают предварительные расчеты, в переоборудованных под общежития помещениях сможет разместиться только часть военнослужащих-холостяков, а также лиц, поочередно находящихся в готовности к действиям. Для остальных нужно будет построить дополнительные помещения. Конечно же, возрастут расходы, связанные с удовлетворением социально-бытовых нужд профессионалов-военнослужащих и членов их семей, в частности, на пенсионное обеспечение, строительство профилакториев и домов отдыха, лечебных и детских дошкольных учреждений, политпросветительное имущество по новым нормам и т. п.

При всем том в нашей стране отсутствуют правовые документы, обеспечивающие деятельность «профессиональных» воинских формирований, нет соответствующих методов их финансирования. Поэтому было бы целесообразным обратиться к аналогичной практике за рубежом.

Обобщая имеющиеся на этот счет данные, можно сделать вывод о том, что в наиболее развитых странах комплектование сил, выполняющих сходные с внутренними войсками функции, осуществляется за счет добровольцев на основе смешанного или чисто профессионального принципа путем заключения контрактов на определенный срок.

Отбор кандидатов производится из числа лиц, прошедших проверку на лояльность, наиболее подготовленных в профессиональном и физическом отношении, нередко на конкурсной основе.

Зачисление добровольца в специальное воинское формирование является одновременно поступлением на государственную службу, что определяет его особое правовое положение, ибо делает представителем верховной власти.

Все это находит выражение в достаточно высоком уровне материального, правового и социального обеспечения профессионалов, предоставлении им различного рода льгот и компенсаций.

Например, во Франции в соответствии с устанавливаемым ежегодно правительством с учетом роста цен «базовым» уровнем жалования для служащих, принимаемым условно за 100, минимальный индекс жандарма определен в 165. В Японии жалование военного полицейского должно быть выше в среднем на 48 процентов уровня зарплаты индустриального рабочего.

ВО МНОГИХ СТРАНАХ поступившим на службу профессионалам предоставляется бесплатное жилье или компенсируется его оплата. Пенсия за службу значительно превышает обычную и достигает от половины до двух третей жалования. Кроме того, предусматривается компенсация за сверхурочную работу, увечье или гибель при исполнении служебных обязанностей.

Как видно, приведенные параметры весьма высоки. Вряд ли они будут приняты немедленно и в полном объеме перенесены на внутренние войска в случае принятия решения об их переводе на комплектование по добровольному принципу. Представляется, что осуществление перехода к пополнению внутренних войск добровольцами-профессионалами пролегает через тщательное, всестороннее изучение проблемы, выработку комплексной, рассчитанной на несколько лет поэтапной программы, предусматривающей первоначально смешанное комплектование.

Кстати, во время обсуждения в Верховном Совете СССР проекта закона об обязанностях и правах внутренних войск МВД было признано целесообразным провести в войсках соответствующий эксперимент, который уже идет в одной из частей войск.

Конечно, вряд ли удастся в полной мере обеспечить все параметры намеченной модели военнослужащего, поступившего в войска по контракту. В частности, желающие принять в нем участие, ввиду нехватки жилья и из соображений поддержания высокой боеготовности, скорее всего раз-

местятся в казарменных помещениях. А в остальном они, по-видимому, будут пользоваться правами и льготами, предусмотренными для военнослужащих сверхсрочной службы, включая нормы вещевого имущества и ежегодный отпуск.

В силу этого кандидатами для замещения должностей в добровольном порядке, думается, в первую очередь станут солдаты и сержанты этих частей после полутора лет действительной срочной военной службы, а также уже отслужившие в армии установленный срок граждане СССР в возрасте примерно до 28 лет, отвечающие требованиям, которые предъявляются к военнослужащим внутренних войск.

При этом первоначальные ежемесячные оклады денежного содержания, как показали консультации в Госкомтруде СССР, в зависимости от сложности и специфики воинской специальности, желательно установить в пределах 320—340 рублей. В дальнейшем они, естественно, будут расти пропорционально повышению квалификации и продолжительности службы.

ВМЕСТЕ С ТЕМ «профессионализация» — процесс многогранный, включающий в себя не только замену военнослужащих срочной службы на лиц, добровольно поступивших во внутренние войска на определенный срок. Элементы профессионализма должны вырабатываться в систематической учебе и службе прежде всего офицеров, специалистов всех профилей, всего личного состава.

Опыт передовых подразделений и частей войск подтверждает, что за два года службы можно подготовить специалиста, умеющего грамотно эксплуатировать боевую и специальную технику, солдата и сержанта, знающего «свой маневр», готового к действиям в любой обстановке.

Именно так, высокопрофессионально, по оценке М. С. Горбачева, ответственно, в рамках закона, действовали и действуют солдаты и сержанты, прапорщики и офицеры внутренних войск в самых острых ситуациях, возникающих в целом ряде районов страны на почве межнациональных конфликтов.

Следовательно, «профессионализация» — это не Рубикон, перейдя который только и можно добиться повышения результатов в служебно-боевой деятельности внутренних войск.

Поэтому, не дожидаясь окончательного перевода войск на новый принцип комплектования, что, несомненно, займет определенный период времени, каждый офицер на порученном участке обязан непрерывно совершенствовать свою профессиональную подготовку и в то же время настойчиво добиваться повышения боевого и служебно-мастерства всего личного состава.

Именно в этом видится сегодня неисчерпаемый резерв для улучшения результатов служебно-боевой деятельности пока что не «профессиональных», а реально существующих внутренних войск.

Полковник Л. СМЕРНОВ, кандидат исторических наук, доцент.

СУДЬБЫ НЕПРОСТЫЕ ИЗЛОМЫ

**ГЕРОЙ ОЧЕРКА
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР А. С. ВЕРЕВКИН —
ПЕРВЫЙ ВО ВНУТРЕННИХ ВОЙСКАХ МВД
ПОЛНЫЙ КАВАЛЕР ОРДЕНА «ЗА СЛУЖБУ
РОДИНЕ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ СССР»**

НАД ГОРОДОМ сгустились сумерки. Их мягкая голубизна постепенно заполняла собой пространство неба. Опускалась ниже в каменные колодцы старых московских дворишков, просачивалась в кривые переулочки, ее легкий, еще зыбкий аквамарин разливался по площадям, сгущаясь в сплетении черных, подрагивающих на холодном ветру ветвей. Над Елоховским собором, над Плетешками, над крышами бывшей Немецкой слободы плыл в сгущающихся сумерках предрождественской ночи густой малиновый звон. В окнах зажглись новогодние елки. По скользким, бесснежным улицам спешили прохожие, через Лефортовский мост к центру города тянулась цепочка зажженных фар, и перезвон трамваев сливался с редким перезвонком церковных колоколов.

Здесь же, в комнате, уже сгустились сумерки. Лишь по подоконнику, возле которого стоял Кравцов, бегали веселые разноцветные зайчики чужих новогодних гирлянд, да в дальнем углу излучался голубоватый свет экрана и приглушенный голос диктора передавал сводку последних известий: опять беспокойно было в Нагорном Карабахе, резко обострилось положение в Баку, на Украине и в Белоруссии вновь напоминал о себе Чернобыль...

Несколько минут он вслушивался в тревожные сообщения, но вскоре мысль снова увела его в сторону. «Что он делает в эту минуту? Должно быть, как и я, сидит у телевизора. А что еще ему делать, генералу в запасе? За окном у него те же сумерки, те же спешащие прохожие. Те же новогодние елки...» Внешний мир как будто бы тот же. Как будто бы. Но в тьмото и дело, что разница между ним и человеком, о котором он думал, измерялась разницей между невероятным и очевидным. Невероятным для Кравцова и очевидным для генерала. Чернобыль, Карабах — погромы, резня, смерть...

Интересно, генерал слушает это? Трудно сказать. Мысли плыли в русле звучащих с экрана слов. Но почему мы так нетерпимы, а порой и просто враждебны друг к другу? Где грань между ростом национального самосознания и презрением к «иноверцам»? Генерал, кажется, по национальности белорус?

Кравцов поймал себя на том, что ощутил при этом особую теплоту. Белоруссию он знал. Бывал там неоднократно в командировках и всякий раз поражался мягкости и удивительной доброжелательности этого народа. И было для него естественным, что именно там, в партизанском Полесье,

начиналась военная биография генерала. В который уж раз за вечер он попытался представить себе генерала. Нет, конечно же, не в генеральской форме. Его китель, единственный во внутренних войсках украшенный тремя орденами «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР», не брошен на спинку стула, как в расхожих «генеральских» рассказах.

Мысль, острая, как игла, пронзила Кравцова. Ослепляющий свет ее вырвал из тайников души то, что весь этот вечер пряталось в ее закоулках.

То, что весь вечер не давало покоя. То, что бессознательно, а может быть, и вполне осознанно он гнал от себя прочь и перед чем оставался бессилён.

...До предела напряженная обстановка. То, что произошло в Тбилиси, вызвало шок, буквально всех парализовало. Тревога и неопределенность усугублялись противоречивостью поступающей информации. Никто толком не знал, что же произошло в Тбилиси на площади у Дома правительства. Слухи, один невероятнее другого, пересуды, домыслы, догадки. Все громче звучащие протесты. Наконец, депутатские запросы в новом, делающем лишь первые шаги парламенте. И вопросы, вопросы, вопросы.

Вспомнился вечер в Белом зале Дома архитекторов. Встреча с редколлегией одного из «левых» журналов. Зал набит битком. Резкие, протестующие реплики летят горячей паклей в раскаленную атмосферу зала. Острые вопросы. Очередь у микрофона. Общий, единодушный протест против того, что произошло в столице Грузии. И снова под одобрительные выкрики и хлопки требование назвать поименно виновников трагедии.

Мог ли он тогда—в декабре восемьдесят восьмого, даже в самом невероятном сне предугадать, что год спустя судьба сведет его с одним из тех, кто...

***КТО ЗВОНИЛ?**

Степан.—Генерал взглянул на жену, все еще хлопотавшую возле книжных полок.—Что ты все возишься? И так все блещит.

— Ну уж и блещит. Как не прибраться: человек ведь придет.

Генерал принялся было снова за статью в «Правде», но телефонный звонок полковника Лапенко выбил из колеи, и ему подумалось вдруг о том, сколько осталось таких, как он и Степан, прошедших Великую Отечественную и встретивших сорокапятилетие Победы... Скоро по пальцам перечесть. Уходит их время. Но чем дальше в прошлом боевая молодость, тем роднее становятся друг другу, тем ближе. Словно сокращается с каждым годом расстояние между ними. Сердцем начинают чувствовать состояние каждого из

оставшихся. Вот и старый сослуживец, партизанивший когда-то в той же Белоруссии, только в соседней бригаде, Степан Степанович Лапенко, ведь не зря позволил, неспроста здоровьем интересовался. Нутром, наверное, почувствовал, что в последнее время что-то занедужилось генералу Веревкину. Ведь ни слова он никому не сказал. На то, видно, и старый друг, что сердцем почувствовал. Правда, была одна заковычка. Сам-то он о ней не часто вспоминал. А вот близкие не забывали. Чернобыль... Да, было в его службе и такое.

Воспринял ли он тогда поездку в Чернобыль как обычную очередную командировку? И да, и нет. Как выполнение служебного долга—да. Как выполнение не совсем обычного приказа—пожалуй. Чернобыльская трагедия—о ее последствиях в те первые дни знали немногие. Он был один из тех, кто знал. Да и задача, возложенная на него, была особой ответственности, а заключалась в том, что генерал-майору Веревкину Александру Семеновичу пришлось возглавить командование специальной группой войск, охраняющих Чернобыльскую АЭС, а также 10- и 30-километровые зоны.

Положение на станции и вокруг нее становилось все более сложным и опасным. Дезактивация в то время лишь развертывалась, но, чем шире разворачивался фронт работ, тем яснее было, что последствия аварии масштабнее и опаснее самых мрачных предположений. Радиационный фон был очень высок. На станции и в зоне люди работали считанные часы и даже минуты. Здесь уж, действительно, промедление было смерти подобно.

Отдавал ли генерал себе отчет, рискуя не только собой, но и жизнью вверенных ему людей? Да, безусловно. Каждый в то время уже знал, чем грозят вырвавшиеся на волю сатанинские силы разбушевавшейся радиации. Знали, но... Но рядом—женщины, старики, дети, рядом—те, кого надо спасать в первую очередь от невидимой смерти. Люди не хотели покидать родных мест, их трудно было убедить в том, что от того, что опасность невидима и неосязательна, она не становится менее опасной.

Чем занимались конкретно? Прежде всего быстро, насколько позволяли обстоятельства, эвакуировали население из опасных зон, помогали организовывать четкую работу автотранспорта, грузили вещи, разыскивали потерявшихся в сутолоке стариков и детей, патрулировали дороги, обеспечивая и в десяти-, и в тридцаткилометровых зонах общественный порядок, охраняли оставленные жилища и имущество от любителей поживиться на чужой беде. И ни единого срыва в работе, ни единой оплошности. Это объяснимо: и армию, и инженерно-технический персонал, работав-

ший в те дни на станции по ликвидации аварии, и рабочих, и все население в целом—всех объединило общенациональное бедствие.

Через месяц, получив предельно допустимую дозу облучения, он вернулся в Москву. На здоровье не жаловался. Все оставалось вроде бы по-прежнему. Разве что в послужном списке появилась еще одна запись об очередной награде да у его Зинаиды Николаевны прибавилась седая прядка волос. Потом зачастили телефонные звонки: «Как, мол, «мотор», не барахлит?» Вот и полковник Лапенко беспокоится, здоров ли?

Догадываясь, о чем задумался муж, Зинаида Николаевна спросила:

- Как там Степан Степанович?
- Он—молодцом.
- Ну и хорошо.

За более чем сорокалетнюю совместную жизнь он привык к тому, что жена не только умела улавливать малейшие оттенки его физического и душевного состояния, но и мыслили они одинаково. Знали друг друга лучше, чем самих себя. До сих пор не перестает удивляться ее трудолюбию и скромности. Особой нужды они никогда не испытывали, но без работы Зинаида Николаевна жить не могла. Без своих больных, без товарищей по работе. Другие давным-давно на пенсии, а она не может. Такой и знал ее всю жизнь—с тех пор как познакомился еще молоденьким лейтенантом с симпатичной медсестрой Зиночкой в небольшом белорусском городке, где стоял их гарнизон. Жизнь прожита долгая, трудная. Всякое бывало. И несчастья сваливались, и радость—все пополам. Юг, Север, Урал, Сибирь—неустойчивая жизнь в далеких гарнизонах, бесконечные перевезды и служба, когда жены сидят быстрее, чем мужья.

При каждом новом назначении решение о переезде принимал он. Она же следовала за ним в любую глушь, в любую тунтаракань. А ведь тоже молодая была. Конечно, жизнь в армии с шестнадцати лет приучила его к самостоятельности и в смысле решений, и в смысле быта. Но теперь, на склоне лет, когда вот так незаметно подкралось время подводить итоги, он понял, что без верного спутника жизни, без его Зинаиды Николаевны жизненная ноша весила бы вдвое тяжелее. Прошли десятилетия. Из провинциальной симпатичной Зиночки получилась верная, любящая жена, мать, без памяти любящая двух своих внучек бабушка. Одного не получилось. Не получилась из Зинаиды Николаевны «генеральша».

Наверное, что-то главное в жизни их семейной удалось. Иначе пошел ли бы по стопам отца сын? Впрочем, не только сын—капитан, и невестка тоже—прапорщик. Так что получается настоящая военная династия.

На кухне Зинаида Николаевна включила радио. Он снял очки, положил на развернутый перед ним номер «Правды», поднялся из-за стола. Всесоюзное радио передавало очередной выпуск последних известий...

В ВАГОНЕ метро, как обычно переполненном, Кравцов дружно и напрочь стиснули со всех сторон. Его голова оказалась на плече мужчины в куртке и меховой ушанке, который в немислимой тесноте умудрился читать газету. Не оставалось ничего другого, как тоже просмотреть заметки. В эти тревожные дни все в принципе читали одно и то же. Глаза вырвали строчки: «За два дня подверглись нападению и были повреждены 82 машины, 38 азербайджанских и 44 армянских. При этом пострадали 19 человек—10 армян и 9 азербайджанцев...» Сообщалось также о том, что взорван водопровод из Шуши в Степанакерт. А в отместку кто-то перекрыл воду на полях. В обоих случаях — дело рук вчерашних соседей-братьев.

Кравцов отвел в сторону глаза—единственное движение, каков он мог себе позволить в такой тесноте. Мысли вновь вернулись к предстоящей встрече. Подумал о том, что генерал, должно быть, ждет человека военного. С военными ведь как? Их может понять, конечно же, только военный. Логика здесь железная: об армии знают все и знают все, не зная о ней равным счетом ничего. Так что разговор может просто не получиться.

...Генерал оказался человеком среднего роста, с легкой, подвижной, подтянутой фигурой, с простым лицом, одним из тех лиц, которые встретишь в любом уголке России. Прямые, тронутые седойной волос, зачесанные назад. Жестковатые русые брови над светлыми глазами, во взгляде, внимательном и чутком к каждому слову, произнесенному собеседником, в скупых, сдержанных движениях, в коротком, четко произнесенном «здравствуйте» и в таком же коротком и крепком рукопожатии почувствовалось достоинство человека, десятилетиями привыкшего управлять собой и другими. Своей простотой, естественностью, доступностью генерал не вписывался в тот образ, что все эти дни рисовало воображение. «Народен, очень народен»,—подумал он, испытывая ощущения замерзшего человека, попавшего в теплое помещение.

Позже Кравцов не мог вспомнить, с каких конкретных фраз начался их разговор. Скорее всего с общепринятых в таких случаях и ничего не значащих. Что-то о здоровье, поскольку генерал недавно выписался из госпиталя. Потом гостеприимное «попить чайку с дороги», «как погода?», «как добрались?» И еще две-три фразы в таком же духе. Но уже с первых произнесенных собеседником слов угадал в Александре Семеновиче человека, принадлежа-

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ

**ЗА ОТВАГУ И САМООТВЕРЖЕННОСТЬ,
ПРОЯВЛЕННЫЕ ПРИ ОБЕСПЕЧЕНИИ
ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА
В СЛОЖНЫХ УСЛОВИЯХ,**

НАГРАЖДЕННЫ

орденом КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ

рядовой КОЗЛОВ Вячеслав Евгеньевич;
майор ЛЫСЮК Сергей Иванович;

орденом «ЗА СЛУЖБУ РОДИНЕ
В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ СССР»

III степени

полковник ДАДОНОВ Вячеслав Алексан-
дрович;

орденом «ЗА ЛИЧНОЕ МУЖЕСТВО»

лейтенант ЛЫСЯНСКИЙ Виталий Ана-
тольевич;

рядовой НЕЗНАНОВ Владимир Борисо-
вич;

медалью «ЗА ОТВАГУ»

рядовой ЛУБИЯНЧИК Андрей Василье-
вич;

сфрейтор МУРАВЬЕВ Юрий Аркадьевич;

медалью «ЗА БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ»

майор БЛОХИН Владимир Иванович;

капитан БОРИТКО Виктор Николаевич;

ПРИСВОЕНО

**ОЧЕРЕДНОЕ ВОИНСКОЕ ЗВАНИЕ
ДОСРОЧНО:**

подполковник

майору ГЛЕБОВИЧУ Михаилу Констан-
тиновичу;

майору НЕПОМНЯЩЕМУ Виктору Алек-
сандровичу;

майор

капитану БОЛОТОВУ Андрею Михайло-
вичу;

капитану БЫКОВУ Александру Никола-
евичу;

капитан

старшему лейтенанту БЕЗЗУБИКОВУ
Алексееу Степановичу;

старшему лейтенанту ВЕРЕЩАГИНУ-
ЯНКО Владиславу Олеговичу.

щего к той категории людей, которые уме-
ют располагать к себе собеседника, не
подстраиваясь под него, а, напротив, оста-
ваясь самим собой.

С чего же началось главное? Пожалуй,
с первого же вопроса, как он добрался.

— Сейчас в метро, пока ехал к вам, все-
го наслушался,—Кравцов улыбнулся.

Собеседник улыбки не принял. Спросил
серьезно:

— Например?

— Одна женщина громко возмущалась:
«Эти кавказцы передрались между собой,
а русские должны расплываться...»

Лицо Александра Семеновича оставалось
все таким же непроницаемым.

— И ее, конечно, поддержали?

— В общем да, хотя большинство отгол-
чалось.

Александр Семенович кивнул на чашку:

— Пейте, а то остынет.

Лицо его по-прежнему оставалось сосре-
доточенным. Подняв глаза, произнес не-
громко и спокойно:

— А ведь эту женщину можно понять.

И, пристально глядя в глаза Кравцову,
спросил напрямик:

— Вы так не считаете?

Кравцов решил принять вызов:

— Нет, не считаю.

— Я так и думал.

В голосе Александра Семеновича про-
звучал холодок. Впрочем, это могло пока-
заться.

Кравцов поднял глаза и пристально по-
смотрел на генерала, словно хотел раз-
глядеть в его темных зрачках отражение
тех бушующих толп, что навсегда должны
были запечатлеться в глазах человека, хоть
однажды видевшего ярость толпы, ослеп-
ленной ненавистью.

— Может быть, действительно, женщину
в метро можно понять,—он выпрямил спи-
ну и машинально полез в карман за си-
гаретой, но в последний момент посчитал
неприличной даже просьбу закурить.— И
все-таки...

— Вот именно, все значительно сложнее,
—Александр Семенович поднялся из-за
стола и подошел к книжным полкам.

Он вернулся к столу с журналом и, рас-
крыв его в том месте, где была аккуратно
заложена закладка, показал отчерченное
карандашом место.

— Это Фергана. Прочтите, пожалуйста.
Кравцов, едва взглянул на подчеркнутые
строчки, вспомнил, что читал уже об этом,
но поразился тому, с какой силой подей-
ствовали они на него и сейчас. В сообще-
нии говорилось: «Невозможно описать то,
что открылось нашим глазам при виде
сожженного накануне ночью на костре,
разведенном у дома посреди улицы, тур-
ка-месхетинца Юнуса Османова. Все пошло
под топор—мебель, сундуки, платье, ку-
хонная утварь, книги и даже семейные
фотоальбомы. Сосед Османова—Абкарим
Абдуллаев, безногий, с орденом Отечест-

венной войны на стареньком пиджаке, рас-
сказал:

— Звери, ох звери! Приезжали днем два
раза—на ЗИЛе, и пешие были. Мы угова-
ривали их не трогать старика. Уговорили.
Двух сыновей Юнуса увезли еще раньше
в контору, а жена с младшими убежала.
Но эти звери вернулись ночью. Ох, что тут
было! Соседей разогнали по домам, при-
грозили: не высовывайтесь, иначе с вами
то же самое сделаем. Громили дом, ста-
рик кричал—звал на помощь. Потом кост-
ер запылал—они жгли Юнуса, наверное,
еще живого. Окружили костер толпой,
молча наслаждались зрелищем. Потом
орали, смеялись, кто-то кричал: «А, сучий
выблюдок, не нравится, да?!»

— Можно ли оставаться равнодушным,
когда происходят такие вещи? Можно ли
остаться в стороне, не прийти на помощь,
не предупредить подобное? Не вмешаться
только потому, что ты другой националь-
ности? Кстати, я вам должен сказать, да
вы и сами знаете, что многие узбеки, рис-
куя жизнью, спасали тех же турок. В
НКАО мне лично довелось быть свидете-
лем интернационального мужества. А ведь
там положение в восемьдесят восьмом то-
же было не из простых...

Сколько же он насмотрелся всего за
свою жизнь? Сколько увидеть и пережить
должен человек, взявший впервые оружие
в неполных шестнадцать и не выпускавший
его из рук сорок шесть лет? Всю жизнь
рядом с насилием и жестокостью, но не
похоже, чтобы ожесточился, очерствел. В
этом, пожалуй, и есть народность его ха-
рактера. Пройти через такое, как он, и
остаться самим собой—иная завкаса здесь
нужна, иной замес.

КАЖДОМУ — свое. Стало быть, и ему,
крестьянскому сыну Александру Семено-
вичу Веревкину из белорусского села
Таль, что затерялось в Полесье, — тоже
свое. В детстве, помнится, играли они в
такую игру—«гляделки» называлась. Это
кто кого переглядит, кто первый гла-
за отведет. А вот ему, Александру
Семеновичу, видно, на роду написано всю
жизнь в эту игру играть. Так уж вышло,
что еще мальчишкой довелось ему пер-
вые взглянуть в эти свинцово-холодные,
пустые глаза. Зрочки отливали холодным
металлом немецких шмайссеров. Зрочки
следили между стволов деревьев за каж-
дым его движением. И он, не отрываясь,
так же пристально следил за ними. Взгляд
у Смерти холодный, пустой, пристальный и
застывший. Бывало ли страшно? Потом,
позже, он найдет у немецкого поэта Гейне
слова: «Ничто не страшно только дураку».
Страшно было, когда из-за одного мерзав-
ца попали в засаду и едва не были пере-

стреляны, как зайцы. Помнится и о том,
как немцы пришли арестовывать отца. Как
началась их партизанская лесная, бродячая
жизнь в 64-й бригаде Розова и Канашеви-
ча. Большая бригада: 6 отрядов, 1500 че-
ловек. Немцев трепали здорово, особенно
когда развернулась «рельсовая война». Дей-
ствовали небольшими группами, так
легче оставаться незамеченным под же-
лезнодорожным полотном или под мостом,
легче уходить от преследователей. Был ли
страх? Вначале, наверное, был. Потом по-
явилась осторожность, а после и привычка.
Работа, одним словом. Страшно по-настоя-
щему стало во время немецких блокад,
окружения, когда под массированным ар-
тиллерийским, минометным огнем прихо-
дилось уходить через болота, оставляя в
засасывающей тине товарищей. Такие вы-
ходы из окружения они называли «мара-
фонами». В марте сорок третьего в поис-
ках одного из пропавших отрядов наткну-
лась их группа на разведчиков. Тогда-то и
узнал о судьбе родных. Обстановка сло-
жилась так, что часть семей вынуждена
была остаться в партизанской зоне. Кара-
тели окружили зону. В бою получили ра-
нения отец и брат, мать немцы расстреля-
ли. О судьбе сестры и братьев он тогда
ничего не знал. Отец вскоре скончался от
ран. Война продолжалась. И снова—тяже-
лая блокада сразу трех партизанских
бригад. Шестнадцать суток блуждали они
по болотам южного Полесья под обстре-
лом. На семнадцатые утром достигли на-
конец заброшенного в болотах лесного
острова. Не успели расположиться, как в
воздухе появилась «рама». Их вновь об-
наружили. Оставалось одно—идти на про-
рыв. Левее шла через болото Шекурин-
ская бригада. До леса оставалось совсем
немного, когда немцы накрыли ее масси-
рованным огнем. Там, на болотах, и оста-
лись лежать ребята. Потом, уже в Слуцке,
они соединились с армией. Снова бои. И—
Победа! Он встретил ее в Берлине воспи-
танником части.

Для всех ли «победа» и «мир»—синони-
мы? Для него, офицера войск НКВД, затем
МГБ, наконец, внутренних войск, эти слова
синонимами так и не стали. После войны—
борьба с бандитизмом, «схроны», засады,
выстрелы из-за угла, смерть, подкараули-
вающая тебя в лесу за деревом, за мир-
ным, усыпанным желтыми одуванчиками
пригорком, в крестьянской хате, на ноч-
ной дороге от пули бандеровцев, ОУНов-
цев, националистов всех мастей и оттен-
ков. Послевоенная Прибалтика, Белоруссия,
Западная Украина... Дороги, которые мы
выбираем или которые нас выбирают, ста-
ли дорогами жизни, вехами его биогра-
фии, страницами послужного списка. Охра-
на особо важных государственных объек-
тов, дальние гарнизоны, патрульно-кара-
ульная служба... Путь, пройденный от ко-
мандира взвода до командира дивизии, от
рядового до генерала. И постоянное ощу-
щение, что ты идешь по краю пропасти,

на котором надо удержать людей от последнего, рокового шага. Это—служебный и нравственный долг. Ради него столько лет пришлось играть в «гляделки» со смертью. Все тот же холодный, неподвижный, пристальный взгляд, к которому не привыкнешь, как невозможно привыкнуть к насилию. Насилие можно лишь ненавидеть.

ВОТ УЖЕ несколько минут на языке Кравцова вертелся вопрос, который он не решался задать Александру Семеновичу. Но, собственно; не ради ли этого вопроса пошел он на эту встречу?

— Александр Семенович, почему же все-таки в обществе такое неоднозначное отношение к внутренним войскам? Вопрос не смутит генерала.

— Отвечу. Во-первых, нестабильная, тревожащая людей ситуация в обществе. Поляризация сил. Смешивание демократии со вседозволенностью. Известное размывание идеалов и ценностей. «Левые», «правые», неформалы... Отсюда отнесение всех тех, кто не разделяет радикальных взглядов, к «консерваторам», «ретроградам». Во-вторых, многолетнее отсутствие объективной информации о наших войсках, их закрытость...

— И конечно, Тбилиси...

— События в Тбилиси—это трагедия. Но имело ли место нарушение указа от 28 июля, вот вопрос. Как должны были вести себя воины внутренних войск в той ситуации? Считаю, что они в своих действиях за рамки указа не вышли, и потому нет оснований называть их действия противозаконными. Такова моя точка зрения.

Кравцов чувствовал, что в этом еще энергичном, даже моложавом человеке, приученном за долгие годы не только к служебной дисциплине, но и к дисциплине мысли, четкости, определенности устоявшихся понятий и представлений, присутствовало вместе с тем желание откровенности и искренности. Это шло от характера, сильного и независимого. Словно подтверждая эту мысль, Александр Семенович произнес:

— Я далек от того, чтобы считать, что во внутренних войсках все обстоит хорошо. Есть, конечно, проблемы, и серьезные: грубые нарушения дисциплины, и «дедовщина», и многое другое. Но не надо забывать, что часть этих недугов носит социальный, общественный характер. И здесь предстоит сделать еще многое.

«Предстоит сделать...» Легким, почти неощутимым уколом отозвались в нем его же собственные слова. Предстоит... Что «предстоит» завтра ему—генералу, уволенному в запас? В принципе к предстоящему увольнению он отнесся спокойно. В общем-то всю жизнь следовал известному армейскому правилу: от службы не отказывайся, на службу не напрашивайся. Не скрыл это

сегодня и от Кравцова. Тот, видно, не поверил: кивнул на фотографию, на которой запечатлен среди других награжденных в Кремле, где Председатель Президиума Верховного Совета СССР Михаил Сергеевич Горбачев вручал ему третий орден «За службу Родине». А между тем, он не лукавил, когда говорил, что на службу не напрашивался. Другое дело—служил честно, чему и других учить старался. Ну а что касается отставки... Просто рано или поздно должно было прийти то время, когда человек задает себе вопрос: как ты ее все-таки прожил, ту самую жизнь, что дается человеку один раз?

Все чаще и ярче озарится в памяти образ тех, с кем довелось служить и в Белоруссии, и в Прибалтике, тех, кто нес в сорокаградусные морозы караульную службу в дивизии, которой он командовал. Сколько сил было отдано внедрению технических средств в охрану объектов, сколько сил было отдано организации боевой службы вообще!

Главным для него всегда оставался человек, солдат, офицер. Он всегда в своей работе с офицерским корпусом старался подчеркнуть ту в общем-то простую мысль, что без взаимопонимания, без умения подойти к человеку, без авторитета нет настоящего командира-воспитателя. Не будет и той силы внушения, без которой трудно добиться выполнения цели. Он знал о чем говорил, потому что за годы службы прошел все без исключения ступени. Собственно, лишь последние четыре года он был офицером штаба.

— Наверное, о таких, как вы, говорят: знал службу не понаслышке?

Александр Семенович рассмеялся:

— Это уж точно.

— Чтобы учить других, надо иметь моральное право. Его дают жизненные уроки,—Кравцов чувствовал, что снова вторгается в «закрытую тему», но остановить себя уже не мог.—У вас были, как у офицера, подобные уроки?

— А у кого их не бывает? — просто ответил генерал.

На обратном пути Кравцов решил пройтись по свежему, морозному воздуху. Вышел на Пушкинской и стал неторопливо спускаться вниз по Тверскому. Его внимание привлекла толпа людей, собравшаяся на углу Большой Бронной. «Опять митингуют»,—услышал он рядом чей-то не то осуждающий, не то иронический голос. Только тут заметил в руках собравшихся плакаты и лозунги.

Слева от толпы выстраивались «силы правопорядка».

«Я верю в благоразумие и выдержку людей»,—вспомнились слова генерала, сказанные на прощанье, и Кравцов зашагал вниз по темному туннелю старой аллеи.

М. ЯМПОЛЬСКИЙ.

«Мы еще увидимся, детка...»

— И... она умерла?..

— Да... ее нашли в комнате, за баром... Руфь отравилась. Может быть, в момент трезвости рассудка ей вдруг стало нестерпимо стыдно за то, чем она стала, и этот стыд оказался непреодолим?..

Глядя на искаженное страданием лицо старого врача, инспектор испытывал бесконечную жалость.

— И с тех пор вы лечите наркоманов?

— Да... особенно девушек, молодых женщин, потому что в них я узнаю Руфь... Пытаясь спасти эти человеческие обломки, я каждый раз надеюсь уберечь Руфь от ее чудовищного падения. Ну вот хотя бы эта крошка, которая только что была здесь... Мне казалось, что моя дочь пришла доверить мне свою муку... Так что вы можете рассчитывать, я сделаю все... возможное...

— Благодарю вас, доктор. Но если вы привязаны к жертвам, то мое дело — бороться с теми, кто ответствен за их страдания. Я обязан лишить этих мерзавцев возможности причинить вред.

— Это очень трудно.

— Ничего, мы привыкли к сложным задачам.

— Желаю вам мужества, инспектор, и еще — большой удачи.

— Что касается мужества — то, что вы мне сейчас доверили, только увеличило его.

— В таком случае, я счастлив, что вам пришлось в голову пойти за этой девушкой.

Инспектор решил, что мисс Банхилл сейчас должна чувствовать себя не блестяще и, следовательно, самое время попробовать получить сведения, которые могли бы натолкнуть его на след крупных воротил. Поллард прыгнул в такси и направился напрямик в Ноттинг-Хилл. Дом № 124 по Сент-Аннс Роуд выглядел далеко не дворцом. Наркоманы мало заботятся об удобствах, поскольку большую часть времени проводят в мирах иных. Маленькая, бесцветная, как бы вылинявшая женщина, на-

званная домовладелицей, соблаговолила сообщить инспектору, что мисс Банхилл только что вернулась в свою комнату, но сочла нужным заметить, хихикнув, что состояние мисс Банхилл показалось ей не особенно располагающим к беседе.

Дверь комнаты не была заперта, и, поскольку ответа на стук не последовало, инспектор вошел. Запущенная комната. Повсюду валяются неубранные вещи, рядом с плитой — гора грязной посуды. Тяжелый, спертый воздух, пропитанный запахом кухни, свидетельствовал, что окно здесь открывается крайне редко. Что касается хозяйства, то, очевидно, никого не волновало, ведется оно или нет. Полицейский сразу узнал эту отвратительную беззаботность жертв наркотиков, теряющих всякое представление о человеческом достоинстве и не способных думать о чем-либо, кроме возможности снова власть в подобное смерти, но зато успокаивающее забытие, которое несут с собой укол или горсть таблеток. Мисс Банхилл спала на разобранной постели одна, даже не потрудившись снять башмаки. Но сон ее оказался гораздо менее глубок, чем можно было предположить, поскольку, почувствовав что-то постороннее присутствие, девушка тут же открыла глаза. Сначала ее тусклый взгляд бессознательно скользнул по лицу Полларда, не фиксируясь, потом снова вернулся к нему, и крохотные зрачки расширились. Мисс Банхилл попробовала приподняться, но ей это не удалось, и инспектору пришлось помочь девушке сесть.

— Что вам тут у меня надо? — спросила она с трудом.

— Я вошел, потому что вы не ответили на мой стук, а дверь не была заперта.

— И чего вы от меня хотите?

— Поговорить.

— О чем?

— О наркотиках.

Мисс Банхилл подозрительно осмотрела инспектора с головы до ног и недобро сверкнула спросила:

— Вас послал Сэм?

— Нет.

Продолжение. Начало в № 6.

— Вот как! А впрочем, плевать... У меня нет денег, а сама я не настолько аппетитна, чтобы вы согласились на другой вид оплаты. Так ведь?

— Значит, вы уже и до этого дошли, мисс Банхилл?

Она долго, непонимающе смотрела на него.

— Вы... не собираетесь... предложить мне... товар?

— Нет.

— Тогда я не понимаю.

— Я из полиции, мисс Банхилл.

Девушка содрогнулась от ужаса.

— Вы хотите меня забрать?

— Нет.

Поллард уселся у изголовья кровати.

— Послушайте-ка меня, мисс Банхилл. Я здесь не для того, чтобы добавить к вашим страданиям новые, я хочу попробовать спасти вас.

Она пожала плечами.

— Слишком поздно.

— Ошибаетесь. Сколько вам лет?

— Двадцать четыре.

— И вы, конечно, считаете себя старухой?

— Я на самом деле стара.

В ответе не слышалось ни малейшей иронии, а, напротив, убежденность, поразившая инспектора. И ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы продолжить разговор.

— Не говорите глупостей! Уверю вас, если вы захотите помочь мне, я вас выведу, и вы снова станете такой же девушкой, как другие.

Она тихонько, беззвучно заплакала.

— Если бы только это могло быть правдой...

— Так и будет, только надо слушаться. Как вы пришли к этому, мисс Банхилл?

Она, почти не колеблясь, рассказала Пол-

ларду свою историю, похожую на сотни других, уже слышанных им раньше. Безработица, одиночество, бары, вкус к легкому на вид существованию, а потом однажды — тоскливый вечер, когда, вдруг протрезвев, подводилшь итоги и видишь такой жалкий результат, что испытываешь непреодолимое желание покончить счеты с жизнью. Тут появляется сердобольный друг и заявляет, что враз приведет вас в чувство — всего-то одним пустяковым уколом. Вы, конечно, относитесь к этому скептически, но соглашаетесь, потому что раз уж решили умереть, то не все ли равно... И — о чудо! Наркотик оказывает волшебное действие. Все, что тебя только что угнетало, кажется теперь пустяковым, и ты снова веришь в возможность жить. Но потом депрессия возвращается, и ты идешь к услужливому другу, который на сей раз «вынужден» взять за укол деньги. Попалась. И дальше уже не можешь обходиться без наркотика, денег нет и т. д. И все это кончается проституцией, самоубийством или больницей.

Случай мисс Банхилл ничем не отличался от других. Поллард говорил долго-долго, наступила ночь, а он все выискивал новые аргументы, способные побороть страх и неуверенность. Инспектор сумел найти верные слова, и в конце концов мисс Банхилл признала, что 24 года еще не старость и что, выздоровев, она сможет прожить нормально еще много-много лет. Наконец, девушка решила довериться Полларду и поехать с ним в больницу, где ее начнут лечить.

— А теперь, мисс, на примере того, что сделали с вами, попробуйте понять, как преступны люди, зарабатывающие деньги, много денег на больных, ставших больными по их милости!

— Да, это гнусно!

— Они — язва нашего общества. Вы должны помочь мне лишить их возможности творить зло. Кто доставал для вас наркотики?

— В первый раз?

— Да.

— О, один знакомый... это не имеет значения. Сейчас я знаю, что он сам торчок. Его зовут Джон Уилби. Он, кажется, жил где-то в районе Хэмпстеда...

— Ну, а потом кто вас снабжал и прикарманивал ваши деньги?

— Сэм Блум.

— Ну, этот-то точно окончит дни свои за решеткой. Но я уверен, что Сэм — только мелкая сошка. Не знаете, кто стоит за ним?

— Вы имеете в виду его хозяев?

— Да.

— Не знаю, но несколько раз я видела, что к Сэму приходил очень шикарный мужчина и говорил с ним так, как может говорить только большой босс.

— А имени его вы не знаете?

— Нет, но я думаю... заметьте, я не могу утверждать точно, но, кажется, это владелец кабаре «Гавайская пальма».

Полларду захотелось расцеловать девушку, которая, сама того не подозревая, подтвердила его предположения. Элегантно одетый тип, конечно же, Джек Дункан, и все это прекрасно увязывается с визитами лжеплемянницы Сэма, Патриция Поттер, официальной любовницы Дункана.

— Мисс Банхилл, вы — самая удивительная девушка, какую я когда-либо встречал! Прежде чем отправиться в больницу, мы заедем в Ярд и вы подтвердите суперинтенданту Бойланду все, что рассказали мне. Согласны?

— Согласна.

Поллард протянул руки, чтобы помочь девушке встать, но насмешливый голос приковал его к месту:

— Зато я против!

Отпустив мисс Банхилл, инспектор обернулся, но неизвестный включил свет, и Поллард вынужден был на мгновение закрыть глаза. Открыв их, он увидел перед собой мужчину, державшего в руке пистолет с глушителем.

— Не делайте глупостей, Питер!

— Глупость сделал ты, грязный шпик! А вот тебе, крошка, лучше было бы держать язык за зубами!

Не в силах шевельнуться или крикнуть, мисс Банхилл с ужасом смотрела на Питера Дэвита, правую руку Дункана. Поллард попытался остановить убийцу, разыгрывая полное спокойствие.

— Вы так спешите затянуть веревку на собственной шее, Питер?

— Да что вы говорите?!

— Неужели вы не знаете, что мы уже добрались до «Гавайской пальмы»?

— Ну-ну!

— Только что, выйдя от Блума, я зво-

нил суперинтенданту и дал ему нужные сведения.

— А вот это уже нехорошо, совсем нехорошо... однако спасибо за информацию.

Инспектор, надеясь на свою счастливую звезду, неожиданно бросился на Питера, но тот держался настороже и тут же выстрелил. Получив пулю в лоб, Поллард упал лицом вниз. Мисс Банхилл зажала рот рукой, сдерживая рвущийся из гортани крик. Убийца улыбнулся ей.

— Спокойно, крошка. Одним легавым меньше — ни тебе, ни мне от этого не будет хуже, а? А теперь, чтобы забыть все это, ничего нет лучше укольчика, так ведь?

— Я... я не хочу!

— Ладно, красotka, не создавай сложностей. Ты отправишься в страну снов, а когда проснешься, я уже очищу комнату от всего лишнего, и ты ни о чем не вспомнишь. Ну, разве это не чудо?

Девушка почти сразу решилась. Она чувствовала, что укол даст ей власть в забытьи, которого она изо всех сил жаждала столько времени. Правда, при мысли об искусственном покое мисс Банхилл вздохнула. Но как иначе не думать об этом, таком милом человеке, которого только что убили у нее на глазах? Девушка легла и засучила рукав.

— Я рад, что ты приняла разумное решение, крошка, и в награду, когда у тебя не будет денег, приходи ко мне в «Гавайскую пальму», я все устрою.

Он перетянул жгутом протянутую руку, достал из кармана шприц и, когда вена вздулась, ввел иглу. Девушка в ожидании закрыла глаза. Тогда, резко сорвав жгут, Питер Дэвит надавил на поршень. Но в шприце ничего не было...

Убийца спокойно распрямился, вытер шприц своим платком и положил на стол. Глядя на лицо мисс Банхилл, он прошептал:

— Жаль...

Только теперь Питер услышал легкий шорох в коридоре. Одним прыжком он метнулся к стене и встал так, чтобы дверь, отворившись, скрыла его от постороннего взгляда. В дверь постучали. Еще раз. Створка приоткрылась...

— Мисс Банхилл, мне послышалось... О Господи Боже!

Домовладелица, как громом пораженная, смотрела на тело полицейского, распоротое на полу, головой в луже крови. Она механически шагнула вперед и получила такой удар по затылку, что мгновенно потеряла сознание. Прежде чем уйти, Питер позаботился выключить свет.

Машина Питера Дэвита стояла довольно далеко от дома мисс Банхилл. Никто не заметил, как он сел за руль и спокойно отправился в «Гавайскую пальму». Джек Дункан и Патриция Поттер ждали его в кабинете директора.

— Ну? — тут же спросил красавец Джек. Убийца, удобно устроившись в кресле, ограничился весьма лаконичным ответом:

— Поручение выполнено... Я бы сейчас с удовольствием пропустил стаканчик.

— Вас никто не видел?

— Уж не принимаете ли вы меня случайно за новичка?

— Ладно, не кипятись. Подробности?

— Легавый вздумал разыгрывать героя, ну я и отправил его продолжать представление пред очи Великого Фокусника.

— А девчонка?

— Последовала за ним в лучший мир.

Патриция вскочила.

— Вы убили эту девочку!

— Ну и что? Вас это шокирует?

— Вы подлец!

Джек, в свою очередь, встал и дважды ударил Патрицию по лицу.

Удерживая жгучие слезы, мисс Поттер в упор посмотрела на Дункана.

— Не мудрено, что вы так прекрасно ладите друг с другом! Оба одинаковые трусы и негодяи! Бить женщин, убивать беззащитных или в спину — вот ваши подвиги! И еще считаете себя мужчинами!

Новая пощечина заставила Патрицию замолчать, а Джек тем временем почти ласково выговаривал ей:

— Вы становитесь слишком болтливы, Патриция, и это начинает мне не нравиться. Если вам не по вкусу жить так, как вы живете здесь, я в любой момент могу найти ангажемент в одном из пансионов, принадлежащих моим друзьям в Ливерпуле или в Кардиффе... Отличная клиентура — матросы! Вы, несомненно, будете иметь большой успех!

Угрозы Дункана вызвали у молодой женщины дрожь омерзения. Не говоря ни слова, она направилась к двери и, обернувшись уже на пороге, смерила обоих мужчин взглядом: Джек выглядел породистее, Питер — грубее, но в обоих было что-то от хищного зверя — одной масти.

— Когда-нибудь вы все-таки заплатите за все свои преступления, и в тот день я буду долго, от души смеяться.

— Если еще будете в состоянии, дорогая!

— Что на нее нашло? — спросил Питер, едва Патриция скрылась.

— Девочка слишком чувствительна.

— Лучше бы ей молчать.

— Она и будет молчать.

— Не уверен.

— Патриция — это мое дело, Питер. Считайте, что я вас предупредил. Мне было бы неприятно прибегать к напоминаниям.

— Ладно... Ах да, чуть не забыл. Перед тем как отдать душу дьяволу, легавый сказал, что Ярд положил на нас глаз.

— Я догадывался.

— И еще: готовится рейд.

— Ерунда. Они ничего не найдут.

— Если тот тип не бредил, мы увидим этих джентльменов, как только обнаружат тело.

— Встретим их как обычно — с улыбкой. Я дам приказ Тому не пускать ни одного торчка, а уж он-то узнает их безошибочно — сам когда-то был такой...

— Да? А я и не знал.

— Я не обязан докладывать вам обо всем, Питер. Единственное, что меня сейчас интересует, — это чтобы ни одна ниточка не привела к вам.

— Ну, тут можете быть спокойны.

Питер Дэвит ошибался.

А ошибался он потому, что, как только хозяйка дома, где жила несчастная мисс Банхилл, пришла в себя, ее душевразражаю-

щие крики переполошили весь дом и возбудили любопытство констебля Мак-Говерна, обходившего квартал. Меньше чем через полчаса суперинтендант Бойланд узнал о смерти инспектора Джеффри Полларда и немедленно вызвал его коллег Блисса и Мартина. Бойланд был человеком хладнокровным — никто не помнил, чтобы он хоть раз повысил голос. Хоть гнев его и не выражался бурно, но был от того еще более страшен. Бледный, с подергивающимся от нервного тика лицом, суперинтендант объявил подчиненным о своем твердом намерении отомстить за Полларда и поклялся, что схватит убийцу Джеффри, сколько бы времени ни ушло на поиски. Блисс и Мартин настолько верили в Бойланда, что им и в голову не пришло усомниться в возможности успеха.

Инспектор Мартин допрашивал владелицу дома. Женщина лежала вся в бинтах и, причитая, уверяла, будто удар по голове что-то сломал в мозгу. Но инспектора это, видимо, не слишком взволновало, и тогда она, всхлипнув, стала вслух размышлять о том, что просто чудом не оказалась третьей бездыханной жертвой в комнате мисс Банхилл. Мартин терпеливо слушал. Приехав на место, он распорядился немедленно увезти тело Полларда, а медэксперт на месте зафиксировал у мисс Банхилл признаки хронической наркомании. По его заключению, полицейский был убит выстрелом в голову, а мисс Банхилл умерла от инъекции воздуха в вену левой руки. Мартин, в свою очередь, поклялся, что не уйдет в отпуск, пока не отправит убийцу на виселицу. В конце концов, под градом вопросов домовладелица была вынуждена вернуться к реальности и припомнить, что слышала, как мужской голос в комнате мисс Банхилл крикнул: «Не делайте глупостей, Питер!» Она услышала это, когда была на нижней площадке лестницы, и очень удивилась. А потом она ставила банки старой мисс Крампетт, больной гриппом, и уловила какие-то странные шорохи над головой. Любопытство заставило почтенную даму пойти наверх. Но в ее-то возрасте, да еще при астме, можно ли идти быстро? Пришлось останавливаться и переводить дух на каждой ступеньке. А дальше она помнит только, как открыла дверь, увидела два трупа и потеряла сознание от такого страшного удара, что ей показалось, будто голова провалилась в грудную клетку.

То, что помощника Дункана, на котором после сообщения Полларда шефу сконцентрировалось внимание полиции, зовут Питером, заметил инспектор Блисс. Ненадолго воцарилась тишина. Потом суперинтендант Бойланд тихо произнес:

— Благодарю вас, Блисс. Нынешней ночью я сам возглавлю рейд в «Гавайскую пальму».

Когда Питер Дэвит вошел в «Нью Фэшнэбл», Сэм Блум меланхолически подсчитывал прибыли. Сэм боялся и не любил Питера.

Однако он заставил себя улыбнуться приветствуя правой рукой Дункана.

— Привет, Питер!

От ледяного взгляда убийцы у Сэма дрожь прошла по позвоночнику.

— «Мистер Дэвит», Блум, не забывайте!

— Хорошо, хорошо, мистер Дэвит!

— Мы с Джеком не очень довольны вами.

— Это... это невозможно, мистер Дэвит!

— Уж не хотите ли вы сказать, что мы лжем, Сэм?

— Нет! О нет, мистер Дэвит!

— Что это за тип тут у вас поселился? Некто Карвил?

— Карвил? Торчок на кумаре.

— И вы ему собирались продать кое-что?

— Со всеми обычными предосторожностями, мистер Дэвит.

В ту же секунду кулак Дэвита врезался Сэму в переносицу. Ослепнув от слез, в полной панике, Блум задохнулся от боли, но прежде чем упал, убийца Полларда сгреб его за манишку, так что ткань порвалась, и, приблизив лицо к перепуганной физиономии хозяина гостиницы, рывкнул:

— Знаешь настоящее имя Карвила?

— Нет!

— Поллард! Инспектор Джеффри Поллард!

— Со... создатель! Что... что он искал у меня?

— А ты совсем не догадываешься?

— Но вчера он ночевал в участке!

Дэвит бросил на Блума презрительный взгляд и пожал плечами.

— Болван! Ты не дал ему никакого, хоть крошечного, намека, который мог бы потянуть след к нам?

— Клянусь вам, нет!

— Ради тебя же надеюсь, что это правда, Сэм!

— И что же мне делать, мистер Дэвит, когда эта сволоочь вернется?

— Он никогда не вернется.

Блум с трудом проглотил слюну.

— А?..

— Да, кстати. Крошка Джанет Банхилл тоже больше не придет сюда. Еще одна такого рода ошибка, Блум, и ты сам уже никогда не сможешь никуда пойти. Привет!

Вскоре после ухода Питера Эдмунд, не говоря ни слова, положил на стол, прямо перед носом хозяина, вечернюю газету с фотографиями Полларда и мисс Банхилл. Сэм понял, что Питер Дэвит отнюдь не блефовал, и почувствовал, как к горлу подступает тошнота. Он прихватил бутылку виски и пошел к себе наверх.

Около восьми часов вечера Бойланду сообщили, что некий доктор Эдэмфис хочет видеть полицейского, расследующего убийство инспектора Полларда и мисс Банхилл. Суперинтендант приказал провести врача к нему.

Доктор Эдэмфис рассказал, что инспектор Поллард приходил к нему в середине дня сразу после мисс Банхилл и что это он сообщил полицейскому имя и адрес своей пациентки. Теперь, узнав, как развернулись события, он об этом сожалеет.

— Поллард погиб, исполняя свой долг, доктор, — успокаивал его суперинтендант. — Мы все скорбим о нем — это был стоящий парень. Но вам не в чем упрекать се-

бя. Напротив, благодаря вам мы, быть может, скорее схватим убийцу.

— Я был бы счастлив, окажись это так. Ваш коллега мне очень понравился, и я обещал помочь ему чем только смогу.

— Благодарю вас, доктор, и прошу, чтобы эту помощь вы теперь оказали нам. Вы ведь лечите в основном наркоманов?

— Не то чтобы в основном, но в Сохо знают, что в случае крайней нужды я могу выручить, не говоря никому ни слова.

— Почему?

Эдэмфис рассказал о судьбе своей дочери, и суперинтендант понял, что врач принял на себя поистине апостольское служение.

— Я вам признателен за доверие, доктор. Однако вы должны понять, что мы, в Ярде, не можем смотреть на это под тем же углом зрения. Для нас главное — схватить торговцев наркотиками, которых я считаю самой гнусной разновидностью преступников.

— Понимаю, но и вы должны согласиться, что судьба доверившихся мне больных для меня важнее, чем наказание виновников их несчастий.

— Конечно. Но прошу вас, подумайте, ведь уничтожить этих мерзавцев — тоже способ помочь вашим больным и, главное, это значит спасти тех, кто рискует стать новыми жертвами. Поэтому, если случайно вы узнаете что-нибудь такое, что может навести нас на след, умоляю вас не колеблясь сообщить об этом. Не думаю, что своей просьбой я вынуждаю вас хоть в малейшей мере нарушить профессиональный долг.

Прежде чем ответить, доктор Эдэмфис на мгновение задумался.

— Я тоже этого не думаю, — сказал он наконец.

Когда Патриция Поттер в строгом черном платье с глубоким вырезом и бриллиантовой брошью на левом плече пела «Жизнь в розовом свете», Том позвонил в кабинет Дункана и сообщил, что, судя по внезапному оживлению в окрестностях кабары, полицейская облава, должно быть, на подходе.

— Спасибо, Том. В заведении наркоманов нет?

— По правде говоря, не думаю, чтоб были, патрон. Я вышвырнул штук двадцать... Если кое-кто и просочился, значит, у них нет никаких признаков, по которым их могли бы засечь легавые.

— О'кей, Том. И полное хладнокровие, а?

— Можете на меня положиться, патрон.

Джек повесил трубку и невозмутимо сообщил Питеру:

— Фараоны.

— Здесь?

— Идут.

Дэвит встал.

— Пойду встречать.

Убийца появился в вестибюле в тот момент, когда Бойланд, резко отстранив Тома, делавшего вид, будто пытается его задержать, вошел в кабаре в сопровождении Блисса и Мартина. Одновременно дюжина полицейских, согласно приказу, оцепила все выходы. Это вторжение вызвало неко-

торое замешательство среди клиентуры, но суперинтендант по улыбке бармена понял, что облавы ожидали и найти ничего не удастся. Быстрый взгляд на завсегдатаев и случайных посетителей подтвердил, что среди них нет ни одного хронического наркомана. Все это попахивало тщательно продуманной инсценировкой.

Оставив подчиненных проверять бумаги слушателей Патриции Поттер, суперинтендант поднялся в кабинет Дункана. Тот встретил его с иронической любезностью.

— Меня только что предупредили о вашем приходе, суперинтендант. Иначе я сам встретил бы вас.

Бойланд терпеть не мог такого рода юмора.

— Довольно, Дункан!

— Что-нибудь не в порядке, суперинтендант?

— Не делайте из меня идиота! Нам обоим отлично известно, что вы крупнейший из торговцев наркотиками в Сохо.

Дункан несколько не смутился.

— Вам повезло, что мы разговариваем без свидетелей, супер. Иначе это заявление принесло бы мне кругленькую сумму в виде возмещения за причиненный моральный ущерб...

— Думаю, что в один прекрасный день оно принесет вам изрядное число лет заключения.

— Сомневаюсь.

— Разве что вы попадете на виселицу.

— За торговлю наркотиками?

— Нет, за убийство инспектора Полларда!

— Вот так новости!

— Вы напрасно смеетесь надо мной, Дункан. Придет час, когда я заставлю вас дорого заплатить за это, очень дорого.

— У меня такое впечатление, что вы выдаете желаемое за действительное, мистер Бойланд. Могу ли я осведомиться о причине вашего визита?

— Наркотики.

— Так ищите их где угодно и сколько угодно. Надеюсь, после обыска ваше предубеждение против меня рассеется.

— Убирайтесь отсюда, Дункан, и живо.

— Позвольте вам напомнить, что я захожусь у себя.

— Пожалуйста. И что дальше?

— Ничего... Уступаю вам место.

— И пошлите ко мне мисс Поттер.

Дункан прочувствовал удар.

— Чего вы от нее хотите?

— Это вас не касается.

— Ах нет, позвольте...

— Не позволю!

Дункан весь подобрался, как для прыжка, но взгляд Бойланда заставил его смириться. Желая хоть как-то успокоить уязвленное самолюбие, он небрежно заметил:

— Я повинуюсь, супер, лишь потому, что вы олицетворяете Закон, но посоветовал бы вам...

— Я не спрашиваю совета у бандитов, Дункан!

На бледном лбу хозяина «Гавайской пещеры» заблестели капельки пота. Он так сжал челюсти, что почувствовал, как их сводит от боли, но все-таки умудрился спокойно проговорить:

— Вам бы очень хотелось, чтобы я на вас набросился, правда?

— Да, действительно, это доставило бы мне большое удовольствие.

— Вам так не терпится засадить меня за решетку?

— Нет... Я бы убил вас, Дункан. Видите ли, от некоторых приемов спасения нет, и мисс они известны.

Джек, не ответив, вышел.

Суперинтендант видел Патрицию Поттер только на фотографиях. Он нашел, что она не просто красива, но и прекрасно держится. В ее манерах, в тембре голоса, в выборе выражений сквозила даже утонченность.

— Вы хотели меня видеть, сэр?

— Как поживает ваш дядя, мисс Поттер?

Девушка явно не ожидала подобного вопроса и смутилась.

— Мой дядя? — машинально повторила она.

— Да, эта милая старая гнида Сэм Блум?

Патриция покраснела и в полном замешательстве пробормотала:

— По правде говоря, Сэм мне не дядя.

— Вот удивительно!

Однако в тоне полицейского звучала скорее насмешка, чем изумление. И Патриция это тут же уловила.

— Сэм был очень добр ко мне, когда я приехала в Лондон, поэтому я и привыкла называть его дядей. Глупо, правда?

— Ладно бы глупо, но это еще и вранье!

— Однако, сэр...

— Прекратим игру, мисс Поттер. Откуда вы приехали в Лондон?

— Из небольшого села близ Уэлшпула... Я из Уэльса. Мои родители — фермеры.

— Значит, остаться в деревне и выйти замуж за фермера вы не захотели?

— Нет.

— Жаль... Сколько вам лет, мисс Поттер?

— Двадцать три.

— Мне на двадцать пять лет больше, и это позволяет сказать вам, ради вашего же будущего, что лучше бы вы вышли замуж за простого батрака, чем жить с Дунканом, которьй, как минимум, окончит дни в тюрьме.

Мисс Поттер отреагировала на эти слова далеко не так, как ожидал супер.

— Я это поняла всего несколько часов назад.

— Почему несколько часов? Говорите, мисс Поттер! Прошу вас! Вы можете очень облегчить нашу задачу.

В ответ она прошептала:

— Я ничего не знаю, сэр, ничего... и я не хочу умирать...

— Но...

Патриция поднесла палец к плотно сжатым губам и кивком указала суперинтенданту на дверь. Тот одним прыжком оказался там и резко дернул ручку. Подслушивавший разговор Питер Дэвит едва не растянулся посреди комнаты. Полицейский повернулся к молодой женщине и ледяным тоном произнес:

— Я просто поражен, что здесь так плохо ведется хозяйство и что в заведении такого класса прямо за дверью валяются отбросы!

Дэвит в ярости надвинулся на суперинтенданта.

— Ну, вы...

Питера пригвоздило к месту скорее удивление, чем боль от пощечины, которой от души наградил его Бойланд.

— Я не позволю, чтобы со мной разговаривали в таком тоне, — отчеканил полицейский.

И, не обращая больше внимания на Дэвита, Бойланд повернулся к певиче:

— До свидания, мисс Поттер... И это не просто формула вежливости.

Как только Патриция вышла, суперинтендант взял шляпу и тоже направился к двери.

— Ну, а я? — почти закричал Дэвит. — Меня вы не хотите допросить?

Полицейский смерил его взглядом.

— К чему терять время?

— Но...

— Я отлично знаю: это вы убили инспектора Джеффри Полларда, за что и будете повешены. Тут всего-навсего вопрос времени. Известно мне также, что вы убили мисс Банхилл... Более чем достаточно — надеюсь, вы отдадите себе в этом отчет? —

чтобы однажды утром палач набросил вам на голову черный капюшон, а потом затянул на шею петлю... Воспользуйтесь же днями, которые у вас остались, Дэвит...

— У вас нет доказательств! — счел нужным возразить встревоженный убийца.

— Вам следовало быть заодно и хозяйку дома, где жила мисс Банхилл. Вы сделали непростительную ошибку, Дэвит. И исправить ее невозможно — если с этой женщиной что-нибудь случится, вы подпишете свой смертный приговор. До скорого.

Сам того не подозревая, инспектор Бойланд этим последним замечанием насчет дамы с Сент-Аннис Роуд спас жизнь Сэму Блуму, в котором Питер уже начал подозревать возможного Иуду.

Естественно, несмотря на то, что обыск велся без всякого снисхождения, полиция не обнаружила в «Гавайской пальме» даже намека на наркотики. В течение трех месяцев за кабре велось пристальное наблюдение, а потом, поскольку Ярд не располагал лишними людьми и не мог позволить себе до бесконечности тянуть дело, в котором не виделось ни малейшего просвета; хочешь не хочешь пришлось ослабить хватку. Четыре месяца спустя стало очевидно, что Дункан и Дэвит, сознавая нависшую над ними опасность, либо ограничиваются доходами с кабре, либо — куда хитрее тех, на ком лежала обязанность поймать их за руку. И это последнее предположение было ближе к истине, поскольку наркотики продолжали циркулировать по Сохо с прежней интенсивностью. Наконец пришел день, когда суперинтендант Бойланд вызвал к себе в кабинет инспекторов Блисса и Мартина.

— К сожалению, придется оставить Дункана и Дэвита в покое, — сообщил он. — Я получил приказ.

Блисс, отличавшийся бурным темпераментом, взорвался:

— Значит, эти сволочи выйдут сухими из воды?

Суперинтендант пожал плечами.

— Там, наверху, решили, что мы напрасно теряем время.

— Если бы не жена и малыши, я бы подал в отставку! — в ярости прорычал Блисс.

— Ну, Блисс, не надо так переживать. Мы должны подчиниться. Я знаю, это не всегда весело, а порой кажется и вовсе несправедливо, но приказы есть приказы, и, поступая сюда на работу, мы обязались их выполнять. Раз там считают, что мы зря тратим время, следя за Дунканом и Дэвитом...

Даже миролюбивый Мартин и тот не выдержал:

— Значит, Поллард погиб просто так...

Бойланд не ответил — сказать ему было нечего.

ГЛАВА II

С

ИДЯ в машине у вокзала Сент-Панкрас, водитель такси Джон Эрмитедж кипел от негодования. Ну почему он должен торчать на стоянке, под надзором агентов компании как

раз сейчас, когда его жена Мэдж вот-вот произведет на свет четвертого ребенка, а он, Джон, с ума сходит от волнения! Трое предыдущих родов прошли самым благополучным образом, и на сей раз тоже ничто не предвещало каких-либо осложнений. Во всяком случае, таково было мнение врача. Но Джон отличался крайней нервозностью и к тому же любил Мэдж. Воображение пессимиста рисовало будущее, каким оно станет, если Мэдж... От такой перспективы холодный пот заструился по позвоночнику Джона, но он ничего не мог с собой поделать (натура сильнее!), и избавиться от ожидания предполагаемой катастрофы не удавалось. В больнице знающие люди считали, что новый маленький (или же маленькая) Эрмитедж никак не окажется в нашей юдоли скорби раньше полуночи, а то и рассвета. Пробило семь часов. Джон на мгновение востропнул, но тут же снова погрузился в черную меланхолию. Ему казалось, что эта кошмарная агония никогда не кончится. Джон подумал было, не оставить ли на мигнутку машину и сбежать в соседний бар, позвонить в роддом, но с трех часов его уже дважды сурово отчитали, и он не рещался снова беспокоить перегруженных работой людей.

В это время у выхода с платформы началась кутерьма, и Джон сказал себе, что, должно быть, прибыл поезд из Шотландии. Вскоре появились первые путешественники, и Эрмитедж сразу же обратил внимание на одетого в юбочку колосса. Тот ошарашенно озирался, держа в руках два невероятных размеров чемодана. Таксист решил, что их наверняка делали по заказу. Забыв на мгновение о Мэдж, Джон забавлялся, наблюдая за шотландцем, который, видимо, пребывал в полной растерянности. Таксист подумал, что, хотя природа на редкость щедро одарила молодого горца, он будет легкой добычей для любого отребья, живущего за счет наивности тех, кто приезжает в Лондон впервые. Другой водитель, Уильям Уолнот, крикнул Джону:

— Ой, Джон, глянь-ка, какого паренька мамаша выпустила прогуляться! Его явно ждут неприятные встречи!

Как будто нарочно, чтобы подтвердить слова шофера, двое из тех подонков, что таскаются по вокзалам в надежде стянуть чемодан, подошли к молодому гиганту с обеих сторон, и, взявшись за ручки его чемоданов, вступили в беседу, очевидно, убеждая путешественника предоставить им заботу о багаже. Эрмитеджу стало гнусно.

— Оставим их в покое, Уильям, или вмешаемся?

Вместо ответа тот указал ему пальцем на полисмена, который, пристроившись за колонной, готовился взяться за дело. Однако в этом не возникло необходимости, потому что шотландец вдруг рассердился. Звук его ругательства достиг стоянки такси, и почти одновременно оба ловца легкой наживы, совершив головокружительный полет, рухнули в двух-трех метрах от предполагаемой жертвы. По молодости лет грабители поддались самолюбию и единодушно кинулись на горца. Полисмен вы-

скочил из-за колонны, но, как ни быстро он бежал, все-таки явился слишком поздно. Более крупный из нападавших, получив прямой удар правой, валялся без сознания, а тот, что помельче, подхваченный за талию, уже летел к своему приятелю, не способному пошевелиться. Полисмен не смог сдержать восхищения:

— Вот это работа, сэр!

Колосс пожал плечами.

— У нас, в Томинтуле, таких маленьких не бывает.

— Не хотите ли подать жалобу, сэр?— осведомился констебль, краем глаза наблюдая за распростертыми воршиками.

Шотландец выразил крайнее изумление.

— Мне? Подавать жалобу? На кого?

— Вот на этих двоих.

Человек в юбочке от души расхохотался.

— Представьте себе, если в Томинтуле узнают, что я подал жалобу на этих двух моллюсков! Да надо мной будут издеваться до конца моих дней! До самого Инвернесса не дадут проходу. Нет уж, это скорее им следует на меня жаловаться! Будь мы в Томинтуле, старина, я предложил бы вам выпить стаканчик хорошего виски у моего приятеля Ангуса. Но мы не в Томинтуле, так ведь?

— Нет, сэр, мы не в Томинтуле.

И со вздохом сожаления, выразившим всю тоску лондонца, вынужденного довольствоваться пятью квадратными метрами стриженной травы перед дверью дома, которые олицетворяют все его мечты о жизни на природе, полисмен принялся поднимать обоих жуликов, получивших такую потрясающую взбучку.

Как всякий уважающий себя британец, Эрмитедж любил спорт. Он сейчас не думал о своей Мэдж— в такой восторг привела его манера шотландца избавляться от чужой навязчивости.

— Что ты об этом думаешь, Уильям?

— Прекрасный был бы нападающий для «розы»*!

— Да, только это «репейник»**.

— Обидно... Внимание, Джон, он направляется к нам. Если он выберет тебя, мой мальчик, советую не передергивать со счетчиком, этот парень способен превратить твою тачку в грудку металлолома да еще заставить проглотить по кусочку.

Немного поколебавшись, шотландец направился к машине Эрмитеджа.

— Привет! Вы знаете, где Сохо?

Джон был готов к чему угодно, только не к такому вопросу. На мгновение он просто потерял дар речи. Ну, как если бы у него спросили, кто сейчас носит корону Англии. Сперва Эрмитедж было подумал, что парень издевается над ним, и бросил на него довольно мрачный взгляд— нельзя же все-таки допустить, чтобы какой-то несчастный горец насмехался над чистокровным кокни! Но тут же он сообразил, что вопрос задан на полном серьезе, и чуть иронически улыбнулся:

— Более-менее, а что?

— Мне говорили, там можно повеселить-

* Эмблема команды регби Англии.— Прим. авт.
** Эмблема команды регби Шотландии.— Прим. авт.

ся. Это мой друг, Гугус Мак-Гован... Он был в Лондоне лет десять назад.

— Слушайте, сэр, вы садитесь или нет? Мой счетчик не работает, пока я болтаю, так ведь? А мне надо зарабатывать деньги. Вы хотите ехать в Сохо? Согласен, едем в Сохо. Годится?

— Годится.

— Тогда давайте чемоданы.

— Предпочитаю держать их при себе.

— Не очень-то вы доверчивы, а? Устраивайтесь и едем.

— Скажите сначала, сколько это будет стоить.

— Что?

— Доехать до Сохо.

— Понятия не имею. Посмотрите на счетчике. Там указывается цена.

Колосса это, кажется, не слишком убедило.

— А она действительно работает, эта штуковина?

— С чего бы это ей не работать?

— Не знаю, но я бы предпочел сначала обсудить цену. Так всегда делают у нас в Томинтуле.

Джон не отличался особым терпением.

— Но мы же не в Томинтуле, черт возьми! Мы в Лондоне, а в Лондоне такси работают по счетчику. Понятно?

— Так вот, по правде говоря, мне это не нравится!

— Тогда вам остается только отправиться в Сохо пешком!

— Почему у вас такой скверный характер? Вы здесь все такие?

Эрмitedж готов был от ярости проглотить руль, но больше всего его злило то, что его коллега Уолнот буквально помирал со смеху.

— Так едем мы или нет?

— Ладно, едем. И чего вы так торопитесь? У нас в Томинтуле...

— Хватит говорить об этой дыре, сэр! Я не знаю Томинтула, и плевать я хотел на Томинтул, дьявол его раздерет!

Зажатый двумя чемоданами, как ветчина между двумя кусками хлеба, шотландец мог не опасаться тряски на ухабах. Удобно расположившись на сиденье, он пробормотал:

— Честное слово, не понимаю, что вы можете иметь против Томинтула...

Эрмitedж так рванул с места, что машина чуть не прыгнула вперед. Но это вызвало только насмешливое замечание Уильяма Уолнота:

— Джон, мой мальчик, уж не собираешься ли ты принять участие в Большом кроссе Ливерпуля на этой консервной банке?

Эрмitedж счел за благо не отвечать — он терпеть не мог площадной ругани, а ответить вежливо был не в состоянии. По-немногу его нервы стали приходить в норму, и он признал, что был не прав, разозлившись из-за пустяка, и тут же почувствовал угрызения совести: зря он так скверно принял этого симпатичного парня. В виде извинения шофер вежливо осведомился:

— Все в порядке, сэр?

— Угу. Скажите-ка, старина, ведь это davveroльски большой город, да?

В наивности горца было что-то трогательное.

— Очень большой город, сэр...

И вдруг Джон представил себе, что Мэдж затерялась в этом огромном городе с его тысячами и тысячами жителей, число которых собиралась увеличить по крайней мере на одного! И снова на него накатила тревога и захотелось хоть с кем-нибудь поделиться, успокоить взбудораженные нервы.

— Не стоит сердиться на меня, сэр, если я сегодня несколько резковат, сэр, но... дело в том, что я жду ребенка. То есть я, разумеется, хочу сказать, моя жена...

— Поздравляю, старина!

— Спасибо... Но это очень тяжелый момент.

— Правда?

— У вас нет детей, сэр?

— Ни жены, ни детей.

— В некотором смысле это хорошо. Я имею в виду заботы. Но, с другой стороны, это немного грустно, разве нет?

— Мне никогда не бывает грустно, старина.

— Кроме шуток? И как вам это удается?

— Когда я чувствую, что мне вот-вот станет тоскливо, я просто накачиваюсь и засыпаю. А проснувшись, снова оказываюсь в прекрасном настроении. Вы хотите мальчика или девочку, старина?

— Мальчика, у нас уже три дочери.

— Ну что ж, успокойтесь, у вас и будет мальчик!

— Почему вы так думаете?

— У нас в Томинтуле кто угодно скажет, что только Малькольм Мак-Намара, осматривая беременную овцу, может определить, какого пола будет приплод.

Эрмitedж не ответил, поскольку не был уверен, не оскорбляет ли этот тип достоинство Мэдж, сравнивая ее с беременной овцой. Поэтому он только вздохнул.

— Да услышит вас небо, сэр!

— Не волнуйтесь, старина, сейчас мы это устроим!

Джон плохо понял смысл этого заявления. Понимание пришло через несколько минут, когда, выехав на Нью Оксфорд-стрит, Эрмitedж едва не попал в первую серьезную аварию за всю свою шоферскую жизнь. Он вел машину, внимательно следя за движением, очень оживленным в это время — кончился рабочий день. И вдруг у него за спиной, в нескольких сантиметрах от уха раздались мощные гнусавые звуки волынки, играющей «Бэк о'Бэнахи». От неожиданности, смешанной с испугом, не понимая, в чем дело, Джон выпустил руль. По счастью, ему удалось спохватиться, прежде чем машина врезалась в автобус, водитель которого свирело выругался. Такси вильнуло вправо, едва не задавив мотоциклиста, потом быстро дернулось влево и проскочило на волосок от грузовика. Эти странные курбеты сопровождались воем, скрипом тормозов, отчаянной руганью, и Эрмitedж, чье лицо заливал пот, а глаза выдавали состояние, близкое к помешательству, был почти благодарен полисмену, когда тот, явно не в восторге от всего этого содома, издал резкий свисток, требуя, чтобы таксист остановился.

Все это время шотландец с полной невозмутимостью продолжал дуть в свою волюнку, причем виртуозные маневры шофера нисколько не потревожили его вдохновения.

Полисмен подошел. Вид у него был не слишком любезный.

— Ну? В чем дело? Пьяны вы, что ли?

Джон через правое плечо указал большим пальцем на своего клиента. Обращаясь к энтузиасту игры на волюнке, констебль вынужден был пустить в ход всю мощь своих легких:

— Не могли бы вы прекратить это?

Мак-Намара остановился и с изумлением спросил:

— Вам не нравится, как я играю? Однако у нас в Томинтуле...

Эрмitedж всхлипнул.

— Я больше не могу, — пробормотал несчастный таксист, — пусть он выйдет!.. Заставьте его выйти, умоляю вас, заставьте его выйти!

Полисмен, совершенно не понимая, что происходит, начал нервничать.

— В конце концов, соберитесь вы рассказать мне, в чем дело, или нет?

Голосом, скорее напоминавшим хрип, Эрмitedж объяснил, что мирно вел машину, как вдруг у него над ухом грянула эта дикая музыка, и в шоке он чуть не врезался в автобус.

Констебль бросил на Джона подозрительный взгляд.

— Что, рефлексы слабеют? Надо будет проверить вас, мой мальчик... Ну, а вы, сэр, могу ли я узнать, почему вам вздумалось играть на волюнке в такси?

— В честь его будущего ребенка!

Джону повезло. Случайно оказалось, что полисмен только что стал отцом и чувствовал себя в ореоле этой новой славы. Узнав, что Мэдж вот-вот должна родить, он ощутил прилив братских чувств к шоферу.

— Согласен, это тяжелый для вас момент. Надо взять себя в руки, мой мальчик... А вы, сэр, подождите, пока вернетесь в свои края, и там продолжите этот концерт. Так всем будет гораздо лучше.

Эрмitedж теперь хотел только одного: как можно скорее высадить пассажира в первом попавшемся отеле и смыться. Он спустился по Черринг-Кросс, проскользнул на Олд Комптон-стрит и остановился у гостиницы «Каштан».

— Ну вот, — повернулся он к шотландцу. — Можете выходить, вы в Сохо. Но... где же ваш инструмент, то есть я имею в виду волюнку?

— В чемодане, старина.

Теперь Эрмitedж понял, почему багаж его пассажира выглядит так внушительно, и сказал себе, что если все обитатели Томинтула похожи на этого, то жизнь там, должно быть, полна неожиданностей. Шотландец, стоя на тротуаре, спокойно изучал фасад отеля.

— Решитесь ли вы наконец или так и будете стоять до завтра?

— Подождите меня, старина, я должен посмотреть, что делается там внутри. — И

он решительным шагом направился в гостиницу. При виде улыбающегося гиганта портье подскочил.

— У вас есть комната?

— Вы... вы уверены, что вам достаточно одной?

— Не улавливаю.

— Простите, сэр. Да, у нас есть одна свободная комната с туалетом. Стоит — фунт и десять шиллингов в день. Естественно, в счет входит и завтрак.

— Вы всерьез сказали, что я должен платить фунт и десять шиллингов за ночевку и завтрак?

— Именно так, сэр.

— Боже милостивый! В Томинтуле на фунт и десять шиллингов можно прожить неделю.

— Везет тамошним жителям! Но мы-то в Лондоне, сэр.

Не отвечая, Мак-Намара повернулся и направился к такси.

— Скажите, старина, — обратился он к Эрмitedжу, — вы что, принимаете меня за миллиардера? Фунт и десять! Видно, в Лондоне легко зарабатывают денежки!

— Только не я! — простонал шофер.

Они снова пустились в путь, и на Лексингтон-стрит Джон решил, что в «Элмвуд-отеле», судя по его довольно обшарпанному виду, цены могут оказаться более приемлемыми для его пассажира. Здесь потребовали фунт и два шиллинга за комнату и завтрак. Шотландец не стал вступать в споры и вернулся к такси. Джон начал уже всерьез верить, что никогда не избавится от неудобного клиента. Рассердившись не на шутку, он рванул с места, вспомнив о жалкой гостинице на Варвик-стрит, носившей гордое название «Нью Фэшнэбл». Если она и была новой, как того требовала логика вещей, то это относилось к столь отдаленным временам, о которых никто из жителей квартала даже и не помнил. Испещренный дырами ковер прикрывал пол крошечного холла, где похожий на слизняка человек, примостившись за конторкой, по-видимому, поджидал не слишком взыскательной добычи. Не ожидая решения шотландца, Эрмitedж схватил чемоданы и чуть не волоком понес их к гостинице.

— Надеюсь, это вам подойдет, — сказал он пассажиру, — потому что во всем Лондоне вы не найдете ничего дешевле.

После этого Джон вернулся в машину. Узнав, что может получить комнату за 18 шиллингов, Мак-Намара заявил, что это его устраивает, и добавил с тонкой улыбкой:

— Те, другие, хотели меня облапошить, но надо очень рано встать, чтоб обскакать парня из Томинтула.

Хозяин, недоверчиво глядя на гостя, уточнил:

— Это место находится в Великобритании?

— В Шотландии, старина, в графстве Банф.

— И чем там занимаются?

— Разводят овец, старина. У меня их почти восемь сотен. Второе стадо после Кейта Мак-Интоша.

Джон Эрмитедж прервал эти объяснения, бросив с порога:

— Вы расплатитесь со мной, чтобы я мог уехать?

Шотландец рассмеялся.

— И еще говорят, будто это мы любим деньги! Я вижу, в Лондоне то же самое, а?

Таксист предпочел не отвечать. Мак-Намара вышел за ним на обочину.

— Сколько с меня?

— Фунт и восемь.

— Что?

— Фунт и восемь шиллингов. Это на счетчике.

— Послушайте, старина, я дам фунт. Согласны?

Эрмитедж прикрыл глаза, вверяя себя святому Георгию и моля избавить его от апоплексического удара.

— Сэр, я обязан взять с вас сумму, указанную на счетчике, иначе мне самому придется доплачивать разницу.

— И вы, естественно, этого не хотите?

Джон мучительно стиснул зубы, чтобы не выругаться.

— Вы угадали, сэр, я этого не хочу.

— А ведь, получив фунт, вы еще выгадаете, по-моему!

Сэм Блум, хозяин «Нью Фэшнэбл», не жалея упустить такое зрелище, выбрался из-за конторки. Он появился на улице как раз вовремя: шофер бросил на тротуар свою фуражку и принял бешено ее топтать. Он проделывал это до тех пор, пока не вернул себе хладнокровие, после чего снова покрыл голову и заявил:

— Я не служил в армии. Меня освободили из-за не шибко крепкого сердца. Мне бы не хотелось умереть, не повидав новорожденного младенца и не дав ему отеческого благословения. Вы меня поняли, сэр? Тогда расплатитесь, и я уеду.

— Ну, раз вы зываете к моим чувствам...

Мак-Намара вытащил громадный черный кошелек с медной застежкой и дважды пересчитал деньги, прежде чем отдать требуемую сумму Эрмитеджу.

— И все-таки это чертовски дорого... Вот, старина, и поцелуй от меня бэби.

— Прошу прощения, сэр, а чаевые?

— Вы считаете, что фунта и восьми шиллингов мало?

— Это деньги для хозяина. А мне?

Вокруг начала собираться толпа.

— В Томинтуле никто никогда не требует чаевых.

Несмотря на все усилия взять себя в руки, Джон все-таки не смог не взорваться:

— Черт возьми! Плевать на Томинтул! Мы не в Томинтуле! Мы в Лондоне! А Лондон — столица Соединенного королевства! Сечете? И в Лондоне водителям платят чаевые!

Какой-то служитель культа вел долгом вмешаться в это дело и обратился к Эрмитеджу:

— Дитя мое, ругаться так, как вы себе только что позволили, постыдно. Подумайте, какой дурной пример вы подаете.

Но Джон был совсем не в настроении внимать гласу добродетели.

— Шли бы вы, пастор...

И добавил непечатное ругательство.

— Бандит! Безбожник! Атеист!

— Слушайте, вы, часом, не хотите схлопотать по носу?

— Попробуйте только тронуть меня — живо попадете в суд!

Какой-то дарбист*, оказавшийся свидетелем перепалки, решил, что пора возвать ко Всевышнему:

— Настало время пришествия Христа, дабы он водворил порядок в этом безумном мире! И Он грядет, братья! Он здесь! И приход Его будет гибелью вашей церкви-самозванки! Так возвестил Джон Дарби!

Теперь вся ярость служителя церкви обрушилась на сектанта:

— Ах вы, еретик несчастный! И вы еще осмеливаетесь выступать публично?!

— Нет, это вы блуждаете во тьме, а все потому, что отделились от Господа!

— Так как же мои чаевые? — снова вступил Эрмитедж.

Но в бой уже ринулась уличная торговка, сторонница унитаристской доктрины**:

— Посмотрите, до чего доводят дикие выдумки о Боге в трех лицах! Бог един, Бог единствен, и десница Его повергнет вас во прах!

Священник и дарбист немедленно объединились против унитаристики:

— Прочь отсюда, безумица! Ад плачет по твоей грешной душе!

Сэм Блум вместе с новым постояльцем вернулись в гостиницу. Что касается Эрмитеджа, то он никак не мог понять, каким образом его законное требование вызвало столь бурную теологическую дискуссию. Тут к нему подошла женщина из Армии Спасения.

— Брат мой, подумайте о тех, кто страдает от голода и холода. Подать страждущему — значит открыть сердце Всевышнему!

Не думая о том, что делает, Джон протянул два шиллинга, и женщина, поблагодарив, исчезла. Появление полисмена утихомирило метафизическую бурю. Толпа рассеялась. Только Джон остался стоять на тротуаре, тупо глядя на собственную ладонь, в которой теперь было всего фунт и шесть шиллингов... Его заиклившийся мозг тщетно пытался сообразить, почему же все-таки он не только не получил чаевых, но еще остался в убытке.

Малкольм Мак-Намара поведал Сэму Блumu обо всех своих приключениях, с тех пор как высадился на вокзале Сент-Панкрас. Сначала два грабителя, потом полусумасшедший таксист, который чуть было не устроил аварию только из-за того, что в честь его будущего ребенка сыграли на вольтке «Бэк о'Бэнахи».

* Секта, верующая в скорое возвращение Христа. — Прим. авт.

** Секта, отрицающая догмат о триединстве Бога. — Прим. авт.

— Так вы что, таскаете с собой волюнку?

— Всегда! В Томинтуле говорят: «Малькольму без своей волюнки — все равно что безногий без протеза, ничего не стоит».

— И где же она у вас?

— В чемодане.

— В че...

В доказательство Мак-Намара открыл один из своих гигантских чемоданов и торжественно извлек оттуда волюнку, а заодно и бутылку виски.

— Не выпить ли нам, старина, за знакомство?

— Охотно, да вот стакана нет под рукой.

— Чепуха! Делай, как я.

С этими словами шотландец поднес к губам горлышко бутылки и, к величайшему восторгу Сэма, одним глотком опустошил ее на треть.

— А потом этот злосчастный псих отвез меня в «Каштан», где имели наглость потребовать за ночлег фунт и десять шиллингов. В этом притоне меня явно приняли за дурака-провинциала. Потом таксист пытался подсунуть мне «Элмвуд» — там дерут фунт и два шиллинга. Я им даже ничего не ответил, этим ворюгам. О Господи!

Сэм, размышлявший в этот момент, действительно ли его новый клиент полный идиот или только притворяется, подпрыгнул от неожиданности:

— Что такое?

— Самая прекрасная женщина, какую я когда-либо видел в жизни! В Томинтуле ни одной такой нет!

Блум обернулся и увидел, что по лестнице спускается Люси Шеррат, которая, несмотря на свои сорок пять лет, считалась одной из самых отважных среди дам, прогуливающихся вечерами по тротуарам Сохо.

— Вот как? Ну, значит, вы там не избалованы по части прекрасного пола.

Люси подошла к конторке.

— Привет! Сэм, не забудь напомнить Эдмунду, что в моей комнате подтекает кран. От этого постоянного шума можно рехнуться, а я, как ты знаешь, нуждаюсь в отдыхе. Так я могу на тебя рассчитывать, Сэм?

Прежде чем хозяин гостиницы успел ответить, шотландец воскликнул:

— В честь самой прекрасной девушки в Сохо!

И тут же заиграл на волюнке «Полевые цветы».

Люси, вытаращив глаза, поглядела на Мак-Намару и тихо спросила Сэма:

— Кто этот тип?

— Поклонник, моя дорогая! — И обратился к шотландцу: — Эй, дружище, вы не могли бы на минутку перестать?

Малькольм согласился прервать поток излияний волюнки только для того, чтобы сообщить о принятом решении:

— Буду следовать за этой дамой на расстоянии пяти шагов, играя «Эйтсом рил»! Мы всегда так поступаем в Томинтуле, если девушка нравится и хочешь познакомиться поближе.

Заставить его отказаться от этого плана

34
стоило невероятных усилий. Пришлось объяснять, что подобный шум может сильно повредить работе мисс Шеррат. Потом, повинуясь повелительному жесту Сэма, Люси исчезла. Впрочем, сделала она это не без сожалений — бедняга уже так давно ни у одного мужчины не вызвала восхищения! В сорок пять лет ей хотелось вкусить спокойной жизни, а этот шотландец — такой видный мужчина! Да вот беда: есть мечты, в которые убеждаешь себя, будто веришь, чтобы хоть как-то утешиться, но все-таки до конца поверить не можешь. Для Люси, как и для многих других ее товарок, было уже слишком поздно. Зато совершенно незнакомый красивый парень сыграл в ее честь «Полевые цветы», и она никому об этом не расскажет. Это будет ее тайной.

Шотландец все больше и больше интересовал Сэма. Сам не зная почему, он чувствовал, что тот может принести ему весьма ощутимые барыши. Уже не послал ли Сэму сего уроженца гор его ангел-хранитель? Похоже, Блум считал своего небесного покровителя таким же мошенником, каким был сам.

— Так, значит, сэр, у вас восемьсот овец?

— По меньшей мере.

— Надо думать, к концу года это принесит солидный доходец, а?

— Не жалуюсь.

— И вы приехали в Лондон повеселиться?

— Не совсем. Первым делом мне надо кой-чего прикупить... Я ведь казначей нашего Сообщества... Так вот, говорят, австралийцы придумали какие-то сногсшибательные машинки для стрижки овец. Ну, и наш председатель Грегор Фрезер сказал: «Только Малькольму Мак-Намаре из Томинтула можно доверить такую кучу денег, не дрожа со страху, что их украдут».

— Кучу денег?

— Пять тысяч фунтов, старина. У вас, в Лондоне, это не считается кучей денег?

— Еще бы! Конечно, считается! И вы, разумеется, сдали их в ближайший банк?

— Ну нет, у нас, в Томинтуле, не очень доверяют всем этим банкам. У вас забирают деньги, а взамен дают какую-то бумажку. По-моему, это ненормально. Я предпочитаю, чтобы деньги лежали у меня в кармане, и отдаю их только в обмен на товар.

У Блума пересохло в горле.

— Вы... вы хотите сказать... что... что эти деньги у вас с собой?

— Ну да, в моем зеленом чемодане.

За свою долгую жизнь жулика Сэм повидал немало простофилов, но такой ему попался впервые. И Блум не мог поверить, что такая наивность вообще возможна.

— Но... не кажется ли вам, что это несколько... неосторожно?

Малькольм пожал широченными плечами.

— Тот, кому взбретет в голову меня ограбить, может заранее заказать место в больнице или на кладбище. На вид я добрый малый и в глубине души, согласен, так оно и есть, но не всегда, понятно?

Так... А что если я сейчас отправлюсь в свою комнату? Надо же привести себя в порядок с дороги!

— Конечно.

Сэм позвонил, и появился Эдмунд.

— Приготовь номер семнадцатый для мистера Мак-Намара.

При виде двух огромных чемоданов слуга открыл рот от изумления и тихо спросил:

— Такелажник я, что ли?

Шотландец сам взял чемоданы и сказал слуге:

— Покажи мне дорогу, старина.

Не успел Мак-Намара подняться на несколько ступенек, как Блум окликнул его:

— Мистер Мак-Намара!

Колосс обернулся.

— Я хочу сказать вам, как я счастлив, что вы выбрали именно мою гостиницу. Вы мне очень нравитесь!

Как только Сэм увидел, что слуга спускается с лестницы, он буквально набросился на телефон.

— Алло! Том? Это Сэм... Позовите Дункана. Это очень срочно. Мистер Дункан? Это я, Сэм... Послушайте, здесь у меня поселился потрясающий феномен. Явился из Томинтула, это какая-то дыра в Шотландии. И имейте в виду, прогуливается с пятью тысячами фунтов в кармане, просто потому что не доверяет банкам. Навероятно, да? Собирается купить машинки для стрижки овец на весь свой кооператив, он там у них казначей... Как он сюда попал?.. Очень забавно. Объехал несколько гостиниц, но счел их слишком дорогими. Слышали бы вы его перебранку с таксистом! И парню удалось-таки не дать на чай! Нет, Джек, это не тот тип, с которым можно сцепиться один на один, разве что у тебя в каждой руке по пистолету да еще в зубах тесак. Представляете, что я имею в виду? Но, Джек, ведь пять тысяч фунтов. Двадцать пять процентов за комиссию, согласны? Проще всего отправить сюда Патрицию, она его в одну секунду обработает. Ну да, этот парень

совсем младенец! Клянусь вам! Слушайте, Джек, вы помните старуху Люси Шеррат, да? Ну так вот, он счел ее самой красивой женщиной на свете! И собирался идти за ней по всему Сохо, играя на волынке, потому что, видите ли, у них в Томинтуле принято так ухаживать за девушкой. Так что, когда он увидит Патрицию... Согласен, Джек, я думаю, что это будет удачный денек, но, самое главное, выберите ребят покрепче, и, пожалуй, нужно не меньше троих.

Когда шотландец спустился в холл, Патриция еще не пришла. Блуму надо было как-то задержать гостя.

— Мистер Мак-Намара, я надеюсь, вы, по крайней мере, не оставили деньги наверху?

— А что? У вас есть воры?

— Не думаю. Но не могу же я ручаться за всех. К тому же, искушение...

— Но ведь кроме вас, старина, никто не знает, что у меня в чемодане пять тысяч фунтов!

— И все-таки мне было бы спокойнее... Малькольм дружески хлопнул его по плечу.

— Не беспокойтесь. Я совсем не дурак и деньги свои ношу при себе. Не люблю с ними расставаться. Вот самый лучший сейф! — И он постучал в могучую грудь.

Как раз в этот момент вошла Патриция.

— Добрый день, дядюшка! — улыбнулась она Сэму. — Я проходила мимо этой паршивой улочки и решила взглянуть, жив ли ты еще.

Будь Малькольм понаблюдательнее, он бы заметил, что поцелует дяди и племянницы явно не хватает сердечности и он скорее напоминает ритуальное соприкосновение официальных лиц при вручении какой-нибудь награды, чем свидетельствует о нежных родственных чувствах. Но шотландец был абсолютно не в состоянии что-либо замечать. Он смотрел на молодую женщину, открыв рот и вытаращив глаза. Блум следил за ним краем глаза и с удовлетворением констатировал, что ловушка сработала на совесть.

— Мистер Мак-Намара, позвольте мне представить вам мою племянницу, Патрицию Поттер.

Продолжение на с. 68

НЕ НА ВСЯКОГО МУДРЕЦА...

ФЕЛЬЕТОН

НЕТ ХУДА без добра—воишину так. Кроме шуток, сколько служу, столько и проповедую эту мудрость народную. Под жизнь ее подвел, как фундамент. Встаю утром и первым делом рассыпаюсь мысленно в пирамидах тем, кто службу нашу воинскую в русло истинное приказами и рекомендациями направляет, воздаю должное вышестоящим за разумение особенное, рядовому уму непостижимое.

А где тут постичь, ну, вот хотя бы такое: испокон веков и до 1969 года для тех, кто служил в Коми АССР, предоставлялись определенные льготы, а затем — то ли по недомыслию, то ли по оплошности канцелярской — какой-то умник климатические условия Коми АССР почти к курортным причислил. Подписи и печати на листе бумаги хватило, чтобы социально-климатические катаклизмы произвести. И это замечательно. Зато теперь, через двадцать лет, опять можно месяц за полтора засчитывать. Не через сорок, заметьте, не через восемьдесят. И не обращайтесь внимания на этих себе в ущерб правдолюбцев ехидных, что ропщут нещадно: мол, жалко до слез двух десятилетний службы ратной. Пусть плачутся, пусть брюзжат, неблагодарные. Я доволен.

Я счастлив, что до сих пор не сократили срок носки шинели в Сочи вдвое, увеличив его соответственно во столько же раз у нас, на Севере. В порядке компенсации. Что из того, что они почти не носят ее, а мы практически не снимаем?! Только перед сном. И то не каждую ночь.

Я не ворчу, как иные войсковые доброты: почему это «от Москвы до самых до окраин» не имеющий никакого отношения к службе «человек проходит как хозяин» в полушубке армейского образца, тогда как мы «на Севере диком» стойко переносим тяготы и лишения во всепогодной шинели? Стыдно, товарищ, выть. Не

по-мужски это. В то время, как вся страна тщетно пытается отыскать реальные следы конверсии—миллионы будто в воду канули (а это чем не результат?), — мы тратим силы и время, вычисляя, сколько снабженцев погрело руки на «увольнении в запас» полушубков, пошитых для войсковых нужд. Какая меркантильность!

Живи и радуйся, другим жить не мешай. Так нет же, мало им. И вот уже злопыхатели из Вуктыльского района Коми АССР, который от соседнего Печорского разве только названием географическим отличается, сетуют, что солдат кормят хуже, чем у соседей, хотя все они — однополчане и северяне. Самое неприятное, что и офицеры туда же: почему, дескать, в Печорском продпайки дают, а у нас, в Вуктыльском, — шиш с маслом? Причем, масло гораздо реже.

Глупости все это: от добра добра не ищут. Их зависть черная ничем хорошим не обернется, помяните мое слово. Ну, добьются они своего, снимут пайки с печорцев, разве вуктыльцам от этого сытнее покажется? Ведь это же естественный, базовый закон (а мы на страже закона) — количество всего хорошего, как и плохого — величина постоянная, на долгие годы лимитированная. Потому-то офицерам и солдатам даже одной части не может жить в равной степени хорошо. Тут уже слепой жребий (и он брошен) — лишь бы общее количество добра и зла совпадало с искомой цифрой, а кому что перепадет — дело десятое.

Нытики несчастные, все им не по нутру, возню затеяли, почему это солдат, срочную отслуживших, домой, можно сказать, на край света в общих жестких вагонах отправили, коли Министром внутренних дел СССР однозначно велено: больше суток пути — подавай плацкартные. И кто это, интересуются скандалисты, в войсках

посмел-де приказ Министра отменить? Ну при чем здесь приказ, скажите на милость, если расчет построен на элементарной психологии: после нашей пресловутой «близости к людям» и «командирской чуткости» солдату уже безразлично, на чем домой ехать—лишь бы ехать. Есть общий вагон—прекрасно, товарняк—и ему рад, цистерновоз—тоже сгодится, дрезина—быть посему: поехали. Не горевать надобно, что без должного комфорта уволенных в запас отправили, а ликовать, что этим в верхах вообще озаботились—приказ подготвили, сердечные.

Кстати, о приказах. Я заметил, что больше всего ропота и лепета вопреки утверждениям, что приказы не обсуждаются, в кулуарах вызывают именно они плюс указания и распоряжения. А почему, знаете? Я знаю—думать разучились, мыслить, творить, в конце концов. Все им разжуй и в рот положи—тогда проглотят. К примеру, на днях получаем очередное ЦУ: «Сообщить, сколько прапорщиков и сверхсрочнослужащих будет уволено в 1990—1991 годах за проступки, дискредитирующие звание военнослужащего, и по служебному несоответствию». Проще пареной репы заданье: возьми усредненный показатель за одиннадцать пятилеток, помножь на коэффициент «спотолковой статистики» и смело докладывай—столько-то человек напьется до поросячьего визга, столько-то вступит в запрещенные связи с осужденными, столько-то—службу завалит... Нет проблем, стоит только мозгами пораскинуть, у кого есть, конечно. На выходе—обыкновенный научный прогноз, каких тысячи. Сбудется—ценный подарок электробритва «Харьков», не сбудется—завалится.

СЧИТАЮ также, если дежурный по УВВ спрашивает, как, допустим, недавно, после побега осужденного: «Какой рисунок протектора на подошве сапог преступника?» и «Какая маркировка на консервных банках, лежащих в мешке бежавшего?», нужно тут же бросать все силы на поиски ответов. И найти протектор даже в том случае, если осужденный босым ушел, но ни в коем случае не возмущаться, не кочевряжиться. Сдержаннее быть, терпимее друг к другу. Могли же и напрямую спросить: «Где преступник?» Не спрашивают, потому что с пониманием люди, с опытом. И сами вроде при деле, маркировку банок определяя, сорянность жести, из которой они изготовлены, и мы баклуши не бьем, поставляя

сведения. Пусть с потолка, но с каким усердием и размахом. Чем хуже?

Но, призывая к терпимости, иногда и сам не сдерживаюсь. Буквально вчера офицер один допек-таки. А делов-то: из обычной больницы осужденный удрал. Естественно, вскоре приказ пришел: во всех гражданских лечебных учреждениях оборудовать решетки, запоры, глазками и еще черт-те чем палаты для размещения осужденных. Очень правильное решение, я двумя руками «за». А этот грамотей рассуждать взялся: мол, даже главврач психбольницы не настолько свихнулся, чтобы на такую крайнюю меру пойти. И стоит, понимаете, разглагольствует, единоначалие подрывает: и Минздрав, видите ли, не дал аналогичного указания, и дефицит койко-мест обострился до невероятности, и осужденные—редкие гости в гражданских лечебницах... Бред, честное слово. Я ему так и рубанул плеча: несмышленный ты, хотя и до седых волос дослужился. Другой бы на твоём месте, говорю, на радостях чечетку отбивал, что не велено к утру всю больницу по полной схеме инженерно-техническими средствами охраны оборудовать. А запросто могли приказать, скажете, нет? Не такое приказывали в свое время. Кто не помнит генеральной задачи одного из министров наших: исключить побеги из-под охраны! Напрочь. Ни больше ни меньше. 31 декабря лечь, 1 января проснуться—и исключить. Случайно не выполнили.

Я, конечно, этому умнику растолковал все, а он мне: инструкции для эскимосов, как правило, пишу г папуасы. Нахамил, значит.

...Есть такой фронтовой анекдот. Со значением. Как-то прибыл генерал на передовую. Вдруг вражеская пуля сорвала с его мундира пуговицу. Он с перепугу плюхнулся на землю и замер. А вокруг как ни в чем не бывало солдаты балагурили меж собой, будто ничего и не случилось. Увидев пробегающего мимо сержанта, генерал крикнул:

— Эй, почему никто из вас не подстрелил этого проклятого снайпера?

— А зачем?—удивился сержант.—Мы опасаемся, если кто-нибудь из нас его снимет, то противник посадит на ту каланчу более меткого стрелка.

Вот я и говорю: нет худа без добра. Броне-шутки...

Майор О. КОРОЛЕВ.

Ордена Красной Звезды УВВ по Северо-Западу и Прибалтике.

Служба солдата в карауле — не сахар. Зимой на морозе, на продуваемой всеми ветрами вышке кто-то завидует часовому-оператору, сидящему в теплой комнате у пульта. Летом, наоборот, часовой-оператор вождельно косит глазами на открытую со всех сторон вышку товарища, запекаясь в проклятом солнцем «сковоречнике». Хорошо, если в караульном помещении есть душ. Встанешь под прохладные струи — и усталости как не бывало.

А когда служба подходит к концу, все тяготы ее становятся жизненным багажом, с которым трудно расставаться, не говоря уже о друзьях, честно деливших с тобой эти самые тяготы.

Фото В. СЕМЕНОВА.

ЗА СТРОКОЙ РЕШЕНИЯ КОЛЛЕГИИ МВД СССР

Вяло, без должной последовательности и целенаправленности ведется практическая работа по выполнению приказа МВД и других решений министерства по обеспечению сохранности огнестрельного оружия. Все это привело в конечном счете к исключительно опасному повороту событий, когда хищения, кражи, бандитские и разбойные нападения с целью завладения оружием получили широкое распространение...

Из решения коллегии МВД СССР.

ОРУЖЕНОСЦЫ

ЯЗЫК служебного донесения придал бы этой информации краткую, лаконичную форму: около двадцати трех часов у ресторана задержан человек в нетрезвом состоянии. При задержании изъяты пистолет Макарова с двумя снаряженными магазинами и пятнадцать патронов россыпью. В беседе заявил: в ячейке № 203 камеры хранения на железнодорожном вокзале — цинк с боеприпасами и баллоны с «Черемухой», принадлежащие его напарнику. Личности устанавливаются...

Но не «наши люди» отличились в этой умело проведенной операции. Напротив, с поличным «брали» именно «наших людей». Невероятно, но факт, увы.

...В последнее время на улицах и площадях некоторых городов страны «человек с ружьем» — в буквальном понимании этой фразы — не редкость. Баку, Ереван, Фергана, Степанакерт, Гянджа... Ряд, к сожалению, далеко не полон. Разумеется, по-разному смотрят люди на военнослужащих внутренних войск, взваливших на свои плечи нелегкое бремя ответственности за обеспечение общественной безопасности. Кто с надеждой, с верой в то, что их усилиями, нервами, кровью, наконец, положение все-таки стабилизируется. Кто с плохо скрываемой неприязнью, считая, что порядок в правовом социалистическом государстве не может опираться на силу оружия, пусть даже оно практически не применяется, а всего лишь навсего предупреждает о возможной каре за жестокость, варварское попрание юридических законов. Есть, к великой скорби, и такие, кто через прорезь прицела. Но ни разу в самой что ни на есть горячей точке не доводилось видеть, чтобы на солдат и офицеров войск глядели со страхом. И, по-моему, это нормально, естественно — войска не угрожают народу, войска защищают народ.

«В Армении и Азербайджане в январе текущего года в общей сложности были захвачены тысячи единиц огнестрельного оружия, более 20 тонн взрывчатых веществ, большое количество средств взрывания... Отмечаются отдельные факты, когда совершение хищения оружия, боеприпасов обнаруживается со значительным запозданием, а иногда лишь после задержания лиц, незаконно хранящих их».

(Из сообщения пресс-центра
МВД СССР)

Потому-то случаи, когда оружие в руках военнослужащих оказывается не по приказу командира и не во имя безопасности окружающих — ЧП, будоражащее общественное мнение, безусловно, подрывающее престиж всех, у кого на плечах погоня. Это — очевидная, буквально азбучная истина, доступная пониманию любого офицера и прапорщика. Но...

...Прапорщик Сергей Щеглов, а именно его задержала милиция около полуночи с пистолетом и патронами, якобы шел сдаваться. Добровольно, устав от раздираю-

37

щих душу угрызений совести и сомнений, от липкого страха, подогретого алкоголем. Не сомневался: если он сегодня упустит возможность сделать это сам, завтра за ним придут. Правда, по мнению сотрудников милиции, сцена, которую разыграл Щеглов, мало напоминала «сдачу» или явку с повинной. Выйдя из ресторана, прапорщик неверным шагом подошел к стоящему особнячком милиционерскому наряду, фамильярно похлопал по кобуре одного из сотрудников и заметно заплетаясь языком поинтересовался, не нужны ли кому-нибудь наручники или «Черемуха». На что ему довольно благодушно посоветовали не шляться пьяным по вокзалу. Тем более в военной форме. И Щеглов послушно ретировался.

Однако далеко уйти не успел. То ли предложение прапорщика запоздало насторожило сотрудников, то ли сработало шестое чувство, так называемое профессиональное чутье, — сказать трудно. Но факт остается фактом — вскоре Щеглов снова оказался в их обществе, удивленно и несколько испуганно оглядывая минуту назад казавшиеся такими родными, а теперь сразу посуровевшие лица коллег по министерству. Попросили предъявить документы. Одной рукой прапорщик вытаскил удостоверение, не вынимая другой из кармана. «Помогли»: в руке оказался пистолет...

ЧЕЛОВЕК как-то заметил: если в первом действии спектакля на стене висит ружье, то в третьем оно обязательно должно выстрелить. И это не особенность, не закономерность только театрального искусства, это психологически оправданное, тысячекратно проверенное наблюдение. К счастью, эта история имела всего два действия, третьему вовремя помешали. Да и Щеглову, очевидно, доверили сыграть чужую роль, он так и не вжился в образ. А вот его напарник... Впрочем, нет, они не пара, не ровня, ибо состояли в отношениях подчиненности, что во многом предопределило незавидную миссию (и участь) Щеглова, его исковерканную судьбу.

...Прапорщик сказал правду: в ячейке № 203 автоматической камеры хранения работники милиции действительно обнаружили 900 патронов под калибр 7,62 мм и 5,6 мм, 12 баллонов «Черемухи-10» и личные вещи старшего лейтенанта Е. Морозова (вот и второй), о чем немедленно сообщили в воинскую часть. Вскоре на вокзал прибыли офицеры управления части подполковники В. Анишков и Е. Прощаев. Боеприпасы изыали, а вот оружия в камере не оказалось, хотя прапорщик Щеглов признался, что у Морозова будто бы тоже есть пистолет. Не исключили вероятности, что он оставил его при себе. На всякий случай.

Было известно и то, что утром старший лейтенант Морозов отправляется поездом за молодым пополнением. Поэтому посчитали, что боеприпасы он намеревается прихватить с собой. Щеглов только подтвердил эту догадку. А далее события развивались традиционно, по законам детективного жанра. В седьмом часу к камере хранения, озираясь по сторонам, подошел Морозов. До отправления поезда оставалось совсем мало времени. Не заметив ничего подозрительного, начал вскрывать ячейку. Тут-то его и взяли. Обычно и просто. В командировку за молодежью, разумеется, поехал другой человек.

«В руки боевиков действительно попали градобойные ракеты типа «Алазан». Такие факты имели место и в Армении, и в Азербайджане. К счастью, пусков данных ракет, имеющих дальность полета свыше 10 км, было произведено всего несколько в Лачинском районе. Спасло то, что эти ракеты «Алазан» запускаются со станин под углом 45 градусов к горизонту и исключают прицельную стрельбу ими».

[Из выступления заместителя начальника ГУУР МВД СССР полковника милиции Б. Дзиева на брифинге в МВД СССР]

Дознание, а позднее и следствие ответили на многие неясные вопросы, кроме одного, может быть, самого главного: как мог офицер, сын офицера, коммунист, начальник службы артвооружения, обязательный денно и ночью печься о сохранности оружия и боеприпасов, пойти на хищение и склонить к пособничеству своего подчиненного, начальника склада вооружения прапорщика Щеглова? Как?

Сам он «приоткрылся» только однажды, в беседе с командиром части. Когда последний с горечью проронил, что одним своим проступком он перечеркнул труд целого коллектива, и спросил: «Как ты мог?» — ответил (прошу прощения): «Шиза забила». И невинно улыбнулся. На все остальные вопросы и на партийном собрании, когда его единогласно исключали из рядов КПСС, и на парткомиссии, когда ут-

верждалось это решение, Морозов отвечать категорически отказался — без тени раскаяния на лице (а отвечать придется). И со мной он говорить не захотел, загадочно сославшись на свои, особенные принципы и какую-то необъяснимую идею. Где же были его принципы раньше и во имя какой идеи можно поступиться честью, забыть о присяге?

Вот вам уровень зрелости, а вернее, незрелости руководителя службы, подчиненного напрямую командиру. Беспринципность он считает принципиальностью, бестактность удастью, боль коллектива — позой. Хочешь не хочешь, а поневоле задумаешься, рискуя вызвать во многом праведный гнев коллег Морозова: а не тяжела ли ноша начальника службы артвооружения для вчерашних курсантов, росчерком пера, но не сутью своей ставших офицерами? Хотя не стоит, наверно, из-за дурных исключений порочить хорошие правила. Но задуматься над качеством «преподавания» ответственности в вузах стоит. Именно теперь, при столь явной тяге во многих регионах страны вполне конкретных сил к оружию, как никогда ранее, нужен серьезный, взвешенный подход к отбору в военные училища и подготовке будущих «оружейников». Да и в частях командирам и партийным организациям негоже отгораживаться от дел насущных популярным ныне призывом «больше самостоятельности и инициативы!». Тут уж, как говорится, лучше переперчить, нежели недосолить. Жесткий и постоянный контроль!

МОРОЗОВ, следует признать, и до этого позорного случая (случая ли?) имел репутацию человека по меньшей мере несерьезного, легкомысленного, что довольно-таки странно для такой серьезнейшей должности. За три года после окончания училища он честно заслужил семь поощрений, шесть из которых — снятие ранее наложенных взысканий. Характерно, что большинство формулировок начинается со слов «За халатное отношение...», есть и очковитирательство, и попытка обмана начальника. Оторопь берет. Верно подметил один из моих собеседников: «Мы еще легко отделались». Как же можно было столько времени доверять ему целый арсенал!

Выходит, ответ на вопрос «как ты мог?» кроется не в абстрактном оправдании — беспопутал, а в конкретной личности самого Морозова (не случай нас бесчестит, а собственный нрав), человека с искривленными представлениями об офицерской чести и порядочности, с деформированным понятием о долге и человеческом достоинстве, зато как бы в противовес — с обостренно-преувеличенным ощущением значимости своего личного, бесценного, пограничного «я». Что за границей? Вседозволенность,

Нельзя сказать, что истинные грани характера Морозов тщательно камуфлировал, скрывая от окружающих свое истинное лицо, — откуда бы взяты тогда взыскания? Нет-нет да и проявлял себя во всем пугающем великолепии. Жалко, должного реагирования эти попытки эгоистичного самоутверждения не получали. Только один показательный пример, один, но не единственный. Как-то, находясь в командировке в подразделении, где кулуарно пережевывались слухи (сейчас это бедствие уже повальное) о возможном грядущем сокращении, он решил развлечься. Набросал на листке — и рука не дрогнула — «приказ» командира части комбата: срочно откомандировать в распоряжение штаба взвод военнослужащих со всем его, согласно нормам положенности, движимым имуществом и подбросил эту филькину грамоту радисту (одна из первых подделок Морозова). Тот, обнаружив ее в ворохе бумаг, подлежащих радиопередаче, не распознал подвоха и довел требование командира до адресата. Комбата едва удар не хватил: людей на службу — в срез, не успевают прорехи латать, а тут такая бомба... Не только ему стало не по себе, выяснение первопричин случившегося многим добавило седых волос. Но докопались-таки до истоков, вышли на Морозова. А тот лишь обезоруживающе улыбнулся: шуток не понимаете, ведь сегодня 1 апреля. Понятно, что дальше пришел черед командира «шутить». А наверно, еще тогда стоило подойти к этому шутнику от вооружения серьезнее и отбить у него раз и навсегда охоту составлять липовые документы. Хотя, конечно, сильны мы задним умом.

И еще один печальный урок: систематически наказывался Морозов подполковником Ю. Лещенко, командиром части, за халатность и личную недисциплинированность, а партийная группа упорно не желала замечать «чуждачество» коммуниста: исключение из рядов КПСС стало одновременно и первым, и последним партийным взысканием. Как расписка в неспособности к воспитанию. Членские взносы платил исправно и ладно? Как тут молодому офицеру не возомнить себя центром Вселенной, если сходит с рук то, за что другому бы не поздоровилось? Как не посчитать, что все вокруг движется в угоду ему, Морозову, и не уверовать в то, что если он — начальник службы, то все артвооружение — его личная вотчина. Хочу — беру, кто помешает?

ПОНАДОБИЛИСЬ боеприпасы — как написал в объяснительной записке Щеглов, «нужному человеку из округа, он поможет во время ревизии» (другая версия, «зубка не доказанная — корысть») — и Морозов, ничтоже сумняшеся, подделывает накладные и повелевает начальнику склада доставить патроны и «Черемуху» в кабинет,

Потребовался сообщник — и он тут же «вербует» прапорщика Щеглова, приказывая ему взять на складе пистолет, патроны к нему и сопровождать его персону и «груз» сначала до вокзала, а там, глядишь, и дальше.

Захотелось кутнуть с собутыльником напоследок — и опять прибегнул к должностному положению. Щеглов поясняет: «На вокзале меня старший лейтенант Морозов уговорил с ним пойти в ресторан. Я отказывался, а он мне сказал, что объявит взыскание и мне еще с ним служить. Так как он мой начальник, я пошел с ним в ресторан... До этого старший лейтенант Морозов несколько раз водил меня по ресторанам и сам расплачивался. У него всегда было много денег... После ресторана он поехал с женщинами на такси. А я решил сдаться».

«По стране постоянно разъезжают представители различных неформальных организаций, которые пытаются всеми правдами и неправдами скупать оружие. Участились случаи нападения на сотрудников милиции, военнослужащих с целью завладения огнестрельным оружием и боеприпасами, а также попытки совершить похищение его со складов воинских частей».

(Из выступления представителя КГБ СССР В. Луценко на брифинге в МВД СССР)

Как происходила сдача, мы уже знаем. Но вот чем могло все обернуться, если бы Морозов посадил с собой рядом в такси Щеглова (он явно переоценил свое влияние) и не выпустил его из поля зрения до утра — знать не можем. Остается только предполагать, что тогда эта история была бы уже не в двух, а в трех действиях, превратившись из скверного по замыслу детектива в круто замешанный криминальный сюжет.

Поистине непредсказуемы последствия бесконтрольной власти, особенно если она находится в нечистых руках — любому че-

ловеку, стоящему на иерархической лестнице ниже ступенькой, жизнь сломать можно, как спичку пальцами. Но до чего же гнусно бесцеремонное, барски пренебрежительное отношение человека к тем, кто ниже его по должности!

Взять того же Сергея Щеглова. Ничуть не умаляя вины прапорщика, нельзя игнорировать и то, что на срочной и позже — контролером и начальником караула — служил он хорошо. Поощрений было немного, но они были, и в основном за добросовестность. Выходит, с совестью у Щеглова дело ладилось, поперек нее не шел. Взыскания? Бог миловал. И командир тоже, ибо от последнего зависело не меньше. Щеглов по натуре своей ведомый, сам дорогу вряд ли способен проторить, а след в след идти будет, не оступаясь. Был бы след добрый, а он был. Не в обиду Щеглову сказано, такие, как он — податливы и мягки, словно воск: в какие руки попадают, то и получается.

В должности начальника склада он и месяца не пробыл. А вот оказался на ней, по мнению многих офицеров управления, не случайно. Морозов именно такого помощника себе и подыскивал (потому и рекомендовал) — конформиста, слепо верящего не в букву закона и инструкций — они их толком-то и изучить еще не успел, а в святое, непогрешимое командирское: «Выполняйте!». Он и выполнял. Не мог не понимать, что если в законно оформленных накладных незаконно дописано начальственной рукой еще несколько наименований боеприпасов — это подлог, фальшивка, подделка документов. И все же выдавал и патроны, и газ, убежденный, что начальству виднее, ибо с него и спрос строже. Полагал, что, доверяя, вправе рассчитывать на ответную честность, и уж коли он командиров никогда не подводил, то и они его подвести не могут. А вот, оказывается, подвели. И сразу под монастырь. Не в том ли смысл уже слегка затасканного, но так и не пропущенного через сознание многих людей содержания клише: время бездумных исполнителей прошло. Время, может, и прошло, а вот сами исполнители остались. К радости морозовых.

Возможно, кто-то и усомнится, стоит ли городить огород вокруг редкого, нетипичного для войск факта. Увы, он не единичен. Даже средневековое слово, наполненное новым содержанием, ныне в ходу — оруженосцы, хотя правильнее было бы сказать — оруженосцы. Но если и на сотню, на тысячу ЧП приходится одно такое, молчать нельзя: ведь каждый ствол, да что там ствол — каждый патрон — реальная опасность человеческой жизни. А это, согласитесь, весьма существенное обстоятельство.

**Майор А. УШАР,
наш спецкор.
УВР по Уралу.**

Уважаемая редакция!

Я и мои сослуживцы хотели бы после увольнения в запас поработать в милиции на железнодорожном транспорте. Расскажите, пожалуйста, в журнале о целях, задачах, проблемах железнодорожной милиции.

Рядовой В. НАСОНОВ.

НАШ ПОСТ— ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

ПО ПРОСЬБЕ РЕДАКЦИИ НЕШТАТНЫЙ
КОРРЕСПОНДЕНТ ЖУРНАЛА МАЙОР
МИЛИЦИИ НИНА ФРОЛОВА ЗАПИСАЛА
БЕСЕДУ С НАЧАЛЬНИКОМ УПРАВЛЕНИЯ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ НА МОСКОВСКОЙ
ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ ПОЛКОВНИКОМ
МИЛИЦИИ А. В. РОМАХОВЫМ.

— Сразу скажу, что уволенные в запас воины внутренних войск, пришедшие к нам на службу, пользуются доверием и авторитетом. Это, как правило, подготовленные и физически закаленные ребята, на которых можно положиться. Так, в прошлом году в линейный отдел ст. Калуга пришли работать Петр Андреев и Аркадий Сычев, в ЛОВД на ст. Калинин—Евгений Лисунов, на ст. Смоленск—Сергей Николаенков. Все они, бывшие солдаты и сержанты внутренних войск, характеризуются положительно.

Праздпорядок на железнодорожном транспорте—забота особая. Тут каждую минуту нужна мобильность, предусмотрительность, творческая сметка, мужество и человечность, ибо приходится, как говорят, распутывать самые сложные преступления. Вот совсем недавнее, поразившее даже бывалых сотрудников.

В туалете электропоезда, прибывшего на станцию Серпухов, был обнаружен труп женщины, завернутый в кусок линолеума и зашитый в простыню. Опознать убитую удалось с помощью телепередачи «Добрый вечер, Москва!». Затем началась кропотливая работа по розыску убийцы. Из предложенных версий осталась одна—наиболее вероятная, а зацепкой послужил штамп санатория «Солотча», стоявший на пододеяльнике, который был подложен под голову убитой. Но первый выезд в Рязанскую область, где находится санаторий, результата не дал. Поисковая работа, которую возглавил заместитель начальника отделения уголовного розыска линейного отдела внутренних дел на станции Москва—Курская капитан милиции Николай Панкин, продолжалась. Вскоре из Москвы в поселок Солотчу прибыли оперуполномоченные старшие лейтенанты милиции Александр Гвоздев и Петр Хмызов, а из ЛОВД

станции Рязань—их коллега Николай Логинов. Их усилия оказались успешными.

Вскоре в дежурную часть управления поступило дополнение к справке: «По подозрению в совершенном убийстве Ш. задержан Н., житель г. Москвы, ранее судимый. Ведется расследование».

Московская железнодорожная магистраль. Это девять вокзалов столицы и расходящиеся от каждого из них на сотни километров стальные лучи рельсоа, пересекающие границы девяти областей, включая Курскую, Смоленскую, Калининскую и другие. Это огромный пассажиропоток и нескончаемые вереницы перевозимых грузов.

Информация о происшествиях, стекающаяся в дежурную часть Московского УВД на железнодорожном транспорте, существенно отличается от той, что поступает в территориальные органы. Объекты разбойных нападений, грабежей, краж—пассажиры. Объекты хищений—вагоны с грузами.

Сводки полны самых неожиданных сообщений. Как всегда, преобладают кражи личного и государственного имущества, не обходится без грабежей, убийств, изнасилований. В среднем по Московской дороге регистрируется около 800 преступлений. Из них более трети составляют кражи грузов, чуть меньше—кражи личного имущества. Как правило, преступления против личности раскрываются, а вот с грузами сложнее. Все дело в том, что свыше 70 процентов грузов совершенно не охраняются, за исключением особых, входящих в оговоренную инструкциями номенклатуру. Если любой газетный киоск, где вырочка порой не достигает и ста рублей, снабжен охранной сигнализацией, то составы с дорогостоящим импортным оборудованием, автотехникой, продовольствием, промышленными товарами на миллионы рублей курсируют из одного конца страны в другой, как правило, без всякой охраны. Может быть, двери вагонов снабжены запирающими устройствами? Ничуть не бывало. Сколько раз писали о перипетиях борьбы, которую ведет МПС против внедрения надежных, уже разработанных устройств. Но... Увы! Вагоны легко и просто обворовать, ведь поезда стоят не только на станциях, но и в пути. Где, в каком конце страны совершена кража, когда и кто ее совершил—эти и другие головоломки приходится решать сотрудникам вновь созданной службы по борьбе с преступными посягательствами на грузы. К сожалению, Министерство путей сообщения к этим проблемам относится слишком спокойно. Кражи их не волнуют, ведь

убытки от хищений никого лично не бьют по карману.

Нередко и сами железнодорожники прикладывают руку к народному добру, благо оно под рукой, и с пломбами никаких хлопот. Из лиц, привлеченных к ответственности за кражи грузов в 1989 году, железнодорожники составляют почти одну треть.

Говоря о кражах вещей у пассажиров, хочется обратиться ко всем, кто в пути, на вокзалах: не будьте такими беспечными, не оставляйте без присмотра свои вещи! Ведь кражи совершаются в основном по неосмотрительности владельцев. Одни с легкостью доверяют свои вещи случайным знакомым, другие вообще оставляют их без присмотра, отлучаясь «на минутку» за газетой, справкой, пирожком.

Свыше трети краж совершают бомжи (лица без определенного места жительства). Железнодорожная милиция ведет с ними борьбу, бомжей задерживают, отправляют в приемники-распределители. Но по разным причинам чаще всего на работу они не устраиваются и опять в поисках крыши над головой и средств к существованию возвращаются на вокзалы.

К сожалению, категорию бомжей нередко пополняет молодежь. По данным ВНИИ МВД СССР, каждый шестой подросток, совершивший в 1989 году преступление, не учился и не работал.

Москва как магнит притягивает к себе подростков. Но если раньше романтическая устремленность оборачивалась слезами самих незадачливых путешественников, то теперь все чаще — слезами их жертв.

Как свидетельствует статистика, за последнее время на объектах Московской дороги значительно возросло количество преступлений, совершаемых несовершеннолетними, приезжающими из таких регионов страны, как Чувашия, Татария, Мордовия, Дагестан.

О росте преступности среди несовершеннолетних нельзя молчать. Но, похоже, это беспокоит только милицию. По крайней мере, Моссовет вот уже в течение шести лет не спешит определиться с правилами поведения несовершеннолетних. Принятые в застойные времена, еще в 1983 году сроком на два года, они для милиции служили юридической основой для задержания подростков, находящихся в ночное время на объектах железнодорожного транспорта. Но старые уже не действительны, а новых правил нет. А как быть с подростками? С теми, кто нарушил, все понятно. А вот с теми, кто в кооперативном видеосалоне смотрит фильмы, культивирующие секс и насилие, ночь напролет? Работают эти видеозалы круглосуточно, правил посещения они не имеют. Их владельцам не важно, кто пришел, важно, что с рублем. Отделы культуры исполкомов на это стыдливо закрывают глаза.

Словом, проблем у железнодорожной милиции хватает. Но люди, стоящие на постах у стальных магистралей, замечательные. И ветераны, и молодежь делают все возможное, чтобы пассажиры чувствовали себя в безопасности.

ПИСЬМА С КОММЕНТАРИЯМИ

КАК УВОЛИТЬСЯ БЕЗ СКАНДАЛА?

Обратился я к командиру батальона майору Рябоконю с просьбой уволить меня в запас до окончания срока подписки — некому ухаживать за престарелыми родителями. А он говорит, нет такой статьи в положении. И по сокращению штатов нельзя. Вот если бы ты напился и не выходил на службу — другое дело... Получается, поступал добровольно, а уволиться по собственному желанию нельзя. Но почему?

Прапорщик С. ИПАЕВ, контролер.
Комментарий начальника отдела Управления кадров ГУВВ полковника В. ГРАДКОВА:

Действительно, ныне действующим Положением о прохождении военной службы прапорщиками и мичманами ВС СССР увольнение их по собственному желанию до окончания срока обязательства не предусмотрено. Они могут быть уволены по служебному несоответствию как не желающие продолжать службу.

Это, наверное, можно отнести к издержкам законодательства. Если новым Положением (оно сейчас разрабатывается) будет предусмотрено увольнение по собственному желанию, изменится только формулировка. Существующая ныне обязанность уволенных возмещать часть стоимости обмундирования и другие затраты государства скорее всего сохранится.

КАК ПОВЫСИТЬ КЛАСС?

Непонятно, почему начальники АТС и радиомастерских могут быть классными специалистами, а начальники автомастерских и хранилищ — нет? Или взять военных водителей: возможность уволиться в запас специалистом второго класса заставила бы их не за страх, а за совесть соблюдать правила движения, пуще глаза беречь автомобиль. А значит, с лихвой окупилась бы деньги, выплаченные как поощрение за повышенную классную квалификацию...

Если выгоды очевидны, почему ничего этого нет?

Прапорщик В. ГРИГОРАШ.
Комментарий офицера автослужбы ГУВВ майора В. СТРЕЛЬЧЕНКО:

Уже разработано положение, которое предусматривает для военнослужащих, занятых эксплуатацией техники, в том числе начальников складов и мастерских — солдат и сержантов срочной службы, прапорщиков, офицеров — возможность получить второй и первый класс, а также квалификацию «мастер». Для водителей главным критерием мастерства будет количество километров безаварийного пробега.

«МЫ ЕЩЕ УВИДИМСЯ, ДЕТКА...»

Начало на с. 46

Патриция сделала вид, будто только что заметила гиганта, и довольно холодно произнесла:

— Добрый день, мистер Мак-Намара.

Но вместо ответа шотландец опрометью кинулся к лестнице и исчез.

— Ну и ну! Что это с ним? — удивленно спросила Патриция.

— Я, кажется, догадываюсь... Самое главное, не теряйте хладнокровия.

Несмотря на предупреждение, Патриция содрогнулась, услышав грянувшие на верхнем этаже тягучие звуки «Дремучего леса в горах». И она еще не совсем пришла в себя, когда на лестнице появился Малькольм, во всю силу своих могучих легких дующий в трубку волынки.

— Это гимн в честь вашей красоты, дорогая моя, — шепнул Блум.

Патриция расхохоталась, и это, видно, еще больше воодушевило Мак-Намару, потому что он ни разу не перевел дух, пока не извлек последней оглушительной ноты.

— Можно мне узнать причину этого очаровательного концерта?

— У нас в Томинтуле не очень-то умеют складно выражаться. Поэтому вместо нас говорит волынка. Вы ужасно красивы, мисс Поттер!

— Спасибо.

— Вы живете здесь?

— Моя племянница поет в «Гавайской пальме» на Флит-стрит.

— Это далеко?

— Совсе нет. Здесь же, в Сохо.

— А мне можно пойти послушать?

— Я буду очень рада, мистер Мак-Намара. — И повернулась к Сэму: — Дядя, мне пора идти. Через два часа мой номер. Я едва успею пообедать и приготовиться. До свидания. — Она улыбнулась и шотландцу: — До свидания, мистер Мак-Намара. И, быть может, до скорого?

— Уж это точно!

Когда Патриция ушла, Малькольм сказал Сэму:

— Ну, старина, у вас чертовски красивая племянница. Господи благослови! Да будь у меня в доме такая жена, мне бы больше ничего и не нужно было!

— Я вижу, Патриция произвела на вас сильное впечатление.

— Она меня просто потрясла! Я думал, такие красотки бывают только в кино. Ах, не будь я простым овцеводом, сразу предложил бы ей пожениться. Как вы думаете, старина, она бы согласилась?

— Честно говоря, мистер Мак-Намара, меня бы очень удивило, если бы Патриции вздумалось похоронить себя в Томинтуле.

— Ну, не скажите! У нас бывает кино раз в неделю в овине Нейла Мак-Фарлана. По крайней мере летом, потому что зимой можно примерзнуть к скамейке... Она хоть не обречена?

— По-моему, нет. Знаете ли, моя племянница — очень хорошая девушка... Согласен, она поет в кабаре, но ведь нужно же как-то зарабатывать на жизнь, правда? А ей очень не повезло. Родители погибли в автомобильной катастрофе, девочка осталась сиротой в двенадцать лет...

— К счастью, у нее были вы!

— Что?

— Вы ведь ее дядя?

— Разумеется, если бы не я, не знаю, что с ней случилось бы, с бедной крошкой... Но мой образ жизни не очень-то подходит для воспитания молодой девушки... Вы меня понимаете? Я отправил ее в пансион, в Йорк. После учебы она пробовала зарабатывать на жизнь, с моей помощью, конечно... И вот как-то однажды приняла участие в любительском конкурсе. Ее заметили. О, это, ясное дело, совсем не то, что можно назвать настоящим певческим голосом, но поет она приятно... И тут уж сразу получила ангажемент. И теперь Пат уже несколько месяцев поет в «Гавайской пальме», насколько я понимаю, с большим успехом.

Целых три месяца Дункан и Дэвит, зная, что за ними пристально следят, вели себя тихо и скромно. Тот, кто держал в руках всю торговлю наркотиками в Сохо, приказал им затанцевать, и оба бандита с ума сходили от злости, подсчитывая, сколько денег утекло за это время мимо их носа. И только это вынужденное, выводящее из себя бездействие заставило их ввязаться за незначительную операцию, предложенную Сэмом Блумом. После разговора с Сэмом Дэвит, развалившись в кресле, заметил:

— Пять тысяч фунтов — приличная кучка милых маленьких банкнот, Джек. Что вы об этом думаете?

— Думаю, что они мне понадобятся — одними доходами с «Гавайской пальмы» сыт не будешь...

— Угу... И как вы собираетесь это обстригать, Джек?

— Как можно меньше народу, Питер. И так придется дать двадцать пять процентов Сэму...

— Хватит и десяти, если вы позволите мне убедить его вести себя разумно.

— Даже поручаю вам это, Питер... Итак, десять процентов Сэму. Я думал о Блэки и Торнтоне. Они привыкли к такого рода делам. Каждому надо будет дать десять процентов. Но, судя по тому, что сказал Сэм, пожалуй, разумнее присоединить к ним Тони.

— Еще десять процентов?

— Естественно...

— Как всем мокрицам, Сэму всюду мерещатся супермены.

— Подождем, пока не посмотрим своими глазами. Предупредите Блэки, Торнтон и Тони — чтобы весь вечер были под рукой. Этот парень явится сюда аплодировать Патриции — она уже успела его очаровать.

— Я знаю, вы этого не любите. Джек, но раз уж она его охмурила, не проще ли было бы...

— Нет!

— Ну ладно...

Да, Дэвит, и еще не забудьте позвонить в эту дыру, Томинтул!

— Чего?

— В Томинтул, графство Банф, Шотландия. Позвоните в почтовое отделение и спросите, знают ли там типа по имени Малькольм Мак-Намара... да постарайтесь сделать так, чтобы вам его описали. В нашем положении никакие предосторожности не повредят.

Сидя за конторкой, к которой он, казалось, прирос, Сэм Блум с улыбкой слушал, как его новый постоялец насвистывает в предвкушении приятного вечера. Сэм умилялся. Было что-то почти греховное в намерении ограбить такого простака... но это послужит ему уроком... В конце концов, проучив этих дикарей из Томинтула, Блум и его приятели только окажут услугу британским банкам. Сэм попробовал представить, как будет вести себя шотландец в «Гавайской пальме», и решил, что зрелище должно получиться незаурядное.

Незадолго до начала номера Патриции Поттер Питер Дэвит сообщил Дункану сведения, не без труда полученные от телефонистки Томинтула.

— Судя по настроению, похоже, я помешал ей пить чай. Однако, узнав, что я звоню из Лондона, девица стала несколько человечнее. Наверное, это ей польстило. Зато когда я спросил про Малькольма Мак-Намару, тут уж полились сироп и мед. Эта особа явно равнодушна к парню. И самый-то лучший, и самый красивый, и самый любезный из всех овцеводов графства Банф, и пользуется почтением и доверием сограждан, поскольку, похоже, он и впрямь важная шишка в тамошнем синдикате.

— Она вам его описала?

— Я бы сказал: живописала. Сперва мне даже показалось, что она набрасывает портрет бога-отца! Его рост, цвет волос, цвет глаз, рот, мускулы, походка, короче — все! И, сдаётся мне, это описание вполне соответствует впечатлению Патриции.

— Значит, нам его послало само небо!

Питер покотился со смеху.

— Ну и странные же намерения вы приписываете Всевышнему, Джек!

Несмотря на полученное предупреждение, при виде Мак-Намары швейцар Том слегка оторопел.

— Скажите-ка, старина, — спросил тот, — она еще не начала петь? Я имею в виду мисс Поттер?

Том решил, что нужно срочно предупредить Тони, потому как Блэки и Торнтон при всем своем богатом опыте ни в жизнь не справятся с таким колоссом.

— Вот-вот выйдет на сцену, сэр, — вежливо ответил он.

— Отлично.

— Прошу прощения, сэр, но что у вас в чемодане?

— Успокойтесь, старина, там вовсе не пулемет, а только моя волынка.

Так получилось, что Малькольм и Патриция предстали взорам посетителей «Гавайской пальмы» одновременно: первая —

40
на сцене, второй — в зале, и оба в равной мере привлекли к себе внимание. Мисс Поттер, не желая портить свой выход, воскликнула:

— Добро пожаловать, Малькольм Мак-Намара, гордость графства Банф!

Все немедленно повернулись к симпатичному гиганту в парадной юбочке и пиджаке скромной расцветки. И весь зал неожиданно разразился аплодисментами. Мак-Намара смущенно улыбнулся, обводя всех доверчивым взглядом, и Дэвит, следивший за событиями из кабинета Дункана, поспешил устроить шотландца за отдельным столиком в глубине зала.

— Надеюсь, вам будет здесь удобно, а если вам понравится пение мисс Поттер, мы предоставим вам исключительную привилегию поздравить ее за кулисами. Что вы желаете пить?

— Виски.

— Прикажете подать двойную порцию?

— Нет, бутылку.

Дэвит поехал. Этот тип равно поражал простотой и несоразмерностью. Увидев чемодан, который Мак-Намара поставил под стол, он предложил:

— Не хотите ли оставить его в гардеробе?

— Я никогда не расстаюсь со своей волышкой, старина!

Питер почел за благо не вмешиваться в дальнейший ход событий и отправился сообщать Джеку, что клиент прибыл.

— Так я свистну парням сбор?

— Нет.

— Что на вас нашло? Может, вас больше не интересуют пять тысяч фунтов?

— Не мелите чепуху, Питер. Том сказал, что в окрестностях ошваются инспекторы Блесс и Мартин. Стало быть, момент неподходящий.

— Значит, он так и уйдет с набитым карманом?

— Подождем, пока вернется.

— А с чего вы взяли, будто он вернется?

— Патриция.

Блесс и Мартин, несмотря на приказ суперинтенданта, по-прежнему считали месть за убийство Полларда делом личной чести и продолжали проявлять пристальный интерес к «Нью Фэшнэбл» и «Гавайской пальме». Им немедленно стало известно о появлении там шотландца. Полицейские тут же решили, что здесь что-то кроется, — очень уж персонаж выпирал из всех привычных рамок. Может, это какой-то новый трюк Дункана? Привлечь внимание к человеку, которого хочешь закамфлировать, может оказаться очень выигрышным ходом, и такой маневр вполне в духе изобретательного Джека. Более того, полицейские узнали, что в Лондон как раз прибыл морем очень значительный груз героина. Но самые тщательные обыски не дали никаких результатов. Оставив коллег из службы порта тратить нервные клетки на бесполезные поиски, Блесс и Мартин решили, что рано или поздно наркотики протекут по протоптанной дорожке через «Гавайскую пальму». Поэтому, как только официальная работа заканчивалась, оба инспектора занимали позицию в окрестностях кабаре и наблюдали. Увидев, как

шотландец вошел в «Пальму», Блосс и Мартин сочли, что их гипотеза, пожалуй, не так уж невероятна, как может показаться на первый взгляд. Этот колосс вполне может оказаться связным между портом и Дунканом. Они решили прощупать его под каким-нибудь предлогом, как только тот выйдет из кабарэ. Оказавшись в их руках, ему волей-неволей придется заговорить.

Было ли тому причиной присутствие почитателя из Шотландии, но во всяком случае в тот вечер Патриция оказалась во всем блеске и сорвала бурные аплодисменты. Однако настоящего триумфа она удостоилась за грустную ирландскую песню «Молли Мелон», и Малькольм, не зная, как еще выразить свой восторг, ко всеобщему радостному изумлению исполнил «Нас сто волынщиков». При этом он маршировал по всему залу, как на параде. Последнюю ноту Малькольм выдал у самой сцены и, не мудрствуя лукаво, схватил Патрицию в охапку, посадил к себе на плечо и уже вместе с ней продолжал шагать меж столиков к неопишуемому восторгу публики. Мисс Поттер, зардевшись как мак цвет, умоляла своего поклонника отпустить ее на грешную землю. Дункан и Дэвит, глядя из окна кабинета, не упустили ни единого мига этого невиданного зрелища. Но если Питер хохотал до слез, то Джек с ума сходил от бешенства. Патриция была его собственностью, и он не мог допустить, чтобы к ней прикасался кто-то другой.

Наконец шотландец решился отпустить мисс Поттер. Он осторожно поставил ее снова на сцену и, взяв за руку, объявил:

— Вот так у меня дома, в Томинтуле, показывают, что девушка тебе нравится.

Зал просто ревел от восторга. Мак-Намара стал гвоздем всего вечера. Старый мерзавец швейцар Том и бармен Герберт держались за бока. И забавнее всего казалось то, что шотландец, видимо, был совершенно искренен. Все еще держа Патрицию за руку, он громко возгласил:

— Вы просто сногшибательны, мисс! Я бы хотел иметь такую жену у себя в Томинтуле. Хотите выйти за меня замуж?

Это необычайное предложение было встречено всеобщим воем. Только Патриция уже не смеялась. Резко вырвав руку, она бросилась за кулисы. Малькольм на мгновение удивленно застыл, но быстро пришел в себя и кинулся следом. Он небрежно отшвырнул двух-трех человек, оказавшихся на пути, и, даже не подумав постучать, влетел в комнату Патриции. Она сидела, опустив голову на скрещенные руки, и горько плакала. Мак-Намара помрачнел. Аккуратно закрыв за собой дверь, он тихонько подошел к молодой женщине.

— Мисс, я не хотел вас огорчить, знаете ли...

Патриция подняла залитое слезами лицо и попыталась улыбнуться:

— Я знаю...

— Вы мне, правда, очень нравитесь.

— Я бы тоже не сказала, что вы мне неприятны.

— Меня зовут Малькольм.

— А меня — Патриция.

Успокоенный, он взял стул и уселся на него верхом.

— Я уверен: если бы вы увидели Томинтул, он показался бы вам райским уголком.

— Не сомневаюсь...

— Так почему же вы не хотите туда поехать?

— Это невозможно.

— Вам нравится Лондон?

— О нет!

— Значит, вас удерживает работа?

— Я ее ненавижу.

— Но ваш дядя сказал мне...

— Послушайте, Малькольм, вы самый славный парень, какого я когда-либо видела. Сэм Блум мне не дядя... Он вам все наврал, вам все врут. Будьте осторожны, Малькольм, я не хочу, чтобы с вами случилось что-нибудь...

— А что может со мной случиться?

— Да, в самом деле, что с ним может случиться?

Они обернулись. Питер Дэвит, улыбаясь, стоял на пороге. Патриция быстро взяла себя в руки.

— Он такой беззащитный...

— ...Что пробудил в вас материнские чувства? Это вполне естественно... но я не думаю, что Джек будет очень рад этому, Патриция.

— А вы ему обо всем доложите?

— Должен был бы... но Джек что-то уж слишком разыгрывает большого босса, на мой взгляд. Я уже подумываю, что нам с вами неплохо было бы заключить договор...

— ...Который бы исключал...

— Разумеется!

— Об этом стоит подумать.

— Не так ли? Однако не советую слишком затягивать размышления. Кстати, мистер Мак-Намара, я думаю, мисс Поттер необходимо передохнуть перед следующим выходом.

— Вы хотите сказать, я должен уйти?

— Вот именно.

— Ну ладно.

Дэвит поклонился.

— Вы удивительно понятливы, мистер Мак-Намара. Будьте любезны...

Питер открыл дверь, пропуская шотландца. Патриции показалось, что она никогда больше не увидит этого добродушного гиганта, и голос ее дрогнул:

— Прощайте, Малькольм, и... удачи вам! Мак-Намара изумленно оглянулся.

— Прощайте? Как бы не так! Мы еще увидимся, детка!

ГЛАВА III

В ЗАЛЕ «Гавайской пальмы» Малькольма встретил взрыв веселой доброжелательности. Однако шотландец выглядел озабоченным. Он направился напрямик к бару, и Герберт принял его с особой теплотой.

— Ах, сэр! Здесь, в Сохо, что бы там ни говорили, редко выпадает случай повеселиться по-настоящему. Давно я так не смеялся, как сегодня, благодаря вам. Спа-

сибо, сэр, и, если вы не сочтете это нескромным, могу я предложить вам стаканчик?

— Охотно принимаю угощение, старина. У нас в Томинтуле говорят, один человек стоит другого.

— Хотя бы ради этого имеет смысл жить в Томинтуле. Вам повезло, сэр.

Шотландец слегка наклонился над стойкой.

— Послушайте, старина, надо, чтобы вы мне объяснили... Все вы, кажется, сгораете от желания жить подальше отсюда, и при этом ни у кого, видно, не хватает мужества сменить обстановку. Почему?

Бармен пожал плечами.

— Не знаю, сэр... Может, потому что мы слишком прогнили? Не могу объяснить вам... Говоришь себе: «Конечно, пора менять пластинку», но стоит зажечься огням Сохо, и ты бредешь туда. В глубине души все мы жалкие ничтожества, сэр, вот что мы такое. Я еще никогда никому не говорил об этом, сэр, должно быть, вы и впрямь очень хороший малый, раз меня потянуло на такого рода признания. И все-таки странно, что хочется говорить вам такое, в чем и самому себе не решаешься признаться... Думаю, мне пора пропустить еще стаканчик, с вашего позволения, сэр.

— На этот раз угощаю я, старина.

Они выпили, и Мак-Намара, ставя на стойку пустой бокал, неожиданно сказал:

— Этот парень, который меня здесь принимал...

— Мистер Дэвит?

— Ага... не нравится он мне, старина.

— А?

— Да-да, совсем не нравится. У него рожка предателя и лицемера, и мне очень хочется стукнуть по ней хорошенько.

— Не советую вам это делать, сэр! Когда мистер Дэвит сердится, он становится... очень опасен... Вы понимаете меня, сэр?

— Еще бы! Но я тоже в случае чего могу быть опасен, и даже чертовски опасен. Он хозяин этой лавочки?

— Мистер Дэвит? О нет! Только управляющий. «Гаваяская пальма» принадлежит мистру Дункану... — Герберт понизил голос. — И если вас интересует мое мнение, сэр, то по сравнению с мистером Дунканом мистер Дэвит — просто ягненок!

Возвращение Патриции на сцену прервало душевную беседу шотландца с барменом. В зале наступил полумрак, и, освещенная единственным прожектором, молодая женщина запела нежные и печальные песни. Все слушали с волнением, в полной тишине, тем более что крепкие напитки располагают англосаксонские сердца к сентиментальности. Когда Патриция допела знаменитый «Край моих отцов» — национальный гимн жителей Уэльса, — зал приветствовал ее настоящей овацией. Что до Малькольма, то он, к глубокому изумлению бармена, плакал.

— Что случилось, сэр?

— Старина, эта девушка станет женщиной моей жизни, и это так же верно, как то, что меня зовут Малькольм Мак-Намар!

— Она произвела на вас дьявольски сильное впечатление, насколько я понимаю, сэр?

— Впечатление? Слабо сказано, старина... Если я не привезу ее в Томинтул, то буду считать себя обесчещенным! Мы поженемся там, и Брюс Мак-Фарлан нас благословит, а потом закатим обед на целых три дня! Приглашаю вас, старина. Я сам приготовлю хаггис*, и вы расскажете потом, доводилось ли вам пробовать что-нибудь подобное.

Герберт, похоже, смутился до глубины души.

— Сэр, я уже говорил вам, — пробормотал он, — вы мне симпатичны, и я не хотел бы, чтобы у вас были неприятности.

— Неприятности? С чего вы взяли, что они у меня будут?

— Я сейчас вмешиваюсь в то, что меня не касается, сэр, но мисс Поттер... быть может, не так... не так свободна, как вы себе представляете...

— А что ей мешает быть свободной?

— Хозяин... Дункан, — еле слышно шепнул бармен. — Они не женаты, но все равно что так.

— Ну, раз она не замужем, я имею право попытаться счастья, разве нет?

— Я вас предупредил, сэр.

Герберт вернулся к своим бутылкам, а шотландец продолжал пить, пока к нему не присоединился Питер.

— Мистер Дункан слышал вашу игру на волынке и хочет лично поблагодарить за содействие успеху программы.

— Ага, но я-то сам хочу повидать певицу. Она мне очень нравится.

Бармен грустно покачал головой. Бедняга шотландец сам нарывался на всякого рода осложнения. Дэвит улыбнулся.

— Думаю, вам представится возможность пожелать ей спокойной ночи.

— В таком случае иду, старина!

Дункан встретил шотландца с изысканной любезностью и сказал, что глубоко оценил динамизм и непринужденность, с которыми ему удалось подогреть публику.

— Я считаю, мисс Поттер отчасти обязана своим сегодняшним успехом вам, — заметил он, улыбаясь.

— Вы хорошо знаете мисс Поттер?

— Полагаю, что да.

— Как, по-вашему, она согласится поехать со мной в Томинтул?

Дункан прекрасно умел владеть собой, но тут он, казалось, был несколько выбит из колеи. Что до Питера, он подавился виски.

— Я не вполне уверен, что правильно понял смысл вашего вопроса, мистер Мак-Намара.

— Я хотел бы жениться на мисс Поттер и увезти ее с собой в Томинтул.

Джеку пришлось напомнить себе о пяти тысячах фунтов, чтобы не вышвырнуть этого кретина за дверь.

— Затрудняюсь вам ответить... По-моему, этот вопрос вам следовало бы задать ей самой, и, кстати, мисс Поттер призна-

* Блюдо наподобие пудинга из овечьей или телячьей требухи, заправленной овсяной мукой, луком и перцем. — Прим. пер.

лась мне, что была бы счастлива снова увидеться с вами.

— Ничего удивительного.

— Правда?

— Она, конечно, поняла, что я говорил искренне и что из меня получится хороший муж.

— Возможно... Вы очень уверены в себе, не правда ли?

— Да, довольно-таки.

— Настолько, что способны на весьма... неосторожные поступки?

— Не понимаю!

— По-видимому, вы убеждены, что можете противостоять хоть всему Лондону?

— Скажу вам одно, старина: в Томинтул порой забредают всякие типы, ну и пытаются мутить воду... Так именно я их утихомириваю. И ни один еще не вернулся обратно своим ходом.

Дункана слегка покорила фамильярность обращения, но он все же не смог удержаться от улыбки — какое самодовольство!

— Могу я позволить себе дать вам совет, Мак-Намара? Будьте осторожны... У меня такое ощущение, что наши бандиты куда опаснее томинтульских... Когда возвращаетесь слишком поздно, как, например, сегодня, берите лучше такси.

— Такси? Но я же не болен!

— Ну... разве что у вас с собой нет ничего такого, что могло бы привлечь грабителей...

Шотландец рассмеялся и, похлопав себя по грудной клетке, тщеславно заявил: — При мне пять тысяч фунтов, старина, и тому, кто захочет у меня их отобрать, надо поторопиться!

— Я остаюсь при своем мнении, мистер Мак-Намара: это крайне неосторожно!

— Не тревожьтесь за меня, старина, скажите-ка лучше, можно мне повидать мисс Поттер?

Питер Дэвит, который внимательно наблюдал за реакцией хозяина, заметил, как побелели его пальцы, сжимавшие бокал.

— Будьте любезны, Дэвит, предупредите мисс Поттер, что ее почитатель, прежде чем покинуть нас, хочет пожелать ей спокойной ночи.

Питер отправился на поиски Патриции. То, что Дункан едва сдерживает бешенство, доставляло ему огромное удовольствие. Молодая женщина была у себя. Она казалась печальной и, судя по опухшим глазам, много плакала.

— Огорчения, Пат?

— Я сама себе противна.

— Все мы приходим к этому — стоит позволить себе роскошь поразмыслить. А потому разумнее принимать жизнь как есть и не оглядываться на прожитый день. Это шотландец вас так расстроил?

— Я уже совсем забыла, что на свете существуют такие ребята...

— И больше не вспоминайте, Пат, лучше скажите себе, что зато у вас остаются такие, как я.

Питер нежно склонился к молодой женщине и шепнул:

— Вы же знаете, что в любом случае можете рассчитывать на меня, Пат...

Мисс Поттер выпрямилась и, в упор глядя на Дэвита, отчеканила:

— Вы мне столь же омерзительны, как и Дункан. Оба вы негодяи, преступники!

— Дорогая моя, позвольте вам напомнить, вы прекрасно пользуетесь плодами того, что называете нашими преступлениями!

— Вы заставляете меня пользоваться ими! Вам же прекрасно известно, что Джек не дает мне возможности уйти, иначе...

— Ну, если бы вам действительно хотелось уйти...

— Может быть, я просто трусиха... но Дункан внушает мне ужас. Он вполне способен изуродовать меня в отместку... И что тогда со мной будет?

— Дункан не бессмертен. Стоит вам захотеть — и он быстро исчезнет с вашего пути.

— Для этого надо уступить вам?

— Вот именно.

— Не вижу, какой прок принесет мне эта перемена!

Дверь бесшумно отворилась, и на пороге появился Дункан. Он был по-прежнему изысканно вежлив, но чувствовалось, что его нервы напряжены до предела.

— Я вынужден был оторваться от дел и оставить гостя одного, чтобы прийти за вами, Патриция. А вы, Питер, чего вы ждали?

— Она... она была не готова...

— Ваше поведение мне не нравится, Дэвит!

— А мне ничуть не меньше ваше, Дункан!

— Вы напрасно позволяете себе говорить со мной в таком тоне. Болея, что торчит сейчас в моем кабинете, уже достаточно взбесил меня сегодня.

— Разве вам не известно, что ревность — глупейший порок?

Звонкая пощечина, которой Дункан наградил своего подручного, раздалась в комнате. Питер опустил было руку в карман, но Дункан уже навел на него дуло пистолета.

— На вашем месте, Дэвит, я бы не рыпался!

Оба смотрели друг на друга с нескрываемой ненавистью.

— Вы совершили ошибку, Дункан...

И Дэвит вышел из комнаты.

Джек повернулся к Патриции.

— Что вы здесь замышляли вдвоем?

— Ничего особенного.

— Зарубите себе на носу, Патриция, — еще никому не удавалось посмеяться надо мной, и не вам начинать. И вы жестоко заблуждаетесь, коли воображаете, будто Дэвиту удастся вырвать вас из моих рук.

— Я одинаково презираю вас обоих.

— Если бы шотландец и его пять тысяч фунтов не ожидали вас в моем кабинете, я бы заставил вас молить прощения на коленях. Но это можно отложить на потом. Ну, вперед!

— Нет!

— Вам бы не следовало раздражать меня, Патриция!

— Я не стану помогать вам грабить этого парня!

— Вы будете делать то, что прикажу я!

— Нет!

Дункан улыбнулся, но лицо его выражало свирепую жестокость.

— Вы забыли, что всегда в конце концов слушаетесь?

— Ну так вот, представьте себе, мне это надоело!

— Вы заплатите мне за это, Патриция!

— Плевать!

— Кто это вас так накрутил? Дэвит?

— Возможно...

— Этот тип начинает мне надоедать...

— То же самое он говорит о вас!

— Правда? Что ж, постараюсь сделать так, чтоб он больше не испытывал пресыщения. Можете на меня положиться!

— Питер не ребенок.

— И я тоже. Но все это не относится к делу. Сейчас мне нужны пять тысяч фунтов, которые идиот из Томинтула таскает с собой.

— Пойдите возьмите их у него!

— За меня это сделают другие, и в первую очередь — вы.

— Даже не рассчитывайте.

— Ну-ну...

Дункан вернулся в кабинет, напустив на себя сокрушенный вид.

— Мисс Поттер очень сожалеет, мистер Мак-Намара, но она слишком устала, чтобы присоединиться к нам, и просит вас извинить ее... У бедняжки разболелась голова.

— Скажите ей: я не смогу спокойно спать, зная, что она страдает... Я ее любил, эту крошку... Ну, да ладно. Я вернусь. Спокойной ночи, джентльмены!

— Минутку, мистер Мак-Намара, вы не дали мне договорить... Мисс Поттер просила передать, что будет счастлива отужинать в вашем обществе, если, конечно, вас это устраивает.

— Еще бы не устраивало! Но... ужин... а как же ее номер?

— Завтра у нее выходной.

— А! Тогда все просто замечательно!

— Мисс Поттер просила передать также, что ей бы хотелось видеть вас в «Старом капитане» в восемь — в половине девятого.

— В «Старом капитане»? А где это?

— В квартале Биллиясгейт, неподалеку от рыбного базара, очень живописное место.

— Не сказал бы, что очень люблю рыбу, но ради мисс Поттер готов проглотить любую гадость.

Разговор прервал телефонный звонок. Том спрашивал, можно ли уже гасить свет и закрывать заведение, а заодно предупредил, что заметил инспекторов Блисса и Мартина, которые, по всей видимости, кого-то поджидают. Дункан на мгновение задумался, потом приказал швейцару закрыть главный вход, поскольку шотландский джентльмен воспользуется служебным. Положив трубку, Джек обратился к Мак-Намаре:

— Том сообщил мне, что вокруг бродят всякие подозрительные субъекты... Учтите, вая, что при вас такая крупная сумма, не лучше ли переночевать здесь?

Шотландец громко расхохотался.

— Я за себя сумею постоять!

Он подхватил чемодан с волынкой и распахнул дверь.

— Будьте осторожны, сэр, — посоветовал Том.

— Не мечте икру, старина...

Однако предосторожности ради, прежде чем выйти, житель Томинтула на мгновение замер в тени входа и внимательно оглядел улицу, желая убедиться, что путь свободен. Со своей стороны, инспекторы Блисс и Мартин, заметив маневр шотландца и учитывая его позднее возвращение, окончательно решили, будто он несет что-то чрезвычайно ценное. Поэтому, как только Мак-Намара поравнялся с ними, оба инспектора одновременно бросились на него. Дункан и Дэвит сквозь ставни наблюдали за сценой. Том тоже не упустил такого потрясающего зрелища. Блисс так и не понял, что с ним произошло, почему он уткнулся в угол дома и каким образом его ноги оказались выше

головой. Что до Мартина, то, получив мастеровский удар в солнечное сплетение, он стоял на мостовой на коленях и тщетно пытался снова обрести способность дышать нормально. Хохот Мак-Намары взорвал тишину лондонской ночи. Спрятавшиеся за ставнями Дункан и Дэвит оторопело поглядели друг на друга, а Том чуть не завопил, как болевщик на стадионе. Шотландец же, дабы отпраздновать победу над лондонскими бандитами, достал свою волынку и направился к «Нью Фэшэнбл», играя «Колыбель горца». Это было ошибкой, потому что Блисс, едва придя в себя, достал полицейский свисток и издал резкий свист. Патрулировавшие невдалеке полицейские поспешили на помощь и быстро нагнали человека, на которого им указали инспекторы. Это получилось тем более легко, что Малькольм и не думал торопиться — совесть его была чиста. Когда его окружили полицейские, он вежливо пожелал им доброго вечера и не оказал ни малейшего сопротивления.

В Ярде, несмотря на пламенное желание взять реванш, инспекторы вынуждены были признать полную невиновность своего победителя. Собираясь арестовать шотландца, они не сообщали, что служат в полиции, и томинтульский герой имел полное право защищаться. Когда полицейские поинтересовались причинами его чрезмерно долгого пребывания в «Гавайской пальме», Мак-Намара поведал о своей внезапной страсти к Патриции Поттер и тут же дал ее восторженное описание. Блисс успокоился.

— Послушайте, Мак-Намара, — сказал он, — я не сомневаюсь, что вы — честный человек, так послушайтесь моего совета: отправляйтесь за машинками для стрижки и как можно скорее возвращайтесь в Томинтул к своим драгоценным овцам!

— Без Патриции?

— Эта девушка не для вас! Во-первых, она живет с мерзавцем Дунканом, а во-вторых, мы подозреваем, что она замешана в убийстве одного из наших коллег.

— Такого не может быть, старина!

«Старина» вовсе не обрадовался подобной фамильярности.

— Вас не очень затруднит называть меня «инспектор»?

— Нисколько, старина.

Блисс кинул сердитый взгляд на Мартина, который с трудом подавлял бешеное желание расхохотаться. Малькольм же ничего не замечал — все его мысли витали исключительно вокруг мисс Поттер.

— Я лучше вас знаю Патрицию. Ей этот образ жизни не нравится.

— Почему же она его не изменит?

— Боится Дункана.

— Пусть подаст нам жалобу!

— А вы уверены, что сумеете защитить ее, старина?

— А вы?

— Что, я?

— Вы не можете помочь ей?

— По правде говоря, старина, если я рассержусь по-настоящему, то рискую зайти слишком далеко и прикончить Дункана, а заодно и второго гнусного типа, того, что все время ошивается рядом. Но у ме-

ня нет ни малейшего желания болтаться на веревке, потому как, во-первых, это слишком огорчит мою мать, а во-вторых, не доставит никакого удовольствия мне самому...

— Тогда возвращайтесь в Томинтул.

— Без Патриции не поеду.

— Ладно... Во всяком случае, не говорите потом, что вас не предупреждали.

Сэм Блум не пожелал ложиться спать, пока не узнает, удался ли план и получит ли он обещанное вознаграждение. При виде шотландца он подскочил, да так и застыл, изумленно уставившись на жизне-радостную физиономию постояльца.

— Все еще бодрствуете, мистер Блум? — весело спросил тот.

— Я... я волновался из-за того, что вы так задержались, я боялся, не заблудились ли вы.

— Все нет, старина. Зато на меня тут напали два человека. Пришлось их проучить, чтобы больше не приставали.

— А кто же... кто были эти... люди?

— Полицейские инспекторы.

— Что?!

— Только как же я мог это знать?

— А... потом?

— Потом они, конечно, позвали на помощь констеблей. Не очень спортивно, а? И все мои оказались в Ярде. Пришлось объясняться. И знаете, что они мне посоветовали?

— Что?

— Вернуться в Томинтул!

— Правда?

— Ну, а я ответил, что не поеду в Томинтул без Патриции!

— Моей племянницы?

— Вы большой шутник, старина, да? Патрицию я люблю, а все остальное не имеет значения...

— Но вы же с ней едва знакомы!

— И что с того?

— Вы... вы говорили о своих планах с ней самой?

— Даже предложение сделал посреди зала «Гавайской пальмы».

— Но почему вы выбрали такое место?

— Потому что я играл там «Нас сто волынщиков».

— Представляю, какую радость это доставило Дункану!

— По-моему, все были довольны, кроме Патриции, которая барабанила по моей голове.

— По голове? Почему по голове?

— Потому что я нес ее на плече. Спокойной ночи, старина... Я не жалую, что выехал из Томинтула. Лондон — веселый город!

Слегка затуманившимся взором Сэм смотрел, как шотландец поднимается по лестнице. Шотландец, который лупит инспекторов Ярда, играет на волынке в «Гавайской пальме» и сажает на плечо Патрицию, Патрицию — зеницу ока Дункана!

В восемь часов вечера на следующий день Малькольм Мак-Намара переступил порог «Старого капитана». Он не обратил внимания на трех верзил, не спускавших с него глаз, зато эти трое бандитов — Блэки, Торнтон и Тони, — разглядывая свою будущую жертву, очень жалели, что

не потребовали от Дункана большей мзды. Пока шотландец выбирал столик, Тони пробормотал:

— Кажется, мы влипли...

Торнтон, самый крепкий из всех, пожал плечами.

— Ба! Эти великаны на деле сплошь и рядом оказываются просто тряпками.

— Не думаю, чтобы это был тот слу- чай, — заметил Блэки, старший из троицы.

В ожидании Патриции шотландец съел три порции сарделек и выпил полбутылки виски. Необычный посетитель вызвал у хозяина кабачка, Джима-Совы, глгучее любопытство, и он подошел к столику.

— Вы здорово проголодались, как я по- смотрю, сэр.

— Проголодался? Поговорим об этом по- позже, когда мы с моей дамой будем ужи- нать.

— Как? Вы собираетесь еще и ужинать? Теперь удивился шотландец.

— Вы что, шутите, старьяна? Это же просто легкая закуска. Надо ведь как-то убить время... А что у вас сегодня в меню?

Мак-Намара заказал ужин, способный насытить четверку хороших едоков, и сно- ва принялся поглощать сарделки и вис- ки. В половине девятого появилась Патри- ция — Дункан заставил-таки ее выполнить его волю. Малькольм поспешил навстречу, взял девушку за руку и повел к столику.

— Ну вот, детка, видеть вас — настоя- щее удовольствие, а я уж боялся, вы не придете.

— Почему?

— Потому что вы такая изящная, ши- карная дама... а я? У меня на этот счет, знаете ли, мало иллюзий. Только ведь ко- гда любишь...

Несмотря на терзавшую ее тревогу, де- вушка улыбнулась:

— Бедный мой друг, что бы вы стали делать со мной в Томинтуле?

— Сделал бы из вас мать своих детей, что же еще?

— Скажите честно, Малькольм, вы пред- ставляете меня там?

— Может, не такой, какая вы сейчас... Если бы вы поехали со мной, мы пошли бы от поезда пешком... не доходя до мо- его дома, есть фонтан. Там я умыл бы ваше лицо, смыл бы всю эту краску... Угу... и вы после этого стали бы совершенно чи- стой. И мы начали бы все сначала.

Патриция разрыдалась, и все посетите- ли повернулись к гиганту. Он обхватил ее своей могучей рукой, прижал к себе и стал укачивать, как ребенка.

— Это все — волнение, — объяснил он любопытным.

Джим-Сова, все еще мучимый сомнения- ми, опять подошел к столику.

— Так будете вы ужинать или нет?

— Еще как будем!

— Но, учитывая состояние дамы...

— Вот именно, старина, вот именно... В его положении нужно как можно больше есть!

Кабатчик на секунду замер в недоуме- нии, потом в его глазах блеснул огонек

43
понимания и, улыбаясь, он поклонился мисс Поттер.

— Вы позволите выпить за здоровье ва- шего будущего малыша, мэм?

Патриция задохнулась и покраснела до корней волос. Малькольм рассмеялся, а трое убийц отчаянно пытались понять, что бы все это могло значить.

— А теперь, Патриция, расскажите-ка мне, что с вами?

— То, что вы говорили... а тут еще этот дурак...

— Да, согласен, он малость поторопился. Девушка накрыла его руку своей.

— Малькольм, не надо меня любить, я этого не стою...

— Ну, об этом судить мне.

— Как только вы узнаете...

— Я ни о чем не спрашиваю.

— Я родилась не в Лондоне, а в Уэль- се. Мои родители были крестьянами, до того нищими, что в шестнадцать лет мне пришлось уйти из дому и зарабатывать на жизнь. Я сменила много мест, одно тяжелее другого, а потом, год назад, встретила Дункана... и это было настоя- щим падением... Дункан — отъявленный негодяй, а Дэвит — убийца.

— Но если Дункан дорожит вами, по- чему он позволил вам встретиться со мной?

Он видел, что Патриция мучительно борется с собой.

— Не могу... он меня убьет... не могу, — наконец пробормотала она.

— А вы, случайно, не преувеличиваете малость?

Патриция прошептала:

— Однажды такое уже было... полицей- ский, следивший за Дунканом... а потом девушка... я им говорила... тогда он меня ударил...

Ей хотелось набраться мужества и объ- яснить ему все, описать окружение, в ко- тором страх заставляет ее жить. Рядом с этим человеком, простым и ясным, при- выкшим к освежающему ветру Шотландии и уверенным, что в жизни нет и не может быть ничего сложного, Патриция испыты- вала острое желание очиститься. Да, он прав, таких, как она, никогда не выдыва- ли в Томинтуле, и в этом его счастье. Этот большой ребенок очарован видимостью, но если бы он заглянул внутрь и увидел, что кроется за фасадом... Патриция серд- дилась на Малькольма за то, что он за- ставил ее понять всю глубину своего па- дения. Из-за него она вспомнила, как ко- гда-то дышала чистым воздухом, бегала по холмам и смеялась вместе с другими девушками и юношами. И мисс Поттер вдруг почувствовала себя старой... беско- нечно старой... А этот идлот смотрит на нее с обожанием и наверняка вообража- ет, будто и она отвечает пылу его чувств. Но ведь на самом-то деле ее подослали только для того, чтобы задержать его до одиннадцати или половины двенадцатого, а потом передать наемникам Джека! Патри- ция была откровенно себя самой, но у нее не хватало мужества предупредить шотландца. Если она все расскажет, то станет ему противна, он вернется к себе в

Томинтул, а она... она останется одна давать объяснения тем. Представив, какая ей тогда уготована судьба, девушка содрогнулась от ужаса.

— О чем вы думаете, Патриция?

Она посмотрела на шотландца так, будто он был далеко, очень далеко, вне пределов ее мира.

— Ни о чем.

— Так вот, вы чертовски красивы, когда думаете ни о чем!

Джим-Сова начал расставлять заказанные блюда, и это избавило мисс Поттер от необходимости отвечать. При виде такого обилия пищи молодая женщина удивленно воскликнула:

— Вы ждете кого-нибудь еще?

— Я? Я ждал только вас. Слишком большое счастье — побыть с вами вдвоем.

— Но... все эти блюда?

— Я так влюблен, что мне хочется есть еще больше, чем обычно!

Когда в «Гавайской пальме» бывал выходной, Питер Дэвит имел обыкновение заниматься личными делами, т. е. размышлять, каким бы образом занять место Дункана подле большого босса, того, кто заправляет торговлей наркотиками в Сохо. И все же он понятия не имел, кто бы это мог быть. Питер из кожи вон лез, пытаясь раскрыть инкогнито и получить возможность проявить инициативу. Под предлогом обхода мелких поставщиков он прощупывал почву то здесь, то там, но похоже было, что вся эта мелкота не знает никого, кроме Дункана. Несколько раз Питеру приходило в голову, что Дункан и есть этот всемогущий «Х», но тут же возникала куча всяких соображений, обрадовавших эту гипотезу в прах, более того, он не мог найти ни единого аргумента «за». Ко всему прочему, будь Дункан в самом деле большим боссом, он не оказался бы в таком тяжелом финансовом кризисе, как сейчас.

Дэвит собрался было уходить, как вдруг зазвонил телефон. Никто, кроме Джека, не знал его адреса. Питер снял трубку:

— Ну?

— Питер, мне необходимо немедленно вас видеть.

— Но...

— Я сказал: немедленно!

И не успел Дэвит возразить, как в трубке послышались гудки. Бандит в бешенстве отшвырнул ее. Как ему осточертело такое обращение Дункана! Пора с этим кончать, и чем раньше, тем лучше. Когда два человека знают друг о друге слишком много, их альянс не может напрутиться без серьезного столкновения, и Питер всеми силами призывал этот момент, однако он собирался спровоцировать противника только тогда, когда это будет выгодно ему самому, и не иначе как приняв все возможные меры предосторожности.

Патриция уже давно покончила с едой. Она закурила и стала наблюдать, как шотландец продолжает спокойно поглощать одно блюдо за другим. Зрелище это вы-

зывало у нее восторг, смешанный с легким испугом. Впрочем, завидный аппетит горца пробудил подобные чувства не только у нее. Трое наемников Дункана, как замороженные, млели от восхищения; да и прочие посетители «Старого капитана» со знанием дела оценивали дарованный slučajем великолепный аттракцион. Патрицию немного смущало всеобщее внимание.

Блэки шепнул приятелям:

— Жаль, что нам придется уничтожить такое чудо...

— Да ты, кажись, сентиментальным становишься, — хихикнул Торнтон.

— Нет, просто во мне силен спортивный дух.

Наконец Малькольм со вздохом удовлетворения отодвинул тарелку. Патриция, не удержавшись, спросила:

— И вы всегда так едите?

— Да, если не считать праздников в Томинтуле, а тогда случается и переест.

— Какие же вам доходы надо иметь только для прокорма!

Шотландец добродушно рассмеялся.

— Ну, все необходимое у меня есть. Не беспокойтесь, Патриция, поедете со мной в Томинтул — ни в чем нуждаться не будете.

Он говорил с такой уверенностью, что девушка снова размечталась, забыв о мрачном настоящем.

— Расскажите мне о Томинтуле.

На минуту он задумался, потом с сокрушенным видом покачал головой.

— Забавно... но я не могу.

— Почему?

— Потому что трудно говорить о том, что любишь. К примеру, когда я вернусь к себе в Томинтул и скажу ребятам, что встретил самую красивую девушку в Лондоне, они мне, конечно, не поверят, начнут посмеиваться и спросят: «Какая же она, эта девушка?». А я, как я сейчас понял, не смогу им ответить... потому что не найду слов. Понимаете?

— Не очень.

— Ну, вот священник, когда говорит о Боге... ему никогда не приходит в голову описывать Всевышнего. Бог заполнил его целиком, и этого достаточно. Если его спросят о Боге, я хочу сказать — о его внешнем виде, священник, он тоже ничего не сможет ответить. Так и я. Все, что я смогу сказать ребятам: «Ее зовут Патриция». Они начнут смеяться, я разобью физиономию одному или двоим, и тогда остальные мне поверят, потому что они знают меня и знают, что я никогда не лезу в драку без серьезной причины.

Немного помолчав, он продолжил:

— Томинтул — это холмы и скалы... овцы... множество овец... источники с вечно ледяной водой... и сильный ветер, продувающий землю из конца в конец весь год... и еще — наслаждение идти в полном одиночестве на этом чертовом ветру... вот что такое Томинтул. Как вы думаете, вам там понравится? — добавил он робко.

— Да... — Патриция говорила искренне.

...Но это невозможно...

— Вы боитесь, да?

— Боюсь.

— Дункана?

— Да.
 — Нечего его бояться, я ведь здесь!
 — Бедный мой Малькольм...
 Войдя в кабинет Дункана, Дэвит не стал скрывать скверного настроения.
 — Неужели вы не можете оставить меня в покое хоть один вечер в неделю?
 — Звонил патрон.
 — Ну и что? Мне противны люди, которые вечно прячутся.
 Джек посмотрел на него долгим, изучающим взглядом.
 — Не знаю, что на вас нашло в последнее время, Питер, но вы идете по опасной дорожке. Вы, я полагаю, еще не устали от жизни?

— А что?
 — Да то, что, если бы патрон узнал, какого вы о нем мнения, я недорого бы дал за вашу шкуру.
 — Уж не вы ли при случае сведете со мной счеты?
 — А почему бы и нет?
 Дэвит осклабился.
 — И вы не подумали, что я сумею защищаться?

— Нет... Дэвит. Вы — наемный убийца, и только. И хорошенько зарубите себе это на носу! А наемный убийца меньше, чем кто-либо еще, способен размышлять... Поэтому подчиняйтесь и молчите. Больше вы ни на что не годитесь.

Питера перекосило от злости.
 — Сволочи! — прохрипел он.
 Дункан спокойно ударил его ребром ладони по губам.

— Это чтобы научить вас уважать старших по положению, Дэвит.

— Клянусь, я...
 — Хватит! Инцидент исчерпан, но напоминаю вам, что это уже второй за сутки. И третьего не будет. А теперь слушайте: мне звонил патрон. Десять кило чистейшего героина ожидают в порту, чтобы за ним пришли.

Десять кило!
 — Давнеишко не было такой хорошей партии, и выручка сулит целое состояние, даже учитывая необходимость дележа... только все это очень опасно. Тот, кого спапают с таким грузом, может попроситься со свободой до конца своих дней...
 — Догадываюсь.

— Патрон хочет, чтобы мы поторопились...
 — Почему бы ему не прогуляться самому?

— Опять начинаете, Дэвит? К тому же вы сказали глупость: если бы он делал все сам, мы бы ничего не получали.

— Согласен, но на меня не рассчитывайте!

— Знаю... Слишком много легавых следят за мной и за вами. Но если бы удалось отыскать человека, способного оказать нам такую услугу, вы могли бы обеспечить его безопасность и... наблюдение?

— Само собой.
 — Ведь было бы крайне прискорбно, если бы нашему посыльному взбрела в голову фантазия оставить все себе. К несчастью, по всему Соединенному Королевству найдутся люди, достаточно бесчестные, чтобы не следовать принятым прави-

лам, и они купят товар, не задумываясь о его происхождении.

Дэвит кивнул:
 — Да, с моралью нынче плохо.
 Патриция не замечала времени. Неловкие ухаживания шотландца напомнили о ее первых воздыхателях из уэльской деревни: то же волнение, те же смущение и искренность, то же непонимание современного мира. Только в те времена она сама не знала жизни. Сегодня все было иначе. В голосе Малькольма Патриции слышались отзвуки голосов Дефайда, Аньорина, Гвиллима, Овейна...

Пока Мак-Намара воспевал очарование Томинтула, молодая женщина вновь видела уэльскую деревню, ее зимы и весны, казавшиеся тогда нескончаемыми, и глаза ее застилала слезы. Но вот, подняв голову, чтобы улыбнуться Малькольму, Патриция заметила наемников Дункана. Ей показалось, что Торнтон она видела у Джека, а по физиономиям двух остальных было нетрудно догадаться, что именно им поручено ограбить шотландца. И вот всем существом своим Патриция возмутилась. Теперь она и мысли не допускала, что может отплатить этому парню за его столь наивно выраженную нежность, передав в руки убийц. Но как взяться за дело, не скомпрометировав себя в глазах тех, кто не преминет доложить обо всем Дункану? Патриция лихорадочно искала способ выкрутиться из скверного положения. Тщетно. А тут еще Джим-Сова объявил:

— Джентльмены, время закрывать.

Посетители послушно вышли. Трио отправилось дежурить на Клементс-Лейн, куда под предлогом вечерней прогулки мисс Поттер должна была заманить шотландца. Патриция, как могла, тянула время, но все-таки настал момент, когда уже нельзя было не освободить помещение. Как осужденный на казнь старается воспользоваться последними минутами, она до бесконечности рассыпалась в любезностях Джиму-Сове и его кухне. Старый Джим, не привыкший к таким комплиментам, поскольку клиентуру его составляли в основном неотесанные обитатели рыбного базара, цвел как роза. Дабы не ударить в грязь лицом, он тоже пожелал счастья такой милой паре и, подмигнув с видом человека бывалого, закончил свою речь обращением к мисс Поттер:

— Уж вам-то никогда не придется тревожиться за своего муженька, мэм... Редко я встречал таких крепких молодцев да еще с таким прекрасным аппетитом! А уж как он на вас смотрит, сразу ясно — влюблен по уши! Если позволите высказать мое мнение, мэм, вам обоим ужасно повезло, и я вам искренне желаю, чтобы ваш малыш был таким же красивым, как его папа и мама. — И, поскольку Джим-Сова был при случае не прочь пошутить, он добавил: — Но все-таки пусть он не вырастет таким отчаянным едоком, как его папа, потому что ни одна семья в Соединенном Королевстве не сумеет насытить два таких аппетита — она просто разорится!

И Джим расхохотался над собственной остротой. Но его примеру последовал толь-

ко Малькольм. Патриция же почувствовала, что ей сдавило горло, и рассердилась на хозяина «Старого капитана» за то, что он заговорил с ней о мире, в котором ей больше нет места.

На пороге шотландец взял Патрицию под руку и шепнул:

— Видите, дорогая, вам непременно надо поехать в Томиртул.

Патриция прижалась головой к руке Мак-Намары (плечо оказалось слишком высоко) и расплакалась, чтобы хоть как-то облегчить душу. Он дал ей поплакать, а потом ласково спросил:

— Вы плачете, наверное, не без причины?

— Скажем, это из-за того, что нам скоро надо будет расставаться... Вы уедете в Томиртул... а я... я вернусь к тому, что ненавижу... и из-за вас буду еще несчастнее, чем прежде...

— Проехали вместе!

— Это невозможно, Малькольм, я не хочу, чтобы с вами случилось несчастье...

— Вы и вправду думаете то, что говорите?

— Клянусь вам!

Малькольм еще крепче прижал девушку к себе.

— Тогда не надо портить себе нервы! Мы еще увидимся, детка...

Теперь Патриция готова была перенести все наказания Дункана — что угодно, но она ни за какие коврижки не поведет своего спутника на Клементс-Лейн. В конце концов Джек, конечно, может ее убить, да стоит ли та жизнь, которая ей предстоит, того, чтобы за нее цепляться? Но в тот момент, когда Патриция уже собиралась предложить взять такси, Малькольм сказал:

— Если вы не очень устали, дорогая, мне хотелось бы немного пройтись с вами... все-таки ночной Лондон — это кое-что, нет?

И, не ожидая ответа, он повел ее вперед. Патриция не стала возражать. Со свойственным ей фатализмом молодая женщина уже не чувствовала сил что-либо предпринять, и, когда Мак-Намара свернул на Клементс-Лейн, она увидела в этом неотвратимый перст судьбы. Патриция брела в полужабыти, не в состоянии произнести ни слова. И однако все нервы были так напряжены, что она скорее угадала, чем увидела, три тени, притаившиеся у входа в дом метрах в ста пятидесяти от них. Патриция остановилась как вкопанная. Удивленный Мак-Намара тут же спросил, что с ней.

— Что это вы все время таскаете с собой в чемодане, Малькольм?

— Волянку.

— Таковую, какой в Томиртуле приветствуют свою избранницу?

— Точно.

Мисс Поттер пришла в голову блестящая мысль, и, несмотря на мучительную тревогу, ей стало весело.

— Значит, вы обманывали меня, уверяя, что любите? Где концерт в мою честь?

— Кроме шуток? Вы этого хотите?

— Даже прошу вас об этом.

Мак-Намара не заставил себя ждать, он

извлек из чемодана волянку и заиграл «С островов — в Америку».

В тихой лондонской ночи гнусавые звуки волянки разбудили громкое эхо, и молодая женщина улыбнулась, представив себе, как вытянулись физиономии убийц, которых этот неожиданный концерт должен был повергнуть в полную растерянность. Вскоре пооткрывались окна, раздались крики и проклятия, но шотландец, не обращая на все это внимания, продолжал что есть мочи дуть в трубку. После «С островов — в Америку» он переключился на «Лохабер не повторится», вызвав бурю негодования у обитателей квартала. Наемники Дункана не решились наброситься на шотландца при таком обилии свидетелей. Именно на это Патриция и рассчитывала. Полицейская машина прибыла как раз в тот момент, когда Мак-Намара заканчивал свой импровизированный концерт торжественной «Армией короля Георга V».

Услышав от Торнтона о происшествии на Клементс-Лейн, Дункан пришел в иступление, зато Дэвит, хотя и был разочарован тем, что выгодное дело сорвалось, забавлялся бешенством своего шефа. Уверенный в своей полной невинности, Торнтон защищался:

— Но, хозяин, это ж не наша вина! Мы точно выполнили все ваши приказания, тютелька в тютельку. Мы подождали, пока Джим-Сова прикроет лавочку, и вышли, оставив позади мисс Поттер и жирного голубка. Хотя, по правде сказать, шеф, нам было немного не по себе — очень уж не хотелось убивать этого парня...

— Вот как?

— Это правда, шеф, он нам понравился... Видали б вы, сколько он может съесть, глазам бы своим не поверили! И при этом все время шутит... Говорю вам, хозяин, если бы мы не знали, что при нем большой кусок, мы бы с Блэки и Тони еще подумали — такой он симпа, этот шотландец!

— Решительно, этот малый обладает даром вызывать нежные чувства! Продолжайте! — нервно хихикнув, проговорил Дункан.

— Ну вот, значит, вышли мы, как было договорено, и спрятались на Клементс-Лейн... подождали маленько и видим: появляется мисс Поттер с парнем... все шло как по маслу, чего там... и вот ни с того ни с сего этот идиот вытаскивает волянку и устраивает концерт посередине улицы, да еще в такой час!

— А что в это время делала мисс Поттер?

— Что бы вы хотели, чтобы она делала? Пришлось ей стоять и ждать, пока ее шотландец прекратит это дело, потому как уж если этому парню что взбрело на ум — прости-прощай, не остановишь!

— А потом?

— Ну, потом случилось то, что и должно было случиться: весь квартал просто взбесился, вопили из каждого окна. Настоящий цирк! Время для нападения было не самое удобное — все равно как сделать это на сцене театра! Мы подождали, надеясь, что парень утихомирится и тогда мы его чуть подальше обработаем. Какой там! Прика-

тили фараоны и загребли шотландца вместе с мисс Поттер... Такие дела...

Полицейский участок на Кеннон-стрит надолго сохранит воспоминания о ночи, которую провели в нем Малькольм Мак-Намара и Патриция Поттер. И однако начало было не из приятных — сержанта Брайана Фоллрайта терзал ревматизм в правой ноге, и он встретил виновников ночного переполоха довольно мрачно. Шотландец и Патриция, даже не пытаясь спорить со стражамн порядка, предстали пред Фоллрайтом, блаженно улыбаясь, что окончательно вывело сержанта из себя. Малькольм счел приключение скорее приятным, а Патриция была счастлива, что ей удалось спасти своего спутника от участи, уготованной ему Дунканом. Когда оба нарушителя покоя назвали свои имена, фамилии, профессии и прочее, Фоллрайт взорвался:

— Ну? И какого дьявола весь этот тарарам? Где вы, по-вашему, находитесь? И вообще, что это за дыра, Томинтул?

— Это деревушка в Шотландии, в графстве Банф.

— И чего вам там не сиделось?

— Я приехал купить машинки для стрижки овец.

— Посересть ночи? На Клементс-Лейн? Играя на вольтке? Вы знаете, что там у вас, в Томинтуле, полагается за издевательство над сержантом лондонской полиции?

В разговор вмешалась Патриция.

— Простите, сержант, но, я думаю, произошло недоразумение.

— Если это недоразумение, мисс, то в интересах вашего спутника рассеять его как можно скорее!

Мак-Намара с напускной горечью заметил:

— Я вижу, сержант, что вы с предубеждением относитесь к Шотландии и шотландцам.

Сержант встал и угрожающе выпрямился.

— Не служи я в полиции Ее Величества, за такие слова я расквасил бы вам физиономию, хотя вы моложе меня и весите по крайней мере на двадцать кило больше! Знайте, что я обрел свою жену, Элспет Фоллрайт, в Инвернесе, и если бы смерть не вырвала ее у меня, то ушел бы в отставку в Бейли!

Вместо ответа Мак-Намара взял вольтку и поднес трубку к губам.

— Вы что, взбесились? — спросил совершенно ошарашенный сержант.

Перед тем как заиграть, шотландец объяснил:

— В честь и в память Элспет Фоллрайт, которая была самой красивой девушкой Инвернесса!

И полились звуки «Ткачихи Дженни Данг». Удивление сержанта сменилось умилением, он невольно смахнул слезу, а в это время все присутствующие полицейские почтительно вытянулись по стойке смирно, отдавая честь памяти усопшей. Когда шотландец опустил инструмент, Фоллрайт протянул ему руку.

— Спасибо, ээр... А теперь поведайте мне, как другу, почему все-таки вы ре-

шили устроить концерт на Клементс-Лейн в час, когда все порядочные граждане пользуются заслуженным правом на отдых?

Малькольм указал на Патрицию.

— Потому что я ее люблю.

По-видимому, сержант никак не улавливал связи между ночным скандалом и изъяснением нежных чувств, от которого Патриция зарделась.

— Может, объясните поподробнее? — попросил он.

— У нас в Томинтуле, когда вам нравится девушка, надо рассказать об этом всем. А что может быть красноречивее вольтки? К примеру, кто-то работает и вдруг слышит звуки вольтки. Тогда он говорит себе: «Ага, вот влюбленный!» Он бросает все свои дела, чтобы глянуть, кто же это, и видит: парень следует за девушкой, а та делает вид, будто ничего не слышит и не замечает. Если она не согласна, то велит ухажеру оставить ее в покое и играть где-нибудь подальше. И наоборот, если она позволяет ему следовать за собой, то при всех вреде как дает слово... Ну вот, я начисто забыл, что мы в Лондоне.

Сержант вздохнул.

— Если бы вы проторчали тут почти пятьдесят лет, как я, то не позволили бы себе роскошь забыть! Побудьте здесь до тех пор, пока зря не наберется мужества осветить этот проклятый город... Присаживайтесь вместе в уголке... говорите друг другу всякую нежную чепуху, когда-нибудь вы вспомните с умилением и эту ночь, и старого скота сержанта, задержавшего вас в участке.

Торнтон давно ушел. Дункан и Дэвит долго молчали. Наконец Питер, которому до смерти надоело сидеть сложа руки, заметил:

— Такое выгодное дело — и опять уходит из-под носа!

— От случайностей не застрахуешься!

— Кое-что сделать все-таки можно.

Дункан уставился на своего приспешника.

— Вы знаете такой способ?

Дэвит вытащил пистолет.

— Против этой штуки ни одна случайность не устоит. Я тихонько пойду за шотландцем, пристрелю в укромном уголке, заберу пять тысяч фунтов, и ни с кем не придется делиться.

— Может статься, и со мной тоже? Хапнете денежки — и тью-то!

— Я не позволю вам!..

— Вы ничего не можете ни позволить мне, ни не позволить. Питер, я устал повторять вам это на каждом шагу. Все ваши великие замыслы — сплошная глупость. Полиции известно, что Мак-Намара бывает в «Гавайской пальме», за нами слишком пристально следят. И их первой заботой будет явиться сюда.

— Ну и что?

— А то, что к нам еще крепче прицепятся как раз в тот момент, когда необходимо, чтобы нас оставили в покое.

Дэвит пожал плечами.

— Если вас не интересуют пять тысяч...

— Нет, когда я могу заработать гораздо больше.

— Не секу.

— Я не знаю, Дэвит, небо или ад послали нам этого шотландца, но уверен, что это сделал наш благодетель.

— Это еще почему?

— Потому что если мы сумеем взяться за дело толково, то именно наш спец по кошачьим концертам сходит за героином и притащит его сюда под носом у джентльменов из Скотленд-Ярда.

Ни Малькольму, ни Патриции не хотелось спать. Они сидели, взявшись за руки и забыв обо всем на свете. Полицейские, в свою очередь, не обращали на них внимания. Мисс Поттер мечтала, что навсегда покончила с миром дунканов и дэвитов и что теперь у нее свой, новый мир, в котором шотландец всегда будет держать ее за руку. А он рассказывал о Томинтуле. Можно было подумать, Мак-Намара вообще не способен говорить на другую тему.

— Не может быть, дорогая, чтобы вам хотелось остаться в этом городе, где так плохо дышится, а? Я, конечно, не говорю, что в Томинтуле масса развлечений, но когда как следует прогуляешься, ничего не хочется так, как вздремнуть. И потом там каждый раз все по-новому... я не очень-то умею объяснять... Вам надо поехать и посмотреть.

— Так значит, все, что было до нашей встречи, вам безразлично?

— Да нет, не совсем так... только... это меня не касается. Если вы согласитесь поехать, я увезу с собой другую, новую Патрицию.

Она покачала головой.

— Это было бы нечестно с моей стороны.

Девушка чуть слышно заговорила, и один из полицейских, случайно взглянувший в их сторону, решил, что она нашептывает слова любви. Это напомнило ему молодые годы. Все мы одинаково глупы.

— Очень трудно бежать из среды, в которой я живу, Малькольм... Я слишком много знаю о них, чтобы меня отпустили...

— Кто?

— Дункан, Дэвит и тот, кто стоит за ними, — особенно. И хоть я его не знаю, он-то наверняка знает меня.

Мак-Намара поиграл мышцами.

— Я бы посоветовал всей этой шушере сидеть тихо.

Пат умиленно улыбнулась.

— Бедняга Малькольм, ваша сила ничему не поможет... они нанесут удар в спину... как всегда...

— Вы думаете?

— Уверена.

— Простите, дорогая, но ведь все-таки людей не бивают просто так, ни за что ни про что!

— Мой побег с вами был бы достаточной причиной. Они бы испугались, что я все расскажу полиции!

— Но что особенного вы можете рассказать?

Патрицию так раздосадовала непонятливость наивного горца, что она забыла polysицу «молчание — золото».

— А то, что «Гавайская пальма» — центр торговли наркотиками в Сохо!

— Наркотиками?

— Морфином, героином и прочей мерзостью, которая приносит богатство тем, кто ею торгует, а тех, кто покупает, в конце концов вгоняет в гроб.

— Ладно, понял. А если вы пообещаете молчать?

— Они считают, что вполне надежны в этом плане только покойники.

— Сдается мне, все это только пустые угрозы! Ваши Дункан с Дэвитом строят из себя гангстеров, а на поверку, может статься, не способны свернуть шею даже курице! Нет, дорогая, по-моему, вы все это сочиняете нарочно, чтобы меня не огорчать.

— Не огорчать?!

— Да. Потому что на самом деле просто я вам не нужен.

Это заявление так потрясло Патрицию, что она решилась.

— Послушайте, Малькольм, клянусь, я уехала бы с вами, если бы могла. Но я не хочу, чтобы из-за меня с вами стряслась беда. Вы не знаете, на что способны эти люди. Я расскажу вам кое-что, но, умоляю, сразу же забудьте мои слова — ведь стоит им только узнать, что я вам проболталась, и меня немедленно приговорят к смерти. Однажды — это было несколько месяцев назад — один инспектор из Ярда чуть не вывел на чистую воду все их махинации с наркотиками... Была одна несчастная девушка... наркоманка... Он пришел к ней домой, но Дункан проведаль об этом и послал Дэвита. Питер убил их обоих — и девушку, и полицейского. Джек боялся, что от девушки — ее звали Джа: нет Банхилл — инспектор узнает, что он замешан в торговле наркотиками.

У шотландца был такой вид, будто он вдруг обнаружил, что некий особый мир, в реальность которого он до сих пор не верил, существует на самом деле.

— Так что же это... как в детективах?

— Инспектора звали Джеффри Поллард... Если вас интересуют подробности, зайдите в первую попавшуюся редакцию на Флит-стрит и полистайте подшивку газет... Теперь вы убедились, что вам лучше больше не видаться со мной и как можно скорее вернуться в Томинтул к своим овцам?

— У нас, дорогая, вовсе не принято бросать девушку в беде!

— Но, упрямец вы этаким, поймите же наконец!

— Я понял, что вы влипли в историю и что я должен помочь вам выкарабкаться. Я очень жалею и полицейского, и девушку, о которых вы мне рассказали, но это дело конечно и меня не касается... А вот вы — это совсем другое! Я увезу вас в Томинтул!

— Ну вот, как бы вам это объяснить, у нас были неприятности...

Стоя посреди кабинета Дункана, куда ранним утром он пришел вместе с Патрицией, Мак-Намара пытался рассказать Джеку и Питеру о ночных приключениях. Те молча тарасили на него усталые от бессонной ночи глаза. Увидев Патрицию, хозяин «Гавайской пальмы» тут же послал ее наверх.

— Потом разберемся, — только и сказал он.

Как всегда, при виде Джека девушка почувствовала, что все ее существо охватывает ледяной ужас, поэтому она лишь улыбнулась шотландцу жалкой улыбкой и исчезла. Малькольм худо-бедно рассказал ночную одиссею и замолчал.

— Вам повезло, Мак-Намара, — сказал, подумав, Джек.

— В чем это?

— Что случайный свидетель подтвердил мне все насчет полиции. Кажется, вам очень нравится мисс Поттер?

— Очень.

— А вам известно, что она, в сущности, моя жена?

— Да.

— И вас это не смущает?

— Пожалуй, немного.

— Ах, все-таки, значит, это создает кое-какие неудобства?

— Потому что я хотел бы увести ее в Томинтул и пожениться.

Джек ответил не сразу. Но даже Дэвит, хорошо знавший хозяина «Гавайской пальмы», лишь по дыханию определил, что тот едва сдерживает ярость.

— Вы считаете нормальным, чтобы она меня бросила?

— Готов возместить вам убытки, старина.

— Так вы очень богаты?

— Не жалуюсь.

— Послушайте, Мак-Намара, по правде говоря, в последнее время у нас с Патрицией не все ладно... и, право же, захотела она заново строить жизнь с парнем вроде вас... я, может, и не стал бы перечить... Только, сами понимаете, мне ведь недешево стоило сделать из нее звезду эстрады...

— Так чего же вы хотите?

— Мне нужен человек, готовый оказать услугу... очень важное дело... и довольно-таки опасное, откровенно говоря...

— А?.. Такое опасное, что...

— Совершенно верно!

Казалось, шотландец колеблется.

— Но если я окажу вам эту услугу, вы и вправду отпустите мисс Поттер?

— Даю вам слово.

— Стало быть, по рукам! Что надо сделать, старина?

— Приходите ко мне сюда сегодня вечером, и мы обо всем договоримся.

Убедившись, что Мак-Намара ушел, Дэвит в экстазе воскликнул:

— Невероятно! Неужели такие дураки еще водятся на свете?

— Вот и видно, Питер, что вы никогда не были влюблены!

— Во всяком случае, не настолько, чтобы поверить вам на слово, Джек!

— Это я и имел в виду.

ГЛАВА IV

ПАТРИЦИЯ прилегла отдохнуть — ночь, проведенная в полиции, несколько истощила ее силы, — но спала плохо. Стоило закрыть глаза — и воображение начало рисовать пейзажи Шотландии. Девушке грезилось, что

она, в твидовом костюме и в сапогах, с трудом поспевает за Малькольмом, а он ведет ее на вершину холма «показать» ветер своей страны. Малькольм... Патриция даже не пыталась скрыть от себя самой, что влюбилась в могучего шотландца, но в то же время прекрасно понимала: ей не стать его женой, ведь Джек не даст ей ускользнуть! Бедняга Малькольм, воображающий, будто в Лондоне, как в Томинтуле, все можно решить ударом кулака... Мечтая о будущем, в котором ей было отказано, малодая женщина не могла не сравнивать его с тем, что обещает в дальнейшем ее вынужденное присутствие рядом с Джеком. Волна отвращения захлестывала ее, и Патриция стала всерьез подумывать о смерти: теперь, когда она встретила Мак-Намару, продолжать прежнее существование казалось невыносимым. Наконец, Патриция забылась тяжелым сном, и ей снилось, будто Малькольм в главе шотландских кланов захватывает Сохо, чтобы освободить ее. Патриция с криком проснулась в тот самый момент, когда ее возлюбленный в разгаре сражения схватил Дункана за шиворот и занес над ним свой клаймор*.

У постели стоял Дункан и слегка озадаченно смотрел на молодую женщину.

— Это... вы? — пробормотала она.

— Вас, кажется, мучают кошмары, дорогая?

— Эта ночь в полиции меня доконала.

— Сочувствую, но пенять вам следует только на себя.

→ Почему?

— Если бы вы вели себя умнее, то уж, наверное, смогли бы помешать своему кавалеру столь эксцентрично выражать восхищение!

— С Малькольмом очень трудно справиться.

— Ах, он уже для вас Малькольм?

— Я хотела сказать...

— Я все отлично понял, Патриция... Вам безумно нравится этот парень, так ведь?

Мисс Поттер вдруг почувствовала, что не может больше постоянно дрожать и подчиняться.

— Да, безумно, — сказала она, глядя Джеку прямо в глаза.

— И, может быть, именно поэтому вы ничего не предприняли, чтобы облегчить его кошелек?

— Я не воровка!

— Кто вы и кем вам быть, решаю один я!

— А по какому праву?

Джек улыбнулся, разыгрывая добродушие.

— Неужели вы и в самом деле хотите, чтобы я вам это объяснил?

— Нет.

— Тем лучше... Вы снова становитесь разумны... Все это, конечно, нервы... И о чем же вы беседовали всю ночь среди джентльменов из полиции?

— О его родине.

— Естественно... и, несомненно, время быстро текло в мечтах о совместном будущем и жизни, начатой заново?

Он рассмеялся.

* Шотландский обоюдоострый меч с широким лезвием. — Прим. авт.

— Честно говоря, Патриция, я плохо представляю вас в роли пастушки! К счастью, есть я, и я не позволю сделать глупость, которая испортила бы вам жизнь!

— Больше, чем сейчас, испортить уже невозможно.

— А ведь вы, кажется, неблагодарны, Патриция. Меж тем у вас есть платя, драгоценности, деньги, вам сопутствует успех... Чего же вы еще хотите?

— Дышать чистым воздухом и избавиться от этой вони!

— Осторожно, Пат... На вашем месте я бы взвешивал слова... нынче утром я очень терпелив, но все же не стоит превышать меру!

— Джек...

— Да?

— Отпустите меня!

— Куда ж это?

— В Шотландию.

— По-моему, вы теряете рассудок, дорогая моя! Уж не забыли ли вы, что я вас люблю?

— Какой смысл в этой лжи? Совсе вы меня не любите, а я так просто ненавижу вас!

— Врать очень гадко, дорогая! И если вы позволите мне говорить откровенно, признаюсь, что мне нисколько не мешает ваша ненависть, напротив — это даже придает некоторую пикантность нашему союзу! Вы не находите? Посмотрите на Дэвита... Он меня ненавидит. А меня это забавляет. Он только и мечтает, как бы меня прикончить, и знает, что мне это известно. Таким образом, наш альянс не рискует погрязнуть в однообразии...

— Когда-нибудь вы на секунду забудете об осторожности...

— И не надейтесь, дорогая. Я прошел суровую школу... А что касается вашего шотландца, то ему крупно повезло. Не будь он мне еще нужен...

— Что было бы с ним?

— В настоящий момент он сравнивал бы прохладу вод Темзы с атмосферой родных холмов.

— Неужели вы посмеете убить этого несчастного только за то, что он честен и наивен?

— Разумеется, нет, дорогая, я убью его, потому что он осмелился поднять глаза на вас, — такие вещи я не прощаю. У меня есть слабость держаться за свою собственность. Жаль, конечно, что его обожание не оставило вас равнодушной, тогда я ограничился бы хорошим уроком — поучить приличным манерам никогда не вредно. Коротче, смотрите-ка, какая странная штука жизнь, — если с этим субъектом и впрямь случится что-то скверное, он будет обязан этим вам.

— Не позволю!

— Что мне нравится в вас, Патриция, так это ваша детская манера бурно реагировать, не заботясь ни о какой сдержанности. Когда я был в Оксфорде... Да-да, дорогая, я учился в Оксфорде, правда, ничем особенно не блистал среди студентов Магдалена-колледжа, до тех пор пока меня не выгнали... так... за ерунду... Итак, когда я был в Оксфорде, нам постоянно внушали, что каждую проблему надо обдумать со

всех сторон, а уж потом принимать решение. Жаль, что вы не прошли через Оксфорд...

— Глядя на вас, я об этом не жалею!

— Я ценю ваше умение подавать реплики, Патриция, но если бы вам не предстояло петь сегодня вечером, то показал бы, что за дерзость приходится платить... Досадно, что помятая физиономия может шокировать публику...

Патриции снова стало страшно: ироничное хладнокровие Джека пугало даже больше, чем прямое насилие. И все-таки из любви к Малькольму молодая женщина продолжала настаивать:

— Чего вы хотите от шотландца?

— Вы так за него волнуетесь? Пожалуй, даже слишком... но я не хочу, чтобы вы воображали новость что... просто он сходит за пакетом, за которым сам я прогуляться не могу.

— А что в пакете?

— Любопытство — отвратительный порок.

— Наркотики?

Теперь и тон, и поведение Дункана резко изменились.

— Довольно! Не суйте нос в эти дела, Патриция! И послушайтесь моего совета, если дорожите своей мордашкой и жизнью! Иначе...

— Как Джеффри Поллард и Джанет Банхилл?

Ненадолго воцарилась тишина. Патриция понимала, каких бешеных усилий Дункану стоит сдержаться и не ударить ее. Наконец он глухо проговорил:

— Вот теперь вы можете быть совершенно уверены, дорогая, что не покинете меня никогда.

— Я избавлюсь от вас, когда вы попадете на виселицу!

— Случись такое несчастье, вам уже не придется радоваться... А теперь, когда мы вполне объяснились, отдохните хорошенько. Я хочу, чтобы к вечеру вы были в блестящей форме. До скорого, дорогая!

Уже на пороге Дункан обернулся и с улыбкой произнес:

— Право же, прискорбно, что на вас так сильно действуют звуки волынки...

Сэма Блума терзала неврастения. Он заболел ею с тех пор, как узнал, что западная, приготовленная для его шотландского постояльца, не сработала, и тщетно пытался лечиться с помощью виски. Сэм Блум верил предсказательницам судьбы, гадалкам и прочим разновидностям прорицателей. Миссис Осбрейт, одна из самых известных ясновидящих в Сохо, заявила, что Сэм вступает в наиболее опасный отрезок своего астрального бытия, а посему самое мудрое для него — вооружиться философским терпением. Это поможет противостоять ударам, которые готовит судьба. Сэм унаследовал от иудейской религии веру в карающего Бога, чьи законы преступать не рекомендуется. И, хотя Блум считал себя атеистом, в его крови жили древние верования в проклятие и отищение. Последствия бели Джеффри Полларда и Джанет Банхилл Сэму казалось, что гнев Господень вот-вот обрушится на его голову, и он заранее трепетал от ужаса. Но и в самом

страхе Блум не мог почерпнуть последнего мужества—мужества отчаяния—и изменить образ жизни. Неудача покушения на шотландца, покушения, инспирированного им самим, казалась Сэму одной из вех в веренице грозящих ему катастроф. А что, если это всего лишь пролог? Поэтому, увидев входивших в гостиницу инспекторов Блисса и Мартина, Блум приготовился к наихудшему.

В отличие от суперинтенданта Бойлава инспекторы Блисс и Мартин решительно отказывались отнести смерть своего товарища Полларда ко второй графе ярдовского списка побед и поражений. Как только им это позволяли служебные обязанности, оба инспектора возвращались в Сохо и упрямо выходили на охоту. Они знали, что убийца их коллеги связан с «Нью Фэшнэбл» и «Гавайской пьямой», и мечтали, прежде чем предать его королевскому правосудию, побыть с этим мерзавцем наедине. Инспекторы тщательно и терпеливо исследовали каждую ниточку, способную вывести на след. Они убедились, что ни Дункан, ни Дэвит не управляют подпольным бизнесом в Сохо и что за ними стоит кто-то другой. Но дальше этого их сведения не шли. Местные информаторы только подтверждали уже известное, а никакой новой информации дать не могли. По счастью, Блисс и Мартин обладали огромным упорством и не теряли надежды. Они будут продолжать поиски до конца.

В тот день Блисс и Мартин сочли, что настало время всерьез объясниться с Сэмом Блумом, поскольку, в каком бы направлении ни шли поиски, инспекторы неизбежно наткнулись на Сэма. В «Нью Фэшнэбл» жил Поллард, в «Нью Фэшнэбл» Джанет Банхилл приходила за наркотиками, и, наконец, в «Нью Фэшнэбл» поселился этот шотландец, на чей счет работники Ярда никак не могли составить определенного мнения: то ли это олух, которого Патриция Поттер водит за нос, то ли проходимец, изображающий наивного провинциала, чтобы тем легче облопошить всех и вся?

Блисс и Мартин подошли к конторке, жалкому убежищу хозяина гостиницы.

— Привет, Блум!

— Здравствуйте, господа! Каким добрым ветром?..

— Добрым? Мы что-то не очень в этом уверены, а, Мартин?

— И впрямь не очень, Блисс.

Сэм почувствовал, что с трудом сглатывает слюну. Блисс наклонился к нему и доверительно произнес:

— Видите ли, Сэм, Поллард был нашим другом...

Блум изобразил недоумение.

— Поллард?

— Не ваяйте дурака, Блум, иначе вы немедленно об этом пожалеете! Вы явно не можете не знать, что под именем Гарри Карвила в вашей гостинице останавливался инспектор Джеффри Поллард.

— Уверяю вас, джентльмены...

От резкого удара в солнечное сплетение Сэм задохнулся, а Мартин невозмутимо продолжал:

— Так вы не читаете газет, Сэм? В противном случае вы бы непременно узнали

своего постояльца, увидев фотографию убитого инспектора Полларда.

— Теперь, когда вы мне сказали об этом...

— Ну-ну?

— Я был так далек от мысли, что этот жалкого вида субъект мог оказаться одним из ваших коллег...

— В этом мы не сомневаемся, Блум, иначе вы бы не предложили ему наркотики.

— Я?

— Да, вы. Поллард успел сообщить нам.

— Но это клевета!

На сей раз куда-то Блисса пришел в соприкосновение с носом Сэма, тот жалобно взвыл, и слезы градом хлынули из глаз.

— Вы... вы не имете права!

Блисс повернулся к коллеге.

— Слышите, Мартин? Мы не имеем права. Что вы об этом думаете?

— Право на что, Блисс?

— Не знаю. Какого такого права, мистер Блум?

— Бить меня.

— Вы били нашего гостеприимного хозяина, Мартин?

— Я? Ни за что бы себе такого не позволил!

— Вот и я тоже. — И с этими словами Блисс снова стукнул Сэма. Тот рухнул на пол. Перегнувшись через конторку, Мартин схватил Блума за шиворот и поставил на ноги.

— Не очень-то вежливо покидать нас так скоро!

Теряя рассудок от страха, хозяин «Нью Фэшнэбл» пробормотал:

— Но что... что... что вам от меня нужно?

— Имя того, кто поставляет тебе наркотики!

Сэм быстро прикинул в уме: полицейские, конечно, могут здорово его помучить, но не убьют, зато стоит заговорить — и Дункан уж точно в живых не оставит. Решив молчать, Блум приготовился к жестокой трепке.

— Не понимаю.

— Ну, раз дело только за этим, мы сейчас живо все объясним и в подробностях.

Блисс уже занес руку для удара, как вдруг почувствовал, что взлетает. Врезавшись с лету в стену, инспектор потерял сознание. Мартин, в полном оцепенении, не успел пошевелинуться, как кулак Мак-Намара въехал ему в подбородок. Второй блюститель закона грохнулся на пол. Вытаращив глаза, Сэм Блум наблюдал за этим молниеносным сражением, но, вместо того чтобы радоваться, подсчитывал, во что ему это обойдется. Тем временем шотландец, переведя дух, улыбнулся Сэму, несомненно, ожидая слов благодарности.

— Теперь мне конец, — просто сказал Блум.

На сей раз удивился Мак-Намара.

— Ну и странное же вы люди тут, в Лондоне, старина! Я избавил вас от двух гангстеров, и это все, что вы можете мне сказать?

— Но, черт побери, это же вовсе не гангстеры!

И, показывая на обонх выведенных из строя мужчин, Сэм жалобно добавил:

— Инспекторы Блисс и Мартин из Скотленд-Ярда!

— Боже милостивый! Я их не узнал!
— Если хотите послушаться доброго совета, вам лучше смяться!

— Еще бы!

Шотландец мгновенно испарился. Блум не успел подумать, как ему себя вести, чтобы смягчить последствия побоища, а на пороге гостиницы уже вырос констебль Майкл Торнби.

— Скажите-ка, Блум, — закричал он от двери, — чтостряслось с этим типом в юбочке, который сейчас вылетел отсюда как оглашенный?

Сэму не пришлось отвечать, потому что констебль и сам увидел распростертых на полу инспекторов.

— Что с ними? — спросил он.

— Нокаут.

— И это вы? — в голосе полисмена прозвучала нота почтения.

— Нет, шотландец.

— А почему?

— Решил, что это налетчики.

— А что оказалось? Знаете, Блум, у вас изрядно-таки разбита физиономия.

— Обычный допрос.

— Вы что, пьяны, Блум?

Сэм, решившись, указал на по-прежнему недвижимых полицейских:

— Инспектор Блисс и инспектор Мартин из Скотленд-Ярда.

Малькольм Мак-Намара прогуливался по Сохо, раздумывая, где бы позавтракать, когда прямо перед ним остановилась полицейская машина. Выскочившие оттуда трое полицейских окружили шотландца.

— Вы — Малькольм Мак-Намара?

— Да.

— Живете в гостинице «Нью Фэшэзэбл»?

— Да.

— Вас ожидают в Скотленд-Ярде.

— Но...

— Там вам все объяснят. Садитесь, сэр.

Войдя в кабинет Блисса и Мартина, шотландец тотчас же увидел скорчившегося на стуле и, казалось, совсем обессилевшего Сэма Блума.

— Глядите-ка, вот и Айвенго! — воскликнул Мартин при виде Мак-Намары и с угрожающим видом направился к Малькольму. — Скажите, вы, живая гора, у вас что — национальный спорт колотить полицейских?

— Э-э-э, понимаете, старина, дело в том, что я не узнал вас...

— Правда?

— Я подумал, это ограбление.

— Черт возьми! И часто вы видели гангстеров, похожих на нас?

— Ну, старина, я с гангстерами не общаюсь... и потом... лицо мистера Блума... вы понимаете? У него шла кровь из носа... я не знал, что в Лондоне полицейским разрешается колотить кого попало...

— Умнее всех, да?

— Кто?

— Вы!

— В Томиноле так не думают. Они там шепчутся между собой, будто у меня больше мускулов, чем мозгов.

— Да ну? Шепчутся, значит?

— Да, потому что знают: услышу — морду разобью.

Мартин с досадой повернулся к коллеге.

— Что вы об этом думаете, Блисс?

Тот пожал плечами.

— Тяжелый случай!

И Блисс в свою очередь подошел к шотландцу.

— Вы начинаете нам серьезно мешать, сэр.

— Поверьте, мне очень жаль.

— А ведь вам уже советовали вернуться в Томинолу!

— Успокойтесь, именно это и я собираюсь сделать.

— Лучше всего вам было бы сесть на поезд прямо сегодня, потому что...

— Что?

— ..Если мы еще раз столкнемся, это может кончиться для вас весьма плачевно!

— Вы думаете?

— Уверен... старина!

Дункан, Дэвит и мисс Поттер пили чай. Завонил телефон, и Дэвит пошел к аппарату. Вернулся он встревоженный.

— Это шотландец, Джек...

Патриция быстро подняла голову.

— Вас это, кажется, очень волнует, Пат? — насмешливо спросил наблюдавший за ней Дункан и, не ожидая ответа, повернулся к Питеру. — Ну? Чего он хочет?

— Парень только что из Ярда.

— Что?

Дэвит рассказал о приключениях Мак-Намары с полицейскими.

— Вы не находите, что он становится несколько... ну, скажем, слишком заметным, что ли?

— Да нет... чем больше этот тип чудит, тем меньше шансов, что его в чем-нибудь заподозрят.

— Вы уверены?

— Но его же отпустили!

— Да, зато оставили у себя Сэма...

Джек вскочил.

— И вы не сказали мне сразу! Черт возьми, вот это действительно паршиво! Я несколько не доверяю Блуму. Если эти джентльмены начнут расспрашивать... с пристрастием, он не выдержит.

— Ну, не так уж много он знает.

— Слишком много. Боюсь, с Сэмом все-таки придется покончить.

— Что ж, остается улучшить удобный момент.

— Опять убийство! Еще одно... — застонала Патриция.

— На вашем месте я бы помолчал, дорогая, — сухо заметил Дункан.

— Иначе меня ждет судьба Сэма?

— А почему бы и нет? Питер, позвоните адвокату. Скажите, что я еду к нему. Только Билл Море способен аккуратноенько выдрать Блума из лап этих господ!

Оставшись вдвоем, Патриция и Дэвит долго молчали. Потом Питер вкрадчиво спросил:

— Похоже, у вас с Джеком сейчас нелады?

— И вы еще спрашиваете? Я никогда не скрывала от вас, что ненавижу Джека!

— Так почему же тогда не пытаетесь сбежать?

— Боюсь.

— Не понимаю.

— Я боюсь, что он найдет меня везде... куда бы я ни скрылась.

— А если он умрет?

Патриция изучающе посмотрела на Дэвита.

— И вы... это сделаете?

— А почему бы и нет?

— Хватит с меня крови, убийств... хватит... хватит... хватит!

Перегнувшись через стол, Питер взял девушку за руку.

— Я тоже устал от этой жизни, Патриция! Я люблю вас, вы давно об этом знаете... Бежим вместе? Клянусь, я сумею обеспечить вам вполне безбедное существование!

— А как же Джек?

— У нас с ним старые счеты, пора подвести итог.

— У меня нет ни пенни, если не считать драгоценностей, и вы сам, Питер...

— Мы сбежим, прихватив с собой много тысяч фунтов.

— Где же вы их возьмете?

Дэвит понизил голос.

— Послушайте, Патриция, я доверю вам все свои планы... если предадите меня — подпишете мой смертный приговор. Но без вашего согласия я не стану ничего предпринимать.

— Я вас слушаю.

— Дункан вам наверняка рассказал, что прибыли десять кило героина... он отправит за ними шотландца... это целое состояние. Я должен буду следить за парнем и в случае чего помочь... Если вы согласитесь бежать со мной, я перехвачу Мак-Намару...

— Что вы под этим подразумеваете, Питер?

— Не беспокойтесь, просто пугану как следует.

— Вы серьезно думаете, что способны его испугать?

— Ну, короче, найду способ отобрать пакет. И мы будем богаты!

— Неужели вы воображаете, будто Дункан...

— С Дунканом я справлюсь, бояться надо не его, а того, другого!

— Кого?

— Хозяина... если бы мне только удалось узнать, кто он такой! Я бы сдал голубчика в полицию, и путь был бы свободен!

* Вы законченный мерзавец, Питер!

Патриция!

— Подлец! Можете не сомневаться, если я когда-нибудь и попытаюсь бежать из этого ада, то уж никак не с вами!

— Может быть, с этим овечьим сторожем? — злобно прорычал Дэвит.

— Если бы этот «овечий сторож» узнал, какое вы мне сейчас сделали предложение, он бы превратил вас в бифштекс!

— Запомните, Патриция, сильных мужчин я убиваю с особым удовольствием...

В конце концов под натиском адвоката Билла Море инспекторам Блиссу и Мартину пришлось отпустить Сэма. Прожженный законник не пользовался особым уважением коллег, но никто не оспаривал его юридические познания, ум и ловкость. Блум вернулся в Сохо, мучимый самыми мрачными предчувствиями. Сэм не сомневался, что, невзирая на все ухищрения адвоката, Ярд теперь не спустит с него глаз и однажды какая-нибудь из бесконечных полней-

ских ловушек сработает. Блум знал, какими упорством и хваткой обладает полиция, и не видел ни малейшего шанса ускользнуть. Приближаясь к дому, Сэм с каждым шагом все горше оплакивал себя и свою судьбу. У него не было ни единого друга, все его ненавидели и презирали. Ведь только потому, что никто не захотел протянуть руку помощи, Блуму пришлось бросить отцовскую лавку портного и пойти в услужение к торговцам наркотиками. Но и тут из-за невзрачности и хилости, из-за жалкого вида, унаследованного от многих поколений несчастных, избиваемых то теми, то другими, и, наконец, из-за того, что он привык жить в грязи и прекрасно себя там чувствовал, хозяева вечно держали его в черном теле, не доверяя никаких серьезных поручений. Сэм так всегда и оставался в подчиненных. Он с этим смирился, но в душе глубоко страдал и воображал всякие апокалипсические способы отмщения.

В «Нью Фэшнэбл» хозяина встретил Эдмунд, как всегда усталый, погасший, сломленный.

— Так, значит, вас отпустили?

— Тебе какое дело?

— О, вы ведь знаете, а? Если я что говорю, то так только, чтобы что-то сказать, а на самом деле мне на все глубоко наплевать.

Сэм горько усмехнулся.

— Твоя преданность мне известна, Эдмунд!

— Она равна заработку, хозяин!

— А ну-ка пойдешь сходи наверх да пощи меня там.

— Конечно, хозяин, с радостью, я ведь твердо знаю, что вас там нет!

Блум продолжал держать Эдмунда на службе, несмотря на его грубость и лень, во-первых, потому что почти ничего ему не платил, а во-вторых, только один Эдмунд и был еще жалче Сэма, лишь его одного на всем свете хозяин «Нью Фэшнэбл» мог ругать в свое удовольствие. Ведь человек соглашается постоянно терпеть колотушки только в том случае, если ему есть на ком отыграться..

Добравшись до конторки и удобно устроившись, Сэм всерьез задумался о своем будущем. С одной стороны — полиция дала ему всего-навсего небольшую отсрочку перед тем, как посадить в тюрьму. С другой — от предков, сумевших выжить исключительно благодаря выработанному ими умению постоянно предвидеть опасность, Блум унаследовал редкостную интуицию. Смерть Полларда, жившего в его гостинице, и Джанет Банхилл, постоянной клиентки, оправдали бы арест хозяина «Нью Фэшнэбл» в глазах любого суда присяжных. Раз его оставили на свободе, значит, полицейские надеются, что от Сэма ниточка потянется к крупным воротилам, к тем, кто ведет всю игру. А эти последние в своем падении неизбежно увлекут за собой Сэма. Сделав такой вывод, Блум стал соображать, не выгоднее ли попробовать выторговать у Ярда свободу в обмен на небольшое предательство.

(Окончание следует)

СТАНЕТ ЛИ КОРОЧЕ ОЧЕРЕДЬ НА КВАРТИРУ?

ИНТЕРВЬЮ
С ПИСЬМАМИ
В РУКАХ

За последние полгода в редакцию журнала заметно возрос поток писем по жилищным вопросам. Анализ их выявил вот какую характерную деталь: во многих жалобах, заявлениях речь идет не только и даже не столько о трудностях в получении «крыши над головой», сколько о полном неведении военнослужащих и членов их семей относительно того, как решается эта острейшая проблема в Вооруженных Силах, во внутренних войсках, какие за последнее время появились на сей счет регламентирующие документы. А нового здесь, как выяснилось, немало.

Наш корреспондент встретился со старшим офицером управления тыла ГУВВ МВД СССР подполковником Н. ВЕСЕЛОВЫМ и попросил прокомментировать наиболее принципиальные изменения, касающиеся ситуации с обеспечением жильем.

— Николай Михайлович, в ряде писем с мест звучит упрек в адрес высших эшелонов власти, а также и в адрес МВД СССР, ГУВВ МВД СССР — дескать, загнали квартирную проблему для военных людей в тупик и ничего не предпринимают, чтобы поправить положение. Признавая справедливость критики насчет остроты проблемы, нельзя, видимо, согласиться с тем, что совсем ничего не меняется в этом плане.

— Абсолютно верно. За последнее время в нашем обществе немало делалось и уже сделано по повышению социальной защищенности военнослужащих и членов их семей. Коснулись эти процессы и такого острейшего и большого вопроса, как жилищный. В частности, изменен порядок

прописки офицеров, прапорщиков, мичманов, военнослужащих сверхсрочной службы и их семей, прибывающих к новому месту службы. Не буду особо детализировать эти вопросы, их журнал уже подробно осветил в своей недавней публикации «Бомжи при погонах». Добавлю лишь, что 7 сентября 1989 года принято постановление Совета Министров СССР № 734 — о мерах по улучшению обеспечения жилплощадью военнослужащих запаса или в отставке. Оно наряду с другими важными вопросами касается и порядка прописки. Этого документа ждали с особым нетерпением многие и многие из числа тех, кто или уже покинул строй, или готовится к увольнению. Несмотря на принятые ранее решения партии и правительства, в частности, постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 января 1960 г. № 74 и Совета Министров СССР от 17 февраля 1981 г. № 193, по своевременному обеспечению уволенных ветеранов жилой площадью после прибытия на избранное место жительства, они обычно вынуждены ждать квартиры не установленные 3 месяца, а в течение 2—3 и более лет. Семьям бывших военнослужащих приходилось испытывать серьезные трудности, связанные с пропиской для временного проживания, трудоустройством и медицинским обеспечением. Все это порождало справедливые нарекания со стороны людей, большую часть своей жизни отдавших воинской службе и без того хлебнувших лиха в дальних гарнизонах. Требовалось справедливое решение проблемы. И вот оно состоялось.

— Расскажите поподробнее, что конкретно оно предусматривает!

— Им предписано Советам Министров союзных республик безотлагательно рассмотреть вопрос и до конца 1990 года обеспечить жильем всех офицеров, прапорщиков, мичманов и военнослужащих сверхсрочной службы, состоящих на учете в исполнительных комитетах местных Советов народных депутатов к моменту принятия этого постановления. В дальнейшем строго соблюдать установленный ранее трехмесячный срок выделения квартиры.

— А что нового появилось в вопросах прописки уволенных военнослужащих, постановки их на учет для получения квартиры или улучшения жилищных условий?

— Здесь тоже найдены позитивные решения. Так, установлено, что теперь Министерство обороны СССР, Министерство внутренних дел СССР, Комитет государственной безопасности СССР и начальник железнодорожных войск ежегодно к 1 апреля через военные комиссариаты будут сообщать исполнительным комитетам местных Советов народных депутатов сведения о предполагаемом количестве прибывающих в следующем году указанных лиц и о количестве необходимой для их обеспечения жилой площади.

Местные органы власти обязаны делать все необходимое по временному размещению бывших военнослужащих с семьями

в случае прибытия их к месту жительства, избранному с учетом существующего порядка прописки.

Уволенные в запас или отставку по состоянию здоровья, возрасту, сокращению штатов принимаются на учет исполкомами местных Советов без представления документов о выписке с прежнего места жительства и сдаче занимаемого жилого помещения. Эти документы понадобятся непосредственно при получении ордера.

Тем же военнослужащим, кто достиг установленных законом предельных возрастов состояния на действительной военной службе, и тем, кому осталось служить не более трех лет, предоставляется право на первоочередное вступление в жилищно-строительные и жилищные кооперативы и получение земельных участков для индивидуального строительства в населенных пунктах, избранных ими с учетом существующего порядка прописки, независимо от места прохождения военной службы.

Принем бывших военнослужащих в жилищно-строительные и жилищные кооперативы, выделение им земельных участков для индивидуального строительства производится без наличия прописки по месту расположения кооператива или земельного участка. Основанием для вступления в ЖСК или получения земельного участка будут служить соответствующие документы, выдаваемые по месту службы.

— Очень интересуются некоторые наши читатели и другими важными постановлениями ЦК КПСС и Совета Министров — от 11 февраля 1988 г. № 197 и от 31 марта 1988 г. № 406, действие которых распространено соответствующими приказами МВД СССР на войска.

— Интерес вполне понятен, ведь речь в них идет о помощи тем, кто собрался сам строить, о предоставлении безвозмездной финансовой помощи военным людям, вступившим в жилищно-строительные или жилищные кооперативы, а также предоставлении им кредитов. Так, вступивший в жилищный кооператив может получить кредит в размере до 5 тысяч рублей с погашением в течение 10 лет с взиманием трех процентов годовых при проживании в городах и поселках городского типа и двух процентов годовых при проживании в сельской местности. Для тех, кто безусловно прослужил более 15 календарных лет, предусмотрена безвозмездная финансовая помощь в размере до 50 процентов задолженности.

— В ряде писем нас спрашивают, получают ли компенсацию те военнослужащие, которые полностью или частично оплатили кооперативное жилье!

— Речь идет не о компенсации, а об оказании помощи. Так что те, кто рассчитался за кооператив, исключаются из числа имеющих право на такую помощь. Имеющим задолженность оплачивается 50 процентов ее, без компенсации уже выплаченной суммы.

— Каков порядок получения безвозмездной финансовой помощи?

— Достаточно написать рапорт по команде с приложением справки правления кооператива о размере жилплощади, ее стоимо-

мости и сумме непогашенной задолженности.

— Может ли командир отказать в предоставлении финансовой помощи подчиненному на оплату задолженности в кооперативе?

— Да, ведь в приказе четко отражено, что помощь получают военнослужащие, безупречно проходящие службу.

— А если, допустим, человек, использовавший льготу, дискредитировал звание военнослужащего, как будет решаться вопрос?

— В случае увольнения из войск за совершение проступков, дискредитирующих звание военнослужащего, а также в связи с осуждением судом за совершенные преступления средства, выделенные в порядке безвозмездной помощи, подлежат возврату по последнему месту службы в срок до 5 лет. Невозвращенные в указанный срок средства взыскиваются в установленном порядке.

— Николай Михайлович, в редакционной почте по-прежнему немало писем прапорщиков, возмущающихся тем, что их ставят на очередь для получения жилья лишь после нескольких лет службы. Особенно много таких сигналов от военнослужащих, которые обеспечиваются квартирами за счет охраняемых объектов.

— Совсем недавно подписана директива начальника внутренних войск МВД СССР, восстанавливающая принцип социальной справедливости в этом вопросе. Теперь прапорщики, мичманы и военнослужащие сверхсрочной службы в списки нуждающихся в жилой площади включаются сразу после зачисления их на военную службу. Этим же документом оговаривается, что если военнослужащие перечисленных категорий проживали на служебной площади, то после 5 лет службы в качестве прапорщика, мичмана, сверхсрочнослужащего жилье им может быть переведено в разряд государственного с выдачей соответствующего ордера.

К сожалению, есть немало жалоб, в том числе и в ГУВВ, о нарушениях требований директивы МВД СССР от 26 апреля 1988 г. № 21 об обеспечении жилой площадью военнослужащих-контролеров подразделений внутренних войск по охране ИТУ, ЛТП. Им жилье должно выделяться наравне с начальствующим и инженерно-техническим составом ИТУ, ЛТП, что порой не выполняется. Тут многое зависит от принципиальности их прямых начальников, призванных проявлять заботу о подчиненных.

— В редакцию поступают сигналы и о том, что людям, при перемещении по службе бронирующим занимаемые ими жилые помещения, отказывают по новому месту службы в жилье. Правомерно ли это?

— Это грубое нарушение. Таким военнослужащим должна предоставляться служебная жилплощадь.

— Из ваших разъяснений следует, что меры по обеспечению людей при погоне жильем принимаются...

— Да, теперь надо добиться, чтобы они не остались лишь на бумаге.

Беседу записал
подполковник В. АФАНАСЬЕВ.

УРОКИ ДАЕТ ТРЕНЕР-МЕТОДИСТ МАКСИМ ГЛАДКОВ

Сегодняшний урок мы посвятим технике защиты от противника, вооруженного некоторыми подручными средствами, к примеру, длинной палкой, багром. Подчеркиваю в который раз: решительность действий, основанная на хорошем владении приемами защиты и нападения, является главным залогом успеха в поединке.

Комбинация № 1: противник наносит удар палкой сверху.

Исходное положение — основная стойка (рис. 1 а).

1—шагом правой ноги выполнить подскок и, блокируя палку у основания, нанести прямой удар правой рукой в голову (рис. 1 б); 2—правой ногой зацепить стопу противника и выполнить подсечку движением к себе-влево, руки при этом находятся в положении основной стойки (рис. 1 в); 3—делая шаг правой ногой, одновременно нанести удар левым кулаком в голову (рис. 1 г).

Комбинация № 2: противник выполняет укол палкой в живот.

Исходное положение — основная стойка (рис. 2 а).

1—быстро сделать шаг правой ногой в сторону-вправо, уйти с линии атаки и блокировать палку внешней стороной правого предплечья (рис. 2 б); 2—шагом правой ноги выполнить подскок и подсечь левую ногу противника движением к себе-влево (рис. 2 в); 3—делая шаг правой ногой, одновременно нанести противнику удар тыльной стороной правого кулака в голову (рис. 2 г); 4—продолжить атаку левой прямой в голову (рис. 2 д).

Необходимо помнить, что сила удара в конце палки значительно больше, чем у ее основания. Вот почему, защищаясь, необходимо как можно ближе подойти к

противнику. Это лишит его начального преимущества, сделает действия более скоординированными. Для того, чтобы резко сократить дистанцию, целесообразно сделать два коротких шага вместо одного длинного.

И еще. Во время защиты от укола палкой особое внимание уделите своевременному уходу с линии атаки, сокращению дистанции с нападающим. Этим самым вы не позволите ему сделать еще одну попытку нанести укол.

Комбинация № 3: противник выполняет зацеп крюком багра за ногу.

Учитывая то, что подобные действия, как правило, применяются против военнослужащих, действующих в составе подразделения, в данной комбинации приводятся контратакующие действия с использованием резиновой палки (прим. автора).

Исходное положение—основная стойка.

1—противник выполняет зацеп багром ноги военнослужащего и пытается вытянуть ее на себя (рис. 3 а); 2—следуя за багром, вынести вперед-вверх левую ногу и, сделав толчок правой, нанести прямой удар носком в живот в прыжке (рис. 3 б); 3—став на ноги, левой рукой выполнить захват правой руки противника в области лучезапястного сустава и нанести удар резиновой палкой (рис. 3 в).

Примечание: учитывая специфику действия противника и особенности применяемого им оружия, не следует пытаться моментально высвободить ногу от зацепа крюка багра, ибо это может привести к травме или потере равновесия.

В случае выполнения задачи в составе цепи после завершения контратаки необходимо быстро отойти назад и занять свое место в строю.

Рис. Е. Гладкова.

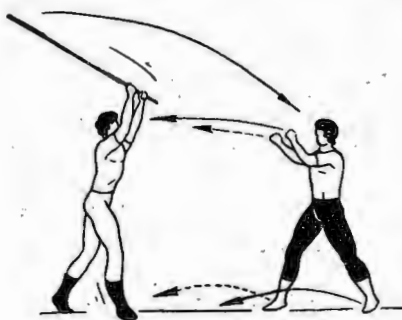

РИС. 1А

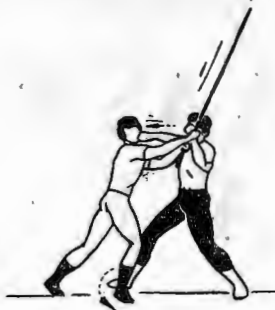

РИС. 1Б

РИС. 1В

РИС. 1Г

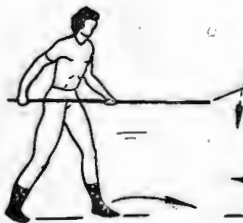

РИС. 2А

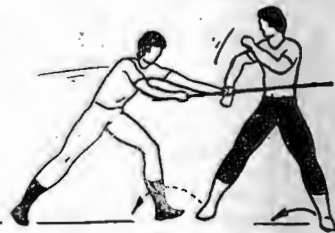

РИС. 2Б

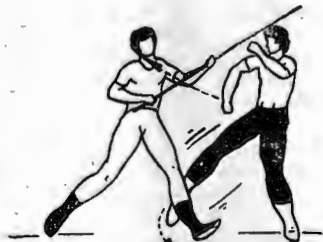

РИС. 2В

РИС. 2Г

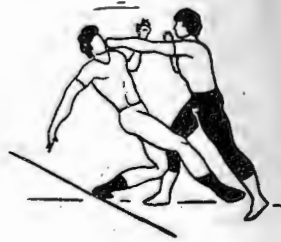

РИС. 2Д

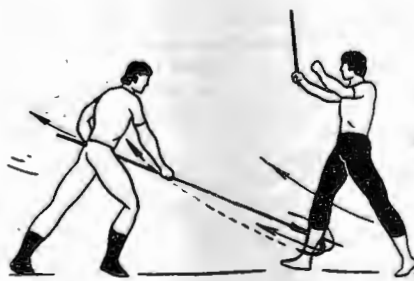

РИС. 3А

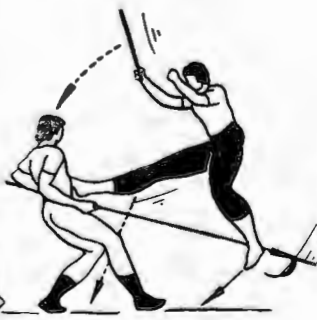

РИС. 3Б

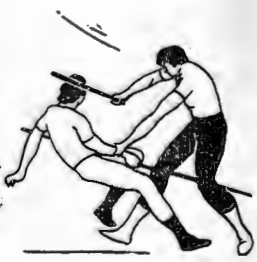

РИС. 3В

ЩИ ДА КАША — ПИЩА НАША

Материал «Хочешь жить, умей... питаться» (1990, № 1) вызвал большой интерес у читателей. Они, в частности, спрашивают: как осуществить раздельное питание на практике, возможно ли оно в условиях общепита!

Мы обратились к Надежде Алексеевне Семеновой с просьбой о конкретных рекомендациях: что и как готовить и есть, какие рецепты можно предложить всем пожелавшим воплотить в жизнь метод раздельного питания.

НАЧНУ с хлеба. Без него не получишь нормального питания. В конце сороковых хлебопекарная промышленность заменила здоровые хмельные дрожжи на термофильные, которые заселяют желудочно-кишечный тракт кокковыми микроорганизмами—дрожжами. Вместе с антибиотиками они создают ситуацию дисбактериозов. Поэтому хлеб лучше употреблять после 24—48-часового хранения, поджаренным на сковороде или в тостере, просушенным в духовке.

Предпочтение следует отдавать темным сортам хлеба, приготовленным из отрубистых сортов муки. Известно, что клетчатка-отруби благотворно влияет на работу двенадцатиперстной кишки, забирает секрет, выделяющийся в ней, и отдает его, проходя по кишечнику, чем создает ситуацию перистальтики. Белый хлеб, из рафинированной муки, особенно горяченький, весьма пассивно скользит по кишечнику. А съеденный вместе с белками или молочными продуктами, он не переварится и заполнит дивертикулы толстой кишки. Надо всегда помнить, что вреден не сам по себе хлеб, а неправильно совмещенный в трапезе. Не употребляйте хлеб с мясными и рыбными бульонами, яйцами, колбасой, мясом и т. п.

Готовить изделия из дрожжевого теста (пирожки, пироги, кулебяки и т. д.) можно обычным способом, исключив закладку яиц и молока. Добавьте маргарин, масло, сахар и т. д. В качестве начинки можно использовать повидло, джемы, ягоды и фрукты, капусту, картофель и т. д. Откажитесь от пирога с рыбой. Можно запечь рыбу в тесте, но при трапезе тесто не употреблять. Вареники с ягодами, медом, капустой, картошкой, политые обжаренным луком, хорошо дополнят ваш стол. Тесто следует готовить с использованием горячей воды (80—90°), чтобы оно было крепким и не разрывалось и без яиц.

СЛОЕНОЕ ТЕСТО также легко готовится без яиц по обычным рецептам и используется в домашней кухне для пирогов, пирожных и т. п. Возьмите доску, просейте муку, смешайте с предваритель-

но охлажденным маргарином, добавьте подсоленную воду, лимонный сок или яблочный уксус и замесите тесто. Скатав тесто в шар, накройте салфеткой и поставьте на 30—40 минут в прохладное место, после чего раскатайте и пеки те печенье, пирожки, ватрушки с фруктовой начинкой. Рецепт: 500 г муки, 300 г маргарина, 1 стакан воды, 1/2 ч. ложки соли, 1 ч. ложка лимонного сока (или яблочного уксуса).

Каши нужно использовать в пищу шире, чем это делается сейчас. Но, конечно, готовить их нужно иначе. Все недробленные крупы, кроме гречки и пшена, предварительно замачиваются на 6—8 часов. После многократной промывки залить кипятком и варить в течение 5—15 минут в кастрюле с крышкой. Даже перловка, сваренная таким образом, дает рассыпчатую, вкусную кашу. А ведь перловая каша дает хорошую гимнастику освободившимся от завалов стенкам кишечника и способствует этим восстановлению мышечного тонуса кишок, а значит, перистальтики. Какие можно рекомендовать каши? Гречневая—с маслом; со шпиком и луком; пшенная—с маслом; с тыквой; из цельной или дробленой пшеничной крупы—с маслом; из овсяной дробленой крупы (не из «геркулеса») —с маслом; ячневая—с маслом; перловая—с маслом; плов—с тыквой и фруктами. Но в качестве гарнира каши, как и другие продукты углеводной группы (вермишель, картофель), использовать нельзя.

Гарнирами к мясным, рыбным блюдам и блюдам из яиц могут быть фасоль, горох, баклажаны, свежие и соленые овощи, соки из томата, моркови, других овощей и предпочтительно кислые фруктовые соки. Вот, к примеру, рецепт приготовления капусты, которая хороша как гарнир к мясным и рыбным блюдам, а также для стола с картофелем.

КАПУСТА ПО-ЛЕНИНГРАДСКИ. Нашинковать капусту и плотно набить ее, смешав с морковью, в 3-литровую банку без соли. Послойно пересыпать семенами укропа,

51

тмина, душистым перцем и лавровым листом. Сверху насыпать 2 ст. ложки соли и залить водой доверху. Поставить в тарелку, чтобы при брожении не пролилось. Выдерживать при комнатной температуре двое суток, прокалывая для сброса газов брожения. Слить рассол, добавить 2 ст. ложки меда, растворить и залить снова в кастрюлю. Поставить на холод. Через 2 часа капуста готова.

Немного о меде. Входящие в его состав углеводы обладают свойством извлекать из переваренных продуктов ионы кальция и транспортировать их к нашим тканям, что необходимо для замены отживших клеток. Сахар же проходит несколько биохимических превращений, прежде чем превратится в углеводы, способные транспортировать ионы кальция. Поэтому при употреблении сахара нередко в разрушившихся тканях кальций полностью не восстанавливается, что провоцирует разрушение прежде всего костного скелета. Вот и получается—травматологи сращивают кости, а неправильное питание продолжает свою разрушительную работу. По данным д-ра Джарвиса, содержание ионов кальция в крови увеличивается до 120 процентов оптимального через 20 минут после употребления 1 ст. ложки меда. Эта концентрация поддерживается в течение суток, поэтому рекомендуется ежедневный прием меда по 1 ст. ложке.

Орехи и семечки являются, как и мед, живыми белками. Они содержат не только достаточно высокий процент белков, но и ферменты для их расщепления. Употребляя орехи вместо мяса, мы освобождаем поджелудочную железу от большой работы по расщеплению белков. Это позволяет больным при выходе из состояния сахарного диабета избавиться от употребления большого количества мяса, прописываемого для ежедневного рациона патентованной медициной.

Первые блюда, как правило, вызывают наибольшее количество вопросов. Поэтому предлагаю несколько рецептов.

СУП ГРИБНОЙ. Измельчите сухие грибы в ступке или кофемолке, залейте холодной водой и поставьте вариться, добавив одновременно мелко нашинкованные корни, поджаренные на растительном масле лук и зелень, специи по вкусу. Варить 10—12 минут, за 2—3 минуты до готовности залить в суп предварительно отваренную фасоль с водой, в которой она варилась. Рецепт: 2 л воды, 50—70 г сухих грибов, 200 г фасоли, коренья, зелень, специи по вкусу.

ЩИ ИЗ СВЕЖЕЙ КАПУСТЫ. Сварить мясной бульон, добавить в него предварительно поджаренные коренья и лук, кусочки мяса, нарезанную капусту и варить еще 10—12 минут. За 5 минут до окончания варки добавить перец, лавровый лист, зелень, соль по вкусу. В щи можно добавить нашинкованный болгарский перец, свежемороженые или свежие помидоры, нарезанные дольками. Рецепт: 500 г мяса, 350—400 г капусты, 200—250 г кореньев, 100 г лука, 200 г помидоров.

ЩИ ЗЕЛЕННЫЕ. Крапиву или шпинат хорошо промыть, сварить и протереть сквозь сито. Коренья и лук мелко нарезать и поджарить на растительном масле. Шпинат (крапиву) и коренья залить мясным бульоном, положить нарезанное кусочками мясо, болгарский перец, кипятить 3—5 минут, затем добавить по вкусу зелень и специи. Рецепт: 500 г мяса, 500 г крапивы (шпината), 200 г кореньев, 100—150 г перца болгарского, 100 г лука.

БОРЩ-СВЕКОЛЬНИК. Свеклу нарезать соломкой, стебли палочками, добавить поджаренный лук, морковь, белый корень; все залить мясным бульоном и варить 10—15 минут. Добавить нашинкованные листья свеклы, нарезанные соломкой — перец, помидорами—помидоры, зеленый лук, кусочки мяса. Рецепт: 300 г свеклы, 100 г моркови, 500 г мяса, 100 г сельдерея, 200 г болгарского перца, 50 г зеленого лука, 150 г помидоров.

БОРЩ ВЕГЕТАРИАНСКИЙ. Свеклу, морковь, сельдерея, мелко нашинкованные, залить водой, подсолить и кипятить 5—7 минут, засыпать 1 ч. ложку укропа или тмина, душистый горошек, лавровый лист, затем нарезанный ломтиками картофель. Как только содержимое кастрюли с кореньями и картофелем закипит, засыпать нарезанную капусту, болгарский перец, помидоры, нарезанные ломтиками, или сок томатный, зелень и специи по вкусу. Очень вкусными получаются вегетарианские бульоны и тушеные овощи, если в них добавить овощную приправу с содержанием глутамата натрия, создающего имитацию мяса.

СУП КАРТОФЕЛЬНЫЙ С КРУПОЙ. Промытую крупу или рис залить водой и варить до готовности. Засыпать в кастрюлю мелко нашинкованные и поджаренные коренья, лук, нарезанные кубиками — картофель, ломтиками — помидоры, перец болгарский, зелень и специи — по вкусу и прокипятить 5—10 минут.

СБОРНАЯ МЯСНАЯ СОЛЯНКА. Репчатый лук нашинковать, поджарить с кореньями, помидорами и маслом, туда же мелко порезать ломтиками огурец. Мясные продукты (вареные и жареные) могут быть различные — мясо, ветчина, почки, сосиски, колбаса, головизна. Нарезать их ломтиками, положить в кастрюлю с поджаренным луком и кореньями и варить 5—10 минут. При подаче к столу добавить ломтик лимона, зелень и специи по вкусу.

ХАРЧО. Мясо обмыть, нарезать небольшими кусочками, залить водой, варить 35—40 минут. Затем добавить лук, коренья, толченый чеснок, кислые сливы, соль, перец душистый и варить еще 25—30 минут. Томатный сок или помидоры (ломтиками) слегка поджарить с маслом и добавить за 5 минут до готовности. Зелень и специи по вкусу. Рецепт: 500 г мяса, 100 г лука, 25—30 г чеснока, 100 г помидоров, 1/2 стакана кислых слив, 200 г кореньев.

НАДЕЖДА.

Эту песню ждут в войсках

Вертолетные перелеты дались артистам нелегко: долгие часы в грохочущем Ми-8, затем езда по отнюдь не зеркальным лесным дорогам, и сразу же — на сцену. Тяжело. Но когда они выходили на подмости и в зале вспыхивали аплодисменты, сразу исчезала усталость, откуда-то появлялись силы, и артисты-москвичи пели, играли, читали, танцевали так, словно этот концерт был их первым концертом. Каждый номер зал встречал горячо, еще жарче награждал аплодисментами по окончании и долго не отпускал исполнителя...

Но едва опускался занавес, начинались быстрые сборы — и вновь за иллюминатором вертолета ржавые пятна болот и островки тайги, за которыми еще более отдаленные лесные подразделения и гарнизоны.

...Открывал концертную программу Леонид Викторович Афанасьев, человек интереснейшей судьбы. В прошлом он — боевой летчик, пилот штурмовика, участник Великой Отечественной войны, по сути повторивший подвиг А. Мересьева.

Его фронтовой путь отмечен тремя орденами Красного Знамени, орденами Александра Невского, Отечественной войны обеих степеней. Ныне Леонид Викторович — известный композитор, народный артист РСФСР, лауреат Государственных премий.

К боевым наградам прибавился орден Дружбы народов. 68 лет, но ветеран полон энергии, творческих планов, с наслаждением работает. Много сил отдал Центральному академическому театру Советской Армии. И всегда готов ехать, лететь в части, в дальние гарнизоны, встречаться с воинами, своей молодостью. Он объехал всю страну, не раз бывал в группах войск в Германии, Венгрии, Польше. Постоянно приезжает на Урал, в родное Оренбургское училище. Но в подразделениях внутренних войск — впервые.

— Впечатления — очень сильные, — поделился композитор. — В отдаленных гарнизонах военнослужащие не избалованы вниманием людей искусства. «Вы как манна небесная на нас свалились», — сказал нам командир одной части. Чувствую — мы там нужны. И я сейчас сосредоточусь на создании серьезной музыки, которая несет людям нечто духовно ценное.

Обычно вслед за Л. Афанасьевым на сцену выходил артист Москонцерта, лауреат международных конкурсов авторской песни Александр Неволин. В его репертуаре произведения о любви к женщине, к родному городу, к России.

Самые сокровенные струны души задевали стихи о святом — о Родине, прочитанные поэтом Леонидом Георгиевичем Купчо, чьи песни часто звучат по радио.

И вновь на сцене человек с гитарой — Андрей Градов, киноактер, каскадер. За плечами его съемки более чем в тридцати кинокартинах, главная роль в фильме «Найти и обезвредить» — динамичные, остро сюжетные его фрагменты также были показаны зрителям. А песни Градова, проникнутые тонким лиризмом, часто едкой иронией, о мужестве, чувстве собственного достоинства и ответственности за все, что происходит в жизни...

Никого из зрителей не оставляло равнодушным эмоциональное, яркое выступление лауреата всесоюзных конкурсов исполнителей советской песни певицы Светланы Колюжной, сопровождавшееся темпераментным, поистине огненным танцем. Покоряла слушателей и виртуозность игры инструментальной группы бригады — эстрадного ансамбля под управлением Анатолия Романченко.

Всегда вызывало интерес у воинов и общение с Натальей Бозуновой — актрисой театра и кино, снявшейся более чем в тридцати кинокартинах, в том числе и вошедших в золотой фонд советского киноискусства: «Бегущая по волнам», «До свиданья, мальчики», «Снегурочка».

Динамично, умно вела концерты Лариса Сергеевна Шатилина — ответственный секретарь Центральной военно-шефской комиссии при ЦК профсоюзов работников культуры. Именно эта комиссия и направила на Урал концертную бригаду.

— Эти гастроли — первая наша поездка непосредственно для внутренних войск, — говорит Лариса Сергеевна. — Моих коллег теперь не нужно убеждать в большой пользе и необходимости подобных встреч. На ближайшую перспективу намечаем гастроли по Среднеазиатскому, Прибалтийскому регионам — с посещением самых отдаленных гарнизонов. Твердо намерены сделать шефство над войсками системой.

О том, что эта поездка действительно вдохновила артистов, говорит то, что Л. Афанасьев уже работает над новой песней, посвященной трудной и ответственной службе внутренних войск.

И эту песню в войсках ждут.

Капитан А. НОВОСЕЛОВ.

На снимках:

Л. АФАНАСЬЕВ,

С. КОЛЮЖНАЯ.

Фото прапорщика В. БОБРОВА.

СВЕЧИ ЗАЖИГАНИЯ

Работа двигателя во многом зависит от свечей зажигания. У хорошей, уже работавшей свечи (рис. а) изолятор светло-коричневого или сероватого цвета, чистый корпус, нет следов износа на электродах. Значит, цилиндры двигателя и детали поршневой группы в хорошем состоянии.

А вот другая свеча (рис. б). Почернели и корпус, и изолятор, и электроды. Ясно, что свеча либо работает в очень плохих условиях, либо не соответствует двигателю. Нагар на свечах — следствие неправильной регулировки контактов прерывателя-распределителя, нарушения зазоров между электродами свечей, неисправности конденсатора, проводов высокого напряжения, длительной работы двигателя на холостом ходу или на переобогащенной смеси.

На рис. в электроды свечи замаслены. Если двигатель уже не первой молодости, этот симптом подсказывает: поршневая группа требует ремонта. В процессе же обкатки двигателя масло на электродах свечи — явление временное.

Выгоревшие или сильно корродированные электроды (рис. г), изъязвленный изолятор — симптомы перегрева свечи. Причины: неверная установка момента зажигания, применение низкооктанового бензина или слишком низкое калильное число свечи, т. е. время в секундах, по истечении которого возникает калильное зажига-

ние — рабочая смесь воспламеняется не от искры, а от раскаленного корпуса свечи. Это вызывает детонацию, падение мощности, перегрев поршневых колец и клапанов, трещины на изоляторах, выгорание электродов.

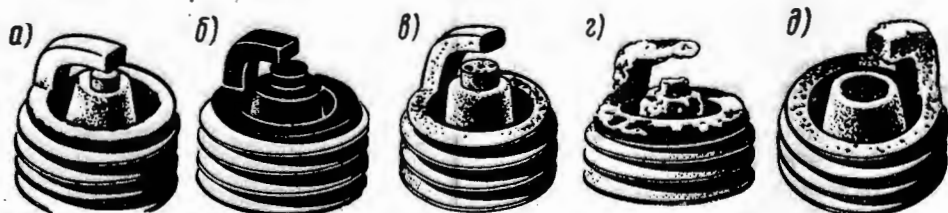
На рис. д показана свеча, поврежденная из-за неверной установки момента зажигания (раннего): оплавлены электроды, поврежден изолятор.

У исправной свечи нет трещин и сколов изолятора, а зазоры между электродами в пределах 0,5—0,6 мм. Обычно свечи эффективно работают 30—35 тыс. км, а затем их меняют на новые. После каждых 10 тыс. км свечи следует очищать от нагара и при необходимости регулировать зазор.

Для этого понадобятся ключ торцовый для свечей, щуп для прибора зажигания, капроновая щетка, обтирочный материал. Чтобы грязь не попала в цилиндры двигателя, прежде чем вывернуть свечи, протрите головку блока щеткой и ветошью.

Обращаться со свечами надо аккуратно, так как незначительный перекос ключа может повредить изолятор. Вывернутые свечи необходимо тщательно очистить щеткой или тампоном со специальной жидкостью, бензином, спиртом (что есть под рукой) и вытереть насухо. Регулировать зазор можно лишь боковым электродом.

Обработанные свечи с уплотнительными кольцами, не торопясь, установите на место. Свечи сначала вворачивают рукой, а затем затягивают ключом, но без особого усилия. Необходимо «чувствовать» резьбу, ведь корпус свечи — стальной, а головка блока цилиндров — из алюминиевого сплава. Нарушив резьбу гнезда, придется снимать и ремонтировать головку блока.

ЛЕГКОСЪЕМНЫЙ КОЛПАЧОК

Снять колпачок ступицы переднего колеса «Жигулей» будет легко, если приварить к нему гайку М 10 и просверлить отверстие. Заворачивая болт М 10 x 40, вы без труда снимете колпачок. А после обслуживания, установив его на место, заверните в гайку короткий болт-заглушку М 10 x 10.

ПОЛЕЗНАЯ ПРЕДОСТОРОЖНОСТЬ

Шарниры рулевых тяг на автомобиле дольше и надежнее прослужат, если защитить их от воды и грязи. Для этого их надо смазать литолом или смазкой ШРБ-4 и обернуть тремя-четырьмя слоями тонкой полиэтиленовой пленки, закрепив ее концы на рулевых тягах липкой лентой или мягкой проволокой.

В 1991 г. наш читатель найдет на страницах журнала интересные публикации: статьи о деятельности войск в современных условиях, их роли в становлении правового государства, защите прав и достоинства граждан, о социальных проблемах личного состава, о «белых пятнах» нашей истории. Будет продолжено печатание консультаций по самым различным вопросам. Читатель сможет познакомиться с произведениями как советских, так и иностранных писателей, в том числе с неопубликованными в нашей стране.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ

на журнал

внутренних войск

МВД СССР

«НА БОЕВОМ ПОСТУ»

Пересылку заказов и расчеты с редакцией производить через финансовые органы в порядке подчиненности не позднее ноября с. г.

Заказ составлять на все войска по управлению (соединению, училищу) с приложением списка адресов частей, подразделений и указанием количества экземпляров журнала на год и полгода.

Бюджетную и индивидуальную подписку личного состава оформлять одним заказом на служебный адрес.

В адресе для доставки журнала указывать почтовый индекс, номер почтового отделения, район, область, край, республику.

Заказы высылать в редакцию не позднее указанного в настоящем объявлении срока. При невозможности направить заказ в установленное время необходимо предупредить об этом редакцию.

Одновременно с заказом финорганом управления войск (училища), горрайоргана или подразделения внутренних дел перечисляется подписная плата на расчетный счет № 340616 Калининского отделения Промстройбанка г. Москвы.

Подписная цена на 12 месяцев — 6 р. 60 коп., на полгода 3 р. 30 коп.

Заместителям командиров части по политчасти и общественным распространителям печати следует проконтролировать поступление журнала, проверить, все ли подписчики его получили.

Рассылкой журнала редакция не занимается. Эту функцию выполняет издательство газеты «Красная звезда» по доставочным карточкам, которые оформляет редакция.

В случае несвоевременной доставки журнала следует проверить, направлены ли вместе с подписной платой заказы в редакцию, затем обратиться в отделение связи, к начальнику городского (районного) агентства «Союзпечать», в газетный узел.

При необходимости можно навести справки в редакции по адресу: 111250, Москва, Е-250, редакция журнала «На боевом посту» (телефон 361-80-97).

СОДЕРЖАНИЕ

**ЧИТАЙТЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ**

XXVIII СЪЕЗД КПСС. СЛОВО — КОММУНИСТАМ ВОЙСК

На перекрестке мнений 2

КАРИМБАЕВ Ш. Пора менять аршин 4

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ 7

ДИАЛОГ С НАРОДНЫМ ДЕПУТАТОМ

СТЕПАШИН С. «Кандидатский минимум» 10

В ГОРЯЧИХ ТОЧКАХ

УСКОВ В. Ослепление 18

XXI СЪЕЗД ВЛКСМ: ПУТЕМ ОБНОВЛЕНИЯ

ГЕРАЦЕНКО В. С республиканскими правами 31

ОЧЕРК. ПУБЛИЦИСТИКА

БЕНДИН С., БЫЛЕВСКИЙ П. Неформальное противо-
стояние 13

КАРПОВ Б. Ферганское эхо в Паркенте 24

КУЛИКОВ В. Вагон, идущий в никуда... 33

ЯМПОЛЬСКИЙ М. Судьбы непростые изломы 40

УШАР А. Оруженосцы 62

КАКИМИ БЫТЬ ВОЙСКАМ

СМИРНОВ Л. По контракту? 38

КОНФЛИКТНАЯ СИТУАЦИЯ

КОРОЛЕВ О. Не на всякого мудреца... (фельетон) 59

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

ЭКСБРУАЙА Ш. «Мы еще увидимся, детка...» (зару-
бежный детектив, продолжение) 46

Стихи (подборка) 30

* * *

Станет ли короче очередь на квартиру? 86

Ушу—искусство и оружие 88

Щи да каша — пища наша 90

Эту песню ждут в войсках 92

Автодайджест 94

...здешние бандюги пред-
лагают 50 тысяч за голову
лейтенанта Семина... Изгорь-
ка нашего ценят как ка-
кой-нибудь поддержанный
«Мерседес». Вот додума-
лись! Дичь какая-то, бред!
В советское время!..

**В. КАРПОВ.
«50 ТЫСЯЧ ЗА ГОЛОВУ
ЛЕЙТЕНАНТА».**

Идеал кооператора, диск-
жокея, политического лу-
кавца не сможет вытес-
нить из народного созна-
ния идеал ратоборца, за-
ступника, мученика за на-
род и Отечество.

**А. ПРОХАНОВ.
«ДОСТАТОЧНАЯ
ОБОРОНА».**

Поздним сентябрьским ве-
чером в квартире военного
прокурора раздался рез-
кий звонок. Вошли трое.
Одного из них Михаил
Ишов знал достаточно хо-
рошо. Это был начальник
отделения особого отдела
НКВД СибВО младший лей-
тенант госбезопасности Ал-
патов. Произвели обыск.
Затем Алпатов предложил
взять Ишову смену белья,
носки, полотенце, одеяло...

**В. БОБРЕНЦЕВ.
«БЫЛ И ОСТАНУСЬ
ЧЕСТНЫМ...»**

Художественное оформление Е. К. Селиновой.

Технический редактор И. В. Володина.

Корректоры Е. Ю. Гаврилова, И. Ю. Семibrатова.

Адрес редакции: 111250, Москва, Е-250
Телефоны: секретариата — 361-82-57. Отделов: войсковой жизни — 361-85-23,
партийной жизни и военно-патриотического воспитания молодежи —
361-81-54, пропаганды — 361-82-87, военного очерка и публицистики —
361-86-27, литературы — 361-85-28, культуры и массовой работы —
361-89-39, художественного оформления — 361-85-21, издательства (вопросы
подписки) — 361-80-97, бухгалтерии — 361-85-80.

Сдано в набор 5.05.90 г.
Формат бумаги 70×108^{1/8}.
Уч.-изд. л. 13.

Подписано к печати 27.06.90 г. Г-42422
Усл. печ. л. 8,4 + вкл. 1/4 п. л. Цена 55 коп.

Ордена «Знак Почета» типография «Красная звезда», Хорошевское шоссе, 38.

Приятель, строевой офицер, недавно признался: "Знаешь, как-то в разговоре с сыном назвал речушку водной преградой. И даже испугался..."

Душой мы черстве-ем, что ли, в служеб-ных буднях переставая замечать естественную и потому диковинную красоту матери нашей – природы? Не видим утопающей в цветах долины, будто сошед-шей с полотна живо-писца, зато быстро, на-метанным глазом определяем на этой же среднeperесече нной местности удобный в тактическом отноше-нии участок для тран-шеи на взвод.

Молчушка ЛЕТА

А ведь Отечество – это не только дерево-земляные фортифика-ционные сооружения и поле боя, к счастью, учебного. Это и просто дере-вя, и просто земля, и просто поле. И конечно, куст над ре-кой. Над рекой, а не над водной преградой.

А. ЕВГЕНЬЕВ.

ОСТАНОВИТЕ СВОЙ ВЫБОР

МИНСКИЙ АВТОМОБИЛЬ-
НЫЙ ЗАВОД — КРУПНЕЙ-
ШЕЕ В СТРАНЕ ПРЕДПРИ-
ЯТИЕ ПО ПРОИЗВОДСТВУ
БОЛЬШЕГРУЗНЫХ АВТО-
МОБИЛЕЙ.

Сегодня завод перешел к выпуску третьего поколения автомобилей. Последняя новинка — МАЗ-2000 — стала звездой Парижского салона. Продукция экспортируется в более чем пятьдесят стран мира.

Предприятие приглашает воинов, заканчивающих службу во внутренних войсках, для работы по специальностям: токарь, фрезеровщик, сверловщик, штамповщик, кузнец-штамповщик, электросварщик и другим. Не имеющие специальности обучаются в процессе работы.

Уволенным в запас военнослужащим срочной службы предоставляются благоустроенные общежития с последующей пропиской в г. Минске. Молодой работник получает после постановки на очередь однокомнатную квартиру в течение 2—3 лет, двухкомнатную в течение 3—5 лет.

Ежегодно каждый четвертый автозаводец обеспечивается путевкой для отдыха или лечения бесплатно или за тридцатипроцентную стоимость в собственных здравницах в Крыму, Сочи, Карпатах и на территории республики.

Автозаводцам созданы условия для занятий физкультурой и спортом: имеются спортзалы, стадионы, легкоатлетический манеж, плавательный бассейн. К их услугам десятки художественных коллективов и кружков.

ВОИН, МАЗ ЖДЕТ ТЕБЯ!

Адрес завода: г. Минск,
ул. Социалистическая, 2,
отдел кадров МАЗ,
тел. 46-98-54
46-96-20
46-95-40

